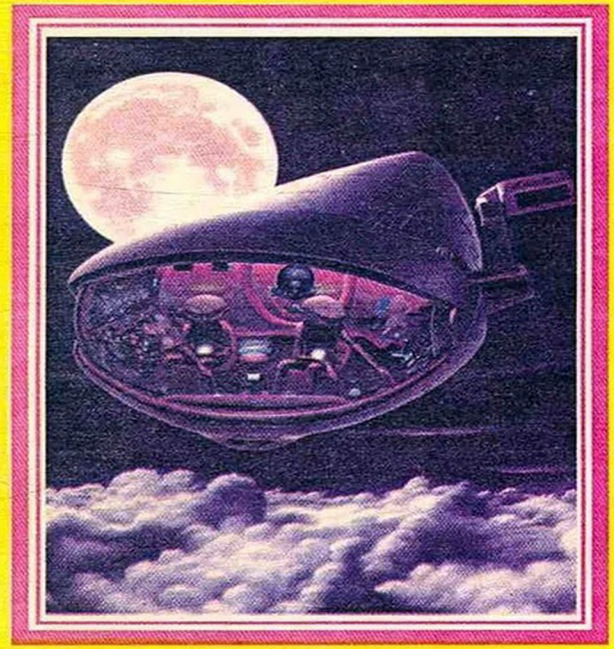
Клиффорд САЙМАК

ЗАЧЕМ ИХ ЗВАТЬ ОБРАТНО С НЕБЕС?

Зачем их звать обратно с небес?

Клиффорд Дональд Саймак

Аннотация
Клиффорд Д. Саймак. Зачем их звать обратно с небес?
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19

20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37

Аннотация

Произведение представляет собой остросюжетное частное расследование злоупотреблений Центра по анабиозу, в чьих отделениях спят долгим сном большинство жителей Америки — усыпленные до того времени, когда будет изобретен способ сделать людей бессмертными.

CLIFFORD SIMAK

Pan Science Fiction

SF

WHY CALL THEM BACK FROM HEAVEN?

Клиффорд Д. Саймак
Зачем их звать обратно с небес?

1

Присяжные радостно зашумели. Принтер выстреливал распечатку вердикта, строчки ровно ложились на бумажную полосу, затемняли ее.

Принтер замолк, и судья кивнул клерку. Тот подошел к Присяжным и принял вердикт. Держа его обеими, по ритуалу, руками, он повернулся к судье.

— Подсудимый, — сказал судья, — встаньте лицом к Присяжным.

Фрэнклин Чэпмэн дрожа поднялся, встала рядом с ним и Энн Харрисон. Она дотронулась до его руки и сквозь ткань рубашки уловила легкую дрожь.

Я должна была выполнить работу лучше, сказала она себе. Хотя, конечно, этим делом она занималась куда серьезнее, чем многими другими. Сердце ее лежало к этому человеку, такому жалкому, попавшему в ловушку. Может быть, думала она, женщина не должна защищать мужчину в суде. Может быть, раньше, когда присяжные еще были людьми… Но не здесь, где Присяжными стал компьютер, и обсуждению

подлежат лишь нюансы закона.

— Теперь, — обратился к клерку судья, — зачтите вердикт.

Она взглянула на прокурора, сидящего за столом с лицом суровым, епископским — вполне подобающим судебному процессу. Орудие, вздохнула она, всего лишь орудие правосудия, как и Присяжные.

В помещении было сумрачно и тихо, в окна светило заходящее солнце. Сидевшие в первых рядах газетчики высматривали малейшее проявление чувств, любое, пусть незначительное движение, жест — любую зацепку, пригодную для сочинения историйки. Люди с камерами приготовились запечатлеть тот миг, когда вечность и небытие начнут бороться на весах.

Но Энн знала — колебания здесь почти невозможны. Защиту строить не на чем. Его приговорят к смерти.

Клерк приступил к чтению:

— Решение Присяжных по делу «Государство против Фрэнклина Чэпмэна» состоит в следующем: Чэпмэн обвиняется в преступной небрежности и вопиющей служебной безответственности, которые повлекли за собой задержку доставки умершей Аманды Хэккет, что вызвало

полное разрушение тела.

Утверждение обвиняемого, что он не может нести личную ответственность за техническое состояние транспорта, представляется неуместным. Он лично отвечал за доставку тела. Возможно, имеются лица, также несущие ответственность за допущенную халатность, но степень их вины не может оказать влияния на данное решение суда.

Обвиняемый признается виновным по каждому пункту обвинительного акта. В силу отсутствия смягчающих обстоятельств, апелляция не предусмотрена.

Чэпмэн осел и замер на стуле. Он оцепенел, сидел прямо, крепко сцепив громадные руки, лицо его походило на слепок.

Он сразу все понял, подумала Энн Харрисон. Поэтому и оставался таким безучастным. Его не обнадежили ни ее адвокатские хлопоты, ни уверения. Она старалась поддержать его, но он ей не верил, и был прав.

— Имеет ли защитник ходатайство? — осведомился судья.

— С вашего позволения, ваша честь, — ответила Энн.

Он хороший человек, сказала она себе. Старается быть добрым, а не получается. Закон не

позволяет. Он выслушает, откажет, огласит приговор, и это — конец. Все очевидно, и апелляции нет.

Она взглянула на выжидающих газетчиков, посмотрела на объективы телекамер и ощутила, как кровь пульсирует в венах. Благоразумно ли, спросила она себя в последний раз, то, что она намерена сказать? Тщетно, да, но есть ли в этом хоть какой-то смысл?

И тут, колеблясь в нерешительности, она поняла, что не должна смолчать, ведь это ее обязанность, долг, а не исполнить долг она не может.

— Ваша честь, — начала она, — мое ходатайство состоит в том, чтобы данный вердикт был отменен на основании предвзятости, имевший место в ходе слушания.

Обвинитель вскочил с места.

Судья движением руки приказал ему сесть.

— Мисс Харрисон, — сказал судья, — я не вполне уверен, что уловил смысл ваших слов. Что вы имеете в виду под предвзятостью?

Она обогнула стол и подошла вплотную к судье.

— Я имею в виду, — продолжала Энн, — что основная улика связывается с неисправностью

транспорта.

— Согласен с вами, — серьезно кивнул судья. — Но где здесь предубеждение?

— Ваша честь, — выдохнула Энн Харрисон, — ведь Присяжные тоже механические.

Обвинитель снова вскочил на ноги.

— Ваша честь! — завопил он. — Ваша честь!

Судья стукнул молоточком.

— Я все слышу, — строго заметил он обвинителю.

Газетчики встрепенулись, они строчили в блокнотах и переговаривались между собой. Линзы объективов, казалось, засверкали еще ослепительней.

Обвинитель сел. Шум стих, в зале повисла мертвая тишина.

— Мисс Харрисон, — осведомился судья, — значит ли это, что вы подвергаете сомнению объективность Присяжных?

— Да, ваша честь. В том, что касается механизмов. Я не утверждаю, что пристрастность была сознательной, но бессознательное предубеждение налицо.

— Смехотворно! — воскликнул обвинитель.

Судья махнул в его сторону молоточком:

— Успокойтесь!

— Да, я повторяю, — продолжила Энн, — могло сказаться бессознательное предубеждение. И далее, я утверждаю, что любому механическому устройству недостает качеств, без которых правосудие невозможно, а именно — чувства сострадания и человеческого достоинства. Допустим, что закон олицетворяет сверхчеловеческий, всеобщий правопорядок, но…

— Мисс Харрисон, — прервал ее судья, — вы пытаетесь читать нотации суду.

— Приношу свои извинения, ваша честь.

— Вы закончили?

— Да, ваша честь.

— Что же, отлично. Я отклоняю ваше ходатайство. Имеются ли другие?

— Нет, ваша честь.

Она вернулась на свое место, но осталась стоять.

— В таком случае, — сказал судья, — не вижу причины откладывать вынесение приговора. Впрочем, подобными полномочиями я и не обладаю. В таких случаях закон высказывается вполне определенно. Обвиняемый, встаньте.

Чэпмэн медленно поднялся.

— Фрэнклин Чэпмэн, — начал судья, — по приговору суда вы признаетесь виновным без права

на апелляцию и лишаетесь сохранения вашего тела после смерти. Однако никоим другим образом ваши гражданские права ущемлены не будут.

Он стукнул молотком.

— Суд окончен.

2

Ночью кто-то написал лозунг на стене из красного кирпича. Крупная, исполненная желтым мелом, надпись вопрошала:

Зачем их звать обратно с небес?

Дэниэл Фрост пристроил свою изящную двухместную машину на стоянке возле Нетленного Центра, вышел и с минуту разглядывал буквы. С недавних пор таких воззваний стало появляться довольно много, и ему, отчасти из праздного любопытства, хотелось бы узнать, в чем тут дело. Маркус Эплтон, наверное, объяснил бы ему, только Эплтон — шеф отдела безопасности Нетленного Центра и человек занятой, так что в последнее время Фрост видел его лишь пару раз. Конечно, если происходит нечто существенное, Маркус, разумеется, в курсе. Трудно представить, успокаивал себя Фрост, что Маркус может быть о чем-либо не осведомлен.

К нему подошел работник автостоянки:

— Доброе утро, мистер Фрост, — поприветствовал он, поднеся руку к козырьку. — Улицы,

похоже, нынче забиты.

Да, в самом деле. Магистрали были переполнены небольшими машинами, схожими с той, которую припарковал Фрост. Их плавные, изогнутые кузова сверкали на утреннем солнце, и до стоянки доносилось слабое электрическое гудение множества моторов.

— Как обычно, — кивнул Фрост. — Кстати. Вы бы взглянули на задний бампер. Ткнулся там кто-то.

— Может, ему и досталось, — хмыкнул служащий. — Погляжу, конечно. А как насчет подвески, я могу заняться?

— Да ведь там все в порядке, — поморщился Фрост.

— Все равно, проверю. Много времени не отнимет, а к чему рисковать.

— Да, вы правы, — вздохнул Фрост. — Спасибо, Том.

— Нам вместе работать, — ответил тот. — Как это было: «Берегите друг друга!». Правильный девиз. Кажется, его сочинил кто-то из вашего отдела?

— Да, — согласился Фрост. — Не так давно. Девиз соучастия, одно из наших лучших достижений.

Он нагнулся, прихватил с сиденья портфель и

сунул его под мышку. Изнутри портфель распирал пакет с ленчем. Фрост ступил на эскалатор, направляясь к одной из площадок, окружавших громадное здание Нетленного Центра. На эскалаторе он, как обычно, по непонятной для самого себя причине, запрокинул голову и прилип взглядом к устремленной ввысь громаде. Бывало, в непогоду вид на здание закрывали облака, но в ясный день конструкция стремилась в поднебесье, и верхние этажи словно растворялись в голубой дымке. Взглянув на сооружение, всякий ощущал головокружение при мысли, что создано это человеческими руками.

Фрост покачнулся и вовремя пришел в себя. Не следовало бы так заглядываться, попенял он себе. Или, по крайней мере, подождать с этим до площадки. Эскалатор шел всего в двух футах над землей, но, если не глядеть под ноги, то можно упасть и сломать себе шею, ничего невозможного в этом нет. Фрост в сотый раз изумился, отчего никому не пришло в голову оградить эскалатор перилами.

Он доехал до площадки, сошел с эскалатора и присоединился к густой толпе, стремящейся в здание. Прижимая к себе портфель, он старался хоть как-то уберечь свой ленч, хотя знал, что

шансы невелики — в толчее пакет всякий раз превращался в лепешку.

Может быть, прикинул он, сегодня стоит обойтись без обычного молока? Раздобыть к ленчу стакан воды, этим и ограничиться. Фрост облизал пересохшие вдруг губы. Или можно сэкономить на чем-то другом? Очень уж он любил ежедневный стакан молока…

Впрочем, не в молоке дело, надо изыскать способ возместить стоимость ремонта машины. Эта трата не была запланирована и могла расстроить бюджет. А если Том установит, что надо чинить подвеску, то вот и еще один расход.

Фрост беззвучно застонал.

Но, разумеется, он сознавал, что человек не имеет права рисковать, и не только на дороге.

Ничего, что могло бы угрожать жизни! Никаких опрометчивых затей, никакого альпинизма, никаких полетов — только на практически безопасном вертолете, никаких автогонок и кровожадных видов спорта. Главное — надежность; ровность хода эскалаторов, ступеньки из эластичного материала — все, чтобы исключить несчастный случай. Даже воздух огражден от загрязнения: заводские дымы фильтруются, машины не чадят допотопным горючим, но

работают на вечных батареях, приводящих в движение электромоторы.

Первая жизнь человека должна быть очень долгой, ведь это его единственная возможность составить себе капитал для следующей. И поскольку цель общества состоит именно в том, чтобы добиться ее максимального продления, то нельзя допускать, чтобы неосмотрительность или тяга к чрезмерной экономии (вроде постоянного желания избежать ремонта машины) отняли годы, необходимые для накопления средств, предназначенных для жизни второй.

Медленно продвигаясь вперед, он вспомнил, что сегодня совещание, так что придется убить час, а то и больше, выслушивая обычные разглагольствования Б.Д. об общеизвестных истинах. Когда же Б.Д. закончит, то уже руководители отделов и групп проектирования заведут разговор о своих проблемах, которые они вполне в состоянии разрешить и самостоятельно, но говорить о которых все равно станут затем лишь, чтобы продемонстрировать свою преданность делу. Пустая трата времени, вздохнул Фрост, но как ее избежать? Вот уже несколько лет, начиная с тех пор, как он возглавил отдел общественной информации, каждую неделю приходилось убивать

время на совещаниях, ерзая при мысли о делах, скопившихся на его столе.

Маркус Эплтон, подумал он, вот — единственный среди нас с характером. Совещаний тот избегал. Впрочем, он мог себе это позволить. Отдел безопасности — дело особое. Чтобы быть эффективной, безопасность должна располагать большей свободой, нежели остальные отделы Нетленного Центра.

Когда-то, вспомнил Фрост, ему хотелось обсудить на совещаниях и проблемы своего отдела. Но искушению он не поддался, и теперь был этому рад: все советы и предложения, как правило, оказываются полной ерундой. И, уж конечно, его жалобы не помешали бы сотрудникам других отделов сваливать на него работу, хоть мало-мальски имеющую отношение к его компетенции.

Главное, не уставал убеждать себя Фрост, делать свое дело, держать язык за зубами и сохранять всякую идущую в руки денежку.

Он задумался, кто именно сочинил лозунг на красной кирпичной стене. Такой он видел впервые, лозунг был удачнее предыдущих, и Фрост с удовольствием привлек бы к работе человека, который его придумал. Но искать автора — на-

прасный труд. Это, наверняка, работа Святых, а они — ребята упрямые. Фрост не мог понять, чего они добиваются, противопоставляя себя Нетленному Центру. Ведь Центр не действует против чьей-либо веры, Центр просто реализует долгосрочную биологическую программу, основанную исключительно на научном подходе.

Он поднялся по ступенькам, медленно протиснулся внутрь и оказался в вестибюле. Держась правой стороны, Фрост постепенно приближался к киоску, где торговали табаком, наркотиками и всякой всячиной.

У прилавка с наркотиками, как обычно, не протолкнуться. По дороге на службу люди заходят сюда, чтобы приобрести пилюли грез — галлюциногены, которые доставят им вечером несколько приятных часов. Фрост наркотики не употреблял и употреблять не собирался, ему это казалось глупой тратой денег. Тем не менее он допускал, что есть люди, которым необходимо компенсировать недостаток тех волнений и страстей, что были привычны когда-то — когда смерть постоянно дышала человеку в затылок, окончательная смерть. Для таких людей жизнь, наверное, бесцветна, скучна; они не знают стремления к цели, забыли о ней — об этой прекрасной цели, забыли, что их

теперешняя жизнь — лишь время подготовить себя к вечности.

Пробираясь сквозь толпу, он, наконец, достиг киоска.

Чарли, его владелец, завидев приближающегося Фроста, извлек из-под прилавка кляссер с марками.

— Доброе утро, мистер Фрост, — приветствовал он. — Есть кое-что специально для вас.

— Снова Швейцария, как я вижу, — хмыкнул Фрост.

— Чудесные марки, — убежденно сказал Чарли. — Рад, что их купите именно вы. Через сто лет не пожалеете.

Фрост взглянул на правый нижний угол кляссера. 1.30 — было написано там карандашом.

— Сегодня, — прикинул Чарли, — они стоят доллар восемьдесят пять.

3

Ночью ветер снова повалил крест. Беда в том, размышлял поутру Огден Рассел, протирая глаза от гноя, что песок ненадежен. Если бы найти подходящие валуны и навалить их у основания, тогда речной ветер ничего не сможет сделать.

Надо что-то предпринять, ведь не подобает кресту столь жалко крениться при всяком порыве ветра. Не соответствует это ни святости символа, ни набожности воздвигшего крест.

Сидя на песке, слушая веселое утреннее журчание реки, Рассел думал о том, мудро ли он поступил, избрав этот островок для своего одиночества. Одиночество ему удалось, но все же явно чего-то недоставало. Комфорта, вот чего. Но ведь, напомнил он себе, я искал здесь не комфорт. Комфорт остался там, в мире, от которого он отвернулся. Но он отринул и это, и многое другое — в поисках чего-то более возвышенного и значительного, в поисках того, чье существование ощущал, но все никак не мог обрести.

— Но, Господи, я ведь старался! — простонал он. — Боже мой, я ведь так старался!

Он встал и очень осторожно потянулся, все тело ломило от речной сырости, от ветра, от ночевок под ветхим одеялом. Да и как согреться, вся его одежда — лишь старые, отрезанные выше колен брюки.

Он потянулся и стал размышлять, следует ли заняться крестом до молитвы или молитва будет услышана и так. Наконец он решил, что крест есть крест, и не важно — установлен он или лежит на песке.

Стоя над рекой, он боролся с навязчивыми мыслями, пытаясь заглянуть себе в душу, проникнуть в вечную тайну мира, скрытого еще глубже души — вечно неуловимого и непостижимого. Но озарение не возникало, ответ не приходил, не приходил никогда. А сегодня — хуже прежнего; единственное, о чем он мог думать в это утро — обожженная, шелушащаяся кожа, ссадины от долгого стояния на коленях, голодные спазмы в желудке, и самое главное — попалась ли рыба на крючки расставленных с вечера снастей.

И если теперь, после месяца ожидания, думал он, ответа все еще нет, то его, наверное, просто не существует, и я ошибся в выборе пути, взывая к несуществующему, и к несуществовавшему никогда Богу. А может, я звал не тем именем…

Хотя имя не может иметь никакого значения. Имя — это только имя, не более. Символ. Ведь, напомнил он себе, то, что я ищу, это просто — понимание и вера, глубина веры и мощь понимания, присущие людям и прежде. Для веры, несомненно, должно быть основание, и это основание можно отыскать. Не могло же ошибаться все человечество. Любая религия всегда нечто большее, чем просто вымысел человека, желающего заполнить мертвую пустоту своего сердца. Даже неандертальцы хоронили умерших лицом к восходу, кидали в могилу горсть красной охры — символ второй жизни, клали рядом с мертвецами их оружие и украшения — то, что понадобится им в будущем существовании.

Он должен узнать! Он заставит себя узнать! И он узнает, проникнув в тайны естества.

Жизнь, размышлял он, нечто большее, чем пребывание на этой земле, пусть даже сколь угодно долгое. Кроме пробужденной, обновленной и бессмертной плоти должна существовать и какая-то другая вечность.

Сегодня, сейчас он заново посвятит себя поиску. Он будет дольше стоять на коленях, искать будет глубже и, кроме поисков, не допустит в свою жизнь более ничего — и его день настанет! Где-то

там, в будущем, есть час и мгновение, когда он обретет ясность и веру, но никому не ведомо, когда этот час настанет — может быть, он уже близок.

Для этого ему понадобятся все силы, поэтому надо подкрепить плоть — немедленно, еще до молитвы. И тогда подкрепленный, с новыми силами он отправится на поиски истины.

Обогнув песчаный карьер, он дошел до ив, к которым были привязаны лески и потянул за них. Они легко вышли из воды и оказались пустыми. Мощный приступ голода скрутил его тело. Что ж, опять придется довольствоваться моллюсками. От этой мысли он ощутил тошноту.

4

Б.Д. резко постучал карандашом по столу, подавая сигнал к началу совещания. Благожелательно оглядев присутствующих, он обратился к Эплтону:

— Рад видеть вас, Маркус. Вы у нас гость не частый, видимо, что-то серьезное?

— Да, Б.Д. — хмуро ответил Эплтон радушному Б.Д. — Проблема есть, и она не только моя.

— А как у нас дела с кампанией по бережливости, Дэн? — Б.Д. кинул взгляд на Фроста.

— Продвигаются, — ответил тот.

— Рассчитываем на вас. — Б.Д. стал серьезен. — Кампания должна быть эффективной. Я слышал, что капиталовложения в монеты и марки продолжают расти…

— Беда в том, — начал оправдываться Фрост, — что марки и монеты очень удобны для долговременных вложений…

Питер Лэйн, казначей, нервно заерзал на стуле:

— Чем скорее вы добьетесь хоть чего-то, тем лучше. Падает спрос на наши акции. — Лэйн

недовольно оглядел собравшихся и произнес таким тоном, словно это было ругательство: — Марки и монеты…

— Мы могли бы положить этому конец, — заметил Маркус Эплтон. — Одно слово и никаких там памятных, юбилейных, благотворительных и прочих коллекционных выпусков.

— Но вы забываете, — повернулся к нему Фрост, — что дело не только в марках и монетах. Ведь есть еще и живопись, и фарфор, и многое другое. Да что угодно может возрасти в цене за короткое время! Торговлю не остановишь.

— Ничего мы не будем останавливать. — резко вмешался Б.Д. — И так уже полно́ разговоров о том, что мы хотим завладеть миром.

— Думаю, что именно эти разговоры активизируют Святых. Какие-то они неприятные, хоть ничего особенного и не вытворяют, — заметил вице-президент Карсон Льюис, руководитель технологического отдела.

— Сегодня появилась новая надпись, — заявил Лэйн. — Весьма удачная, кстати.

— Уже нет, — процедил сквозь зубы Эплтон.

— Я понимаю, что уже нет, — съехидничал Лэйн. — Но бегать за этими людишками с ведром и тряпкой — как-то несерьезно.

— Не думаю, — скептически отозвался Льюис, — что возможны какие-либо другие меры. Идеально было бы покончить с ними раз и навсегда, но вряд ли это возможно. Впрочем, надеюсь, что Маркус со мной согласится, может быть, мы сумели бы отчасти управлять ими?

— Мне кажется, — поморщился Лэйн, — что мы могли бы поворачиваться и попроворнее. В последнее время эти лозунги появляются все чаще. У Святых, надо полагать, целый отряд ночных рисовальщиков. И не только здесь — повсюду. И в Чикаго, и по всему Западному побережью, и в Европе, и в Африке.

— Когда-нибудь, — парировал Эплтон, — этому придет конец. Это я вам могу обещать. Зачинщиков не очень много, мы уймем их.

— Но только без шума, Маркус, — встревожился Б.Д. — Я настаиваю, чтобы все прошло тихо.

— Очень тихо, — сверкнул улыбкой Эплтон.

— Но ведь не только же лозунги, — не унимался Лэйн. — Еще и слухи!

— Слухи нам не вредят, — успокоил его Б.Д.

— Некоторые не вредят, конечно, — заметил Льюис. — Те, которые придумываются лишь затем, чтобы языки поупражнять. Но есть слухи и не беспочвенные. Я имею в виду те, что каса-

ются деятельности Нетленного Центра. Правда в них искажена до неузнаваемости и уже одно это может нам повредить. Нам и нашему имиджу. Сильно повредить. Но меня интересует другое: каким образом Святые добираются до подобных сведений? Я опасаюсь, что им удалось создать целую информационную сеть — и здесь, и в других отделениях Центра. Вот этому надо положить конец немедленно.

— Нельзя утверждать, — запротестовал Лэйн, — что все слухи распускаются Святыми. Кажется, мы им приписываем слишком многое. А это просто компания психопатов с дурацкими идеями.

— Если бы психопатов… — вмешался Эплтон. — Психопатов бы мы просто изолировали. Нет, это деятели весьма ловкие. Плохо, если мы их недооценим. Мой отдел занимается ими постоянно, и знаем о них мы уже довольно много. Так что вскоре…

— Склонен согласиться с вами, — перебил его Льюис, — в том, что это активная и хорошо организованная оппозиция. Мне представляется, что у них есть определенные связи с Бродягами, и если обстановка для кого-либо из Святых становится критической, то он просто уходит в пустыню и находит убежище у Бродяг…

— Бродяги более-менее являются тем, чем они представляются, — покачал головой Эплтон. — Вы слегка преувеличиваете, Карсон. Толку от Бродяг никакого, это просто патологически неприспособленные люди, которые нигде не могут найти себе места. Да их всего-то что-то около одного процента.

— Меньше, чем полпроцента, — уточнил Лэйн.

— Вот-вот, они составляют менее половины процента населения. Объявили себя свободными от нас, скитаются кучками по пустыне, как-то сводят концы с концами…

— Коллеги, — взял бразды правления в свои руки Б.Д. — Я полагаю, что мы слишком углубились в предмет, который обсуждали уже не раз, без особенных, к тому же результатов. Полагаю, что Святых нам следует оставить на попечение отдела безопасности.

— Благодарю вас, Б.Д. — кивнул Эплтон.

— Итак, вернемся к основной проблеме. — предложил Б.Д.

— Пропала одна из наших сотрудниц, — тихо вступил Чаунси Хилтон, глава отдела по исследованиям Времени. — У меня такое ощущение, что ей удалось найти что-то серьезное.

— Но если она на что-то напала, — взорвался

Лэйн, — так что же она…

— Будьте добры, Питер, — успокоил его Б.Д. и оглядел собравшихся. — Давайте обсуждать спокойно. Прошу прощения, коллеги, что мы не известили вас немедленно. Не думаю, что это событие следовало замалчивать, но и поднимать особенный шум вокруг него тоже не хотелось, тем более, что Маркус полагал…

— То есть, Маркус ее уже ищет? — вмешался Лэйн.

— Шесть дней. Ни малейшей зацепки, — кивнул Эплтон.

— А не может быть так, — спросил Льюис, — что она просто уединилась, чтобы спокойно поработать?

— Мы думали об этом, — вздохнул Эплтон. — Она бы уведомила меня. Мона — работник чрезвычайно сознательный. Да и записи ее исчезли.

— Так если она отправилась работать, — возразил Льюис, — то, наверное, и забрала их с собой?

— Но не все же, — пожал плечами Хилтон, — только связанные с текущей работой, а пропали все. Да изъятия из проекта и не допускаются. В общем, наша безопасность оказалась недостаточно вездесущей.

— А вы проверяли мониторы? — полюбопыт-

ствовал Лэйн.

— А какой в этом толк? — удивился Эплтон. — Мониторы не имеют дела с идентификацией личности. Компьютер просто следит за человеком, когда тот в его секторе. Если сигнал изменился, значит, человек умер, и туда немедленно высылаются спасатели. Когда люди переходят из сектора в сектор, их сигналы воспринимаются другими компьютерами, вот и все.

— Значит, человек перемещается?..

— Да. Так ведь путешествуют очень многие. А Мона Кэмпбел могла и не трогаясь с места как-то укрыться.

— Наверное, ее похитили, — предположил Льюис.

— Вряд ли, — возразил Хилтон. — Вы забываете, что исчезли записи.

— То есть, вы предполагаете, — вмешался Фрост, — что она намеренно покинула службу?

— Она сбежала, — вздохнул Хилтон.

— Вы действительно уверены, что она совершила открытие? — осведомился глава отдела космических исследований Говард Барнс.

— Похоже на то, — ответил Хилтон. — Она сообщила мне, весьма сдержанно, что приступает к новой серии расчетов. Я еще подумал — как

странно, почему она так нервничает и все время оглядывается…

— Она сказала — расчеты? — переспросил Лэйн.

— Да. Потом я выяснил, что она работала с гамалийской математикой, помните, Говард?

— Да, — кивнул Барнс. — Одна из наших экспедиций обнаружила ее лет двадцать назад. На планете, некогда населенной человекоподобными. Чтобы пустить ее в дело, нужно было придавать ей земную форму, а на это ушло бы лет тысячу или больше.

— А из этой математики мы могли что-то использовать? — спросил Льюис.

— Наши парни пытались разобраться, — ответил Барнс. — Ничего у них не вышло. То есть, это была математика, но настолько далекая от привычного представления о предмете, что всерьез взяться за нее никто так и не смог. Экспедиция обнаружила и другие следы цивилизации, но не столь интересные. То есть, они представляли интерес для антропологов и культурологов, но практического применения не имели. Математика хоть на что-то годилась. Все материалы были в книге, ну, это можно назвать книгой, притом достаточно сохранившейся, редко когда

на планете находят что-то подобное. В общем, мы немного волновались, когда ждали возвращения экспедиции.

— И никто этот орешек не раскусил, — хмыкнул Рейн. — Кроме, быть может, этой вот Моны Кэмпбел.

— Я почти уверен, что так оно и есть, — согласился Хилтон. — Она — личность весьма неординарная, и…

— А вы, что же, не требуете от сотрудников регулярных промежуточных отчетов? — перебил его Лэйн.

— Разумеется, требуем. Но мы не заглядываем им через плечо. Вы же понимаете, какие могут быть последствия.

— Да, — вздохнул Барнс. — Они должны обладать некоторой свободой. Им надо дать почувствовать, что во время работы исследования как бы принадлежат лично им.

— Все вы, — вступил Б.Д. — отдаете, разумеется, себе отчет в серьезности положения. При всем моем уважении к Говарду, программа космических исследований — проект долгосрочный, и результаты принесет лет через триста-четыреста. А проект Времени необходимо претворять в жизнь незамедлительно. Ведь он обеспечит нам

жизненное пространство, которое может понадобиться уже в следующем веке. Или даже раньше. Как только мы приступим к оживлениям, пространства потребуется больше, чем в состоянии предоставить Земля. И этот день, возможно, близок. Ребята из отдела бессмертия продвигаются очень неплохо — если я правильно понял то, что сообщил мне Энсон.

— Все так, — сказал Энсон Грейвз. — Мы чувствуем, что подобрались вплотную. Я бы так сказал, что максимум через десять лет…

— Через десять лет, — торжественно возвысил голос Б.Д. — мы будем обладать бессмертием…

— Если только не возникнет ничего непредусмотренного, — предупредил Грейвз.

— Будем надеяться, что нет. — Б.Д. оставался непоколебим. — Через десять лет у нас будет бессмертие. Материальные преобразователи разрешили проблему ресурсов. В свой срок будет осуществлена и жилищная программа. Главное — вопрос пространства. Чтобы заполучить его как можно скорее, необходим решающий прорыв во времени.

— А мы не ждем невозможного? — осторожно спросил Лэйн. — Вдруг окажется, что время нельзя расщепить. И тогда мы ничего не получим.

— Не могу с вами согласиться, — возразил Хилтон. — Думаю, Мона Кэмпбел разгадала тайну.

— И сбежала, — съязвил Лэйн.

— Все это сводится к одному, — резюмировал Б.Д., — Мону Кэмпбел нужно разыскать.

Он строго взглянул на Маркуса Эплтона:

— Вы понимаете, надеюсь, — Мона Кэмпбел должна быть найдена!

— Разумеется, — ответил Эплтон. — И хотел бы просить о содействии. Мы ее, конечно, отыщем, но можно бы и ускорить, если…

— Не понял, — вмешался Лэйн. — Ведь безопасность, кажется, полностью в ваших руках?

— Что касается общей работы, — кивнул Эплтон, — это так. Но ведь и у казначейства есть свои агенты…

— Но совершенно для иных целей, — взорвался Лэйн. — Не для этого!

— Согласен с вами, — еще раз кивнул Эплтон. — Хотя, возможно, и они могли бы нам помочь. Но я имею в виду другой отдел. Дэн, — он повернулся и в упор посмотрел на Фроста, — вы создали отличную, прекрасно обученную разведку, и она была бы нам весьма полезна. У вас есть агентура, осведомители и…

— Что-что? — переспросил Б.Д.

— Ах да, я запамятовал, — пожал плечами Эплтон. — Вы об этом можете и не знать. Чисто ведомственные дела. Дэн провел хорошую работу по организации такой группы, и она действует весьма эффективно. Специализируется группа, как я понимаю, на выявлении всяких там криминальных публикаций, доводить которые до общего сведения не обязательно. Ну, конечно, занимается и кое-чем другим.

«Ах ты скотина… — выругался про себя Фрост. — Грязная, паршивая скотина…»

— Что?! — закричал Б. Д. — Это правда?

— Да, — ответил Фрост. — Чистая правда.

— Но почему? — побагровел Б.Д. — Почему же вы?..

— Извините, Б.Д., — вздохнул Фрост. — Если вам действительно интересно, то я готов вам все объяснить. Имеете ли вы представление о том, какое количество статей, могущих нанести ущерб Нетленному Центру, появилось бы в следующем году, если бы не предпринятые нами меры?

— Нет, — почти взвизгнул Б.Д., — меня это не интересует. Мы переживем любые нападки, переживали и раньше.

— Потому и переживали, — усмехнулся Фрост, — что лишь небольшая часть их попадала

в печать, причем — не самые серьезные. Но были и такие, которые поставили бы нас в трудное положение. Так поступал не только я, но и мои предшественники.

— Послушайте, Б.Д., — вступился Лэйн, — мне кажется, Дэн кое в чем прав. Я полагаю…

— Вам кажется, а мне — нет, — не мог успокоиться Б. Д. — Мы не должны пытаться останавливать и усмирять, мы не должны использовать цензуру. Нас обвинят в намерении управлять миром. Скажут, что…

— Но, Б.Д., — сердито перебил его Фрост, — ведь бессмысленно делать вид, будто Нетленный Центр не управляет планетой. Да, есть еще правительство, но руководим планетой мы. Мы прибрали к рукам инвестиции, мы завладели всеми крупными производствами и…

— Мог бы с вами поспорить, — проворчал Б.Д.

— Конечно, могли бы. Это не наш капитал. Это лишь деньги, которые нам доверены. Но распоряжаемся этими деньгами мы, мы решаем как их использовать, и никто у нас не в праве требовать отчета.

— Кажется, — вмешался Лэйн, — мы ушли от темы.

— Я вовсе не имел намерения, — ответил Эпл-

тон, — растревожить осиное гнездо.

— А по-моему, имели, — спокойно возразил ему Фрост. — Не знаю, что вами движет сейчас, Маркус, только за всю жизнь вы не сделали ничего без расчета.

— Маркус, между прочим, просил помощи, — попытался разрядить атмосферу Лэйн. — Что до меня, то я готов ее предоставить.

— А я — нет, — ответил Фрост. — Я не стану сотрудничать с человеком, который намеренно ставит меня в затруднительное положение. Эта работа велась в отделе задолго до моего вступления в должность и всегда под грифом секретно.

— Не нравится мне все это, Дэн, — упрекнул его Б.Д.

— Конечно, вам это не должно нравиться, — повернулся к нему Фрост. — Ведь вы, извините за неловкое выражение, наше лицо, и я вовсе не хотел смутить вас.

— А вы знали? — Б.Д. обратился к Лэйну.

Тот кивнул.

— Да, казначейство выделяет фонды. А Маркус знал потому, что в его обязанности входит знать все. Но нас, посвященных, было только трое. Прошу прощения, сэр.

— С вами троими я поговорю позже. — при-

осанился Б.Д. — Я по-прежнему считаю, что действовать мы должны только открыто. Не следует забывать, что на нас возложена священная миссия. Наша организация всегда оправдывала это высокое доверие, и мы обязаны поддерживать свой престиж. Придет день, ради которого мы работаем, и тогда, хочу верить, мы сможем открыть людям не только наши книги, но и наши сердца.

Б. Д. сел на своего конька. На эту тему он мог распространяться часами.

Он бубнил и бубнил.

Фрост взглянул на Эплтона. Тот сидел сгорбившись, хмурый и напряженный.

Значит, не вышло, подумал Фрост. Не получилось, как он хотел. Пришел сюда с информацией и выложил ее, а полностью не сработало. В чем тут дело, зачем я ему?

Между ним и Маркусом никогда не было вражды. Не сказать, что они были на дружеской ноге, друзей у Маркуса нет, но ведь они коллеги и, по крайней мере, друг друга уважали. Что-то происходит, размышлял Фрост, незаметное для меня. Ведь если бы ничего не происходило, то зачем Эплтону пытаться меня скомпрометировать?

Он очнулся от мыслей и вновь услышал Б.Д.

— И вот поэтому, говорю я вам, мы должны

собрать все наши силы в кулак и разыскать Мону Кэмпбел, которая, возможно, обнаружила то, что мы ищем, что мы исками все эти годы… — Б. Д. остановился и вопрошающе оглядел собравших-ся. Все молчали.

— Совещание окончено, — сказал Б. Д. и посту-чал по столу карандашом.

5

— Понимаете, в чем дело, — сказала владельцу похоронного бюро маленькая старушка. — Мы оба стареем. Лет у нас впереди не так много, хотя на здоровье пока не жалуемся.

Пожилой джентльмен усмехнулся и стукнул тростью об пол:

— Вот в том-то и дело, что наше здоровье слишком уж хорошее. Мы могли бы прожить еще лет по двадцать.

— И нам, надо сказать, — вновь вступила старушка, — это очень нравится. Джеймс упорно трудился всю жизнь, мы экономили и копили деньги. Так что теперь, когда он уже не может работать, мы просто спокойно сидим, беседуем, иногда ходим в гости. Но каждый день нам приходится думать о средствах. То немногое, что мы скопили, тает на глазах, мы не можем себе такого позволить.

— Глупо, — заявил старик. — Средства можно вложить во что-то стоящее.

— Вот именно, — закивала старушка. — Вложить их во что-то стоящее, а не проедать попу-

сту.

— Вполне вас понимаю, — владелец лавки потер мягкие, слабые ладони. — Люди с этой проблемой приходят сюда постоянно, вам незачем волноваться.

6

Из окна офиса, расположенного на самом верху Нетленного Центра, Фрост глядел на пестрый ковер, в который при взгляде с такой высоты превращался Старый Нью-Йорк. Гудзон казался серебряной полоской, сияющей под утренним солнцем, а Манхэттен напоминал выцветшее лоскутное одеяло. Прежде он часто стоял так у окна, находя в раскинувшейся перед ним картине нечто символическое: взгляд на прошлое человечества с высоты будущего. Но сегодня ему было не до того — в мозгу, изводя и мучая, колотился один и только один вопрос.

Несомненно, Эплтон хотел скомпрометировать его, но зачем?! Действовал ли Эплтон в своих интересах или не только? Может, служебные интриги? Этот ответ наиболее правдоподобен, но долгие годы Фрост старательно и успешно избегал интриг. Возможно, кто-то хотел занять его место. Что же, многие бы хотели, но никто из них, он был абсолютно убежден, не мог разнюхать то, что сумел Маркус.

Означать это могло только одно — кто-то его

боится, предполагая, что Фросту известно нечто, что может бросить тень, если и не на сам Нетленный Центр, то на кого-то из руководства.

Но ведь, если рассудить, это нелепо. Он занимался исключительно своими делами. Обращались к нему лишь по вопросам, входящим в его компетенцию. В политике он участвовал косвенно.

В чужие дела не лез, разве только сегодня утром нарушил это правило, сказав Б.Д., что глупо делать вид, будто Нетленный Центр не управляет миром. Конечно, это так, но лучше было бы попридержать язык. Но Эплтон его разозлил, и про здравый смысл он позабыл.

Эплтон сказал правду. Сеть агентов существовала, но создал ее не Фрост. Да и не очень-то она велика. Эплтон сильно раздул ее реальные масштабы из каких-то своих соображений.

Фрост отошел от окна и вернулся к столу. Пододвинул к себе стопку бумаг, которую оставила мисс Бил. Сверху, как обычно, лежал ежедневный отчет со статистикой естественного движения населения — дата и две короткие строчки:

Временно
недееспособных: 96.674.321.458.

Дееспособных: 47.128.932.076.

Проглядев и скомкав листок он отправил его в корзину и взял из стопки следующую бумагу.

Послышался шум, Фрост поднял глаза — в дверях кабинета стояла мисс Бил.

— Прошу прощения, шеф, — сказала она. — Вас не было, и я взяла почитать свежую газету.

— Пустяки, — махнул рукой Фрост. — Есть что-нибудь интересное?

— Сообщение про экспедицию к созвездию Лебедя. Они перепечатали наш вариант почти без изменений. На третьей странице.

— Не на первой? — удивился Фрост.

— Нет, там — дело Чэпмэна.

— Чэпмэна?

— Да. Тот тип, у которого сломалась спасательная машина.

— Ах этот. Да, на днях слышал в новостях.

— Вчера его приговорили, видела по телевизору.

— Ничего вчера не смотрел.

— Это было ужасно драматично, — оживилась мисс Бил. — Представляете, у него жена и дети, а теперь он не будет с ними во второй жизни. Просто кошмар.

— Что поделаешь, — пожал плечами Фрост. — Он нарушил закон и не исполнил простую вещь. Мы зависим от таких, как он.

— Да, конечно, — вздохнула мисс Бил, — но мне все равно не по себе, как представлю эту жуть — оказаться единственным из миллиардов, обреченным на смерть!

— Не он первый и не он последний, — напомнил ей Фрост.

Она положила газету на край стола и осторожно осведомилась:

— Я слышала, у вас были сегодня неприятности на совещании?

Фрост мрачно кивнул.

— Но не очень серьезные? — озаботилась мисс Бил.

— Нет, не слишком, — успокоил ее Фрост.

Секретарша повернулась и направилась к двери.

— Мисс Бил, — остановил ее Фрост.

— Да? — обернулась та.

— Мне надо уйти пораньше. У нас на сегодня что-то запланировано?

— Две встречи. Но не очень важные, я перенесу.

— Благодарю вас.

— А если придет какой-нибудь секретный материал?

— Ну так положите его в сейф.

— Но они требуют…

— Знаю, знаю. Документ немедленно проверить и…

«Вот в чем дело!», — осенило Фроста, и он понял причину поведения Эплтона. Да, об этом он не подумал…

— Что-то случилось, мистер Фрост? — встревожилась секретарша.

— Нет, все в порядке. Если что-то поступит, положите в сейф, утром займусь.

— Хорошо, — произнесла она чуть натянуто, демонстрируя неодобрение, и вышла из кабинета.

А Фрост принялся вспоминать тот день — месяца три назад — когда курьер по ошибке вручил ему секретный документ, предназначенный для Питера Лэйна. Он, конечно, сам вернул конверт Лэйну и все вроде утряслось. Курьера, понятно, уволили, проступок был серьезен, но никакого напряжения между Фростом и Лэйном не возникло.

И все же случай не забылся, заметил Фрост. Была там одна бумага, листок, что выскользнул из конверта и спланировал под стол — где он

его и обнаружил, но уже после того, как вернул конверт Лэйну.

Он вспомнил, как стоял с этим листком в руке, раздумывая, что предпринять. Конечно, следовало бы вернуть его Лэйну, но тогда опять пришлось бы что-то объяснять, а ему показалось, что бумага не стоит таких переживаний. Это была какая-то рутинная, невесть зачем засекреченная чепуха из тех, что в изобилии циркулировали между отделами. Шифрованную форму переписки ввели давным-давно, смахивало все это на игру в шпионы — тем более, что шифровать стоило лишь малую толику документов, а в большинстве случаев дело сводилось к обычной переписке между отделами. Но таковы были правила.

Поэтому, чтобы избежать новых объяснений, он просто отправил листок в ящик стола и забыл о нем, резонно предположив, что если бумага важная, то ее хватятся.

Однако он ошибался.

Но если сегодняшнее поведение Эплтона действительно связано с этим документом, то в историю вовлечен еще и Лэйн.

Фрост рывком выдвинул средний ящик стола — там бумаги не было. Если бы хоть примерно вспомнить, о чем шла речь!

Какой-то список…

Он наморщил лоб, пытаясь припомнить детали, но туман не рассеивался.

Фрост обшарил остальные ящики — бумаги не было нигде. Так вот как они узнали! — его прошиб холодный пот.

Кто-то залез к нему в стол…

7

Рекламный агент указал в сторону болота, покрытого чахлым подлеском.

— Двадцать акров, — сообщил он. — При нашей цене это великолепная сделка. Друзья мои, более удачного способа вложить средства вы не найдете. Через сто лет цена возрастет десятикратно. А через тысячу — если вы уцепитесь за эту землю всерьез — вы станете миллиардерами.

— Но ведь это какое-то болото, — поморщилась женщина. — Кому оно понадобится…

— Сегодня, — принялся увещевать ее агент, — вы платите за акр столько, сколько через сто лет вам заплатят за каждый квадратный метр. Представьте, сколько людей будет в мире, прикиньте общую площадь Земли, и все станет понятно. Как только мы достигнем бессмертия и начнутся оживления…

— Им земля не понадобится, — возразил муж. — Перемещения во времени позволят отправлять людей на миллион лет назад, а когда и там все заселят, то на два миллиона…

— Честно говоря, — заговорщицки понизил

голос агент, — я бы на это не рассчитывал. В перемещениях во времени многие сомневаются. Конечно, Нетленный Центр этого добьется, если это возможно в принципе. В противном случае этот участок будет стоить бешеных денег. Неважно, что болотистый. Человечеству потребуется любой клочок земли… Да и вообще, может статься, что Земля превратится в одно большое здание…

— Но есть еще космос, — не сдавалась женщина. — Планеты…

— Мадам, — приосанился агент, — давайте смотреть на вещи реально. Они болтаются в космосе уже сотни лет, но так и не отыскали ни одной подходящей планеты. Да, обнаруживают какие-то планетки, но всякую требуется окультурить, а на это уйдет прорва времени и средств.

— Ну, не знаю, — покачала головой женщина. — Мне кажется рискованным вкладывать деньги в эту пустошь.

— Пожалуй, — согласился муж. — Мы, собственно, хотели только взглянуть. Присмотреться, так сказать. Большую часть наших средств мы вкладываем в марки…

— То есть, у нас их не так уж и много, — уточнила женщина. — Денег, я имею в виду.

— Да, — вкрадчиво согласился агент. — Марки — дело серьезное. Но как вы себе представляете дальнейшее? Вы их скупаете, надежно укрываете в каком-нибудь сейфе или подвале, а когда вас оживят, извлечете из тайника и попытаетесь с выгодой продать. Но марки нынче покупают все. Что будет с рынком? Да и хобби не вечны, а ну как тогда никому не будет дела до коллекционирования? Или, скажем, вдруг марки украдут? Даже если вы узнаете, кто это сделал, как вы докажете, что они ваши? У вас ведь нет на них никакого документа. А если они истлеют? Заведется какая-нибудь бактерия, например? Или от сырости? Что, мои дорогие, вы тогда скажете?

— Да… — хмыкнул муж. — Никогда об этом не задумывался. Земля-то никуда не денется, а права у нас сохранятся…

— Вот именно! — обрадовался агент. — Чтобы закрепить землю за собой навечно, вам всего-то потребуется открыть счет в Нетленном Центре, предоставить ее нам в аренду и выплачивать небольшие суммы для покрытия расходов по защите ваших прав. Вот видите, — он перевел дыхание, — как все просто. Неплохо мы придумали.

— Но, — вздохнула женщина, — если бы не болото…

— Да говорю же, — разгорячился агент, — нет никакой разницы, болото или что угодно. Со временем в ход пойдет любой клочок земли. Если и не через сто лет, то уж через тысячу — наверняка. Вы же, коли захотите, можете оговорить, что спать будете тысячу лет. Нетленный Центр всегда идет навстречу подобным пожеланиям. Тем более никто не знает, когда они приступят к оживлениям.

8

Швейцарские марки означали, что встреча состоится в парке в деловой части Манхэттена, а на кляссере было указано время — час тридцать.

Джо Гиббонс уже был там и встал навстречу Фросту.

— Ты немного опоздал, — укорил он вместо приветствия.

— Пришлось проверить, не следят ли за мной, — поморщился Фрост.

— Кому вдруг понадобилось? Раньше тебя не беспокоили.

— Что-то происходит в Центре.

— Маркус трясется? Боится, что ты составишь ему конкуренцию?

— Это нелепо, — скривился Фрост.

— Понятное дело. Но с таким ничтожеством, как Маркус, ни в чем нельзя быть уверенным.

Они присели на скамейку.

Пробежала белка, плавный одинокий звук выводила где-то над головами птица. Небо было голубым без изъяна, и маленький парк источал сладкий ленивый покой.

— Хорошо как, — вздохнул Фрост. — Надо почаще выбираться на улицу, дышать воздухом и ни о чем не думать.

— У меня к тебе дело, — насупился Гиббонс. — Не знаю с чего начать.

У него был вид человека, которому предстоит неприятная работа, и он спешит с ней разделаться.

— Подобные варианты были и прежде, — продолжил он, — но я тебе не говорил. Был уверен, что ты откажешься.

— Откажусь?

— Дэн, — серьезно произнес Гиббонс. — У меня к тебе предложение.

— Оставь, — Фрост покачал головой.

— Я должен рассказать. Решать тебе — слишком серьезно. Это раньше я мог отказаться от твоего имени, но не теперь. Четверть миллиона, Дэн!

Фрост не шевельнулся. Ему вдруг почудилось, что голова превратилась в камень, сквозь который в мозг пробиваются резкие сигналы тревоги.

— Не знаю, — выдавил он наконец, лишь затем, чтобы собраться с мыслями.

— Все чисто, — продолжал Гиббонс. — Все устраиваю я. Оплата наличными, никаких чеков,

никакой бухгалтерии. Все через меня, кроме выплаты.

— Значит, мне придется иметь дело с ними, — безучастно прокомментировал Фрост.

— Значит, да, — начал сердиться Гиббонс. — Но, бог мой, четверть миллиона того стоит. Мне бы, кстати, четверть миллиона они не доверили. Да и ты не идиот, чтобы доверить. С такими деньжищами я бы тут же сбежал. Ничего бы не смог с собой поделать.

— А сколько полагается тебе?

— Нисколько, — Гиббонс хихикнул. — Весь куш твой, до последнего цента. Я имею только посреднические. Десять тысяч.

— Сухими из воды нам не выйти, — резко заметил Фрост.

— Извини, Дэн! Мое дело — передать. Я могу сказать, что ты отказался. Но я надеялся — десять тысяч, как никак.

— Джо, — нервно произнес Фрост, — мы долго работали вместе, были друзьями…

Он умолк. Он испугался — вдруг Джо под колпаком у Эплтона.

— Да, Дэн. Мы были друзьями. Я надеялся, ты поймешь. Мы могли бы выйти сухими. Мне это — раз плюнуть, тебе — немного сложнее.

Фрост кивнул:

— Да. Вложить деньги и устраниться.

— Нет, нет, — замахал руками Гиббонс. — Не так. Не устраниться — тогда заподозрят. Смерть подстроят вполне натурально. Десять тысяч из твоей доли, и я сделаю это сам ради тебя. Что поделаешь, сейчас такие расценки. Зато просто и аккуратно. Ну, разумеется, деньги нельзя помещать в акции Нетленного Центра. Во что-нибудь другое — в собрание живописи, например.

— Мне требуется время, — покачал головой Фрост.

— А если ты умирать не хочешь, — наставлял его Гиббонс, — то можно сблефовать. Не можешь же ты уследить за всем — проскочила книжка, не заметил… и все дела.

— Видимо, это нечто… — подумал вслух Фрост. — Четверть миллиона…

— Не буду темнить, Дэн, — гордо надулся Гиббонс. — Это — настоящая бомба. Пойдет нарасхват. Они рассчитывают на стомиллионный тираж!

— Ты неплохо осведомлен.

— Я их заставил рассказать, — кивнул Гиббонс. — Кота в мешке не покупаем. А куда им было деваться, другого выхода на тебя у них нет.

— Да, глубоко же ты влез.

— Ладно, — решился Гиббонс. — Начистоту. Я сказал, будто могу пойти к ним и сказать, что ты не согласился. Но так не выйдет. Если ты не подписываешься, мне туда хода нет. Ты отказываешься и уходишь, а я пускаюсь в бега.

— Да, побегать тебе придется… — согласился Фрост.

Замолчали. К ним прискакала белка, встала на задние лапки, передние прижала к груди и посмотрела своими бусинами.

— Автор, — заговорил наконец Гиббонс, — утверждает, что Нетленный Центр — фикция, а все его идеи — надувательство чистой воды. Никакой второй жизни нет, такой возможности не существует. А выдумали это лет двести тому назад, чтобы покончить с войнами.

— Погоди! — воскликнул Фрост. — Как они собираются это издать?! Они не могут…

— Могут, — оборвал его Гиббонс. — Конечно, если бы ты узнал, то мог бы воспрепятствовать, оказать давление и…

— Да нет, я имею в виду, что это не может быть правдой!

— А какая разница? — удивился Гиббонс. — Правда или нет, все равно прочтут. Людей заденет

за живое. И никакой это не памфлет, у парня — научный подход. Он провел исследования и у него куча аргументов. Все подтверждено документально. Конечно, это может оказаться фальшивкой, только не похоже. За такую книжку любой издатель правую руку отдаст.

— Или четверть миллиона.

— Или четверть миллиона.

— Мы можем пресечь это сейчас, — прикинул Фрост. — Но как только книга попадет в киоски, ее уже не остановишь. На это рассчитывать нечего. Пропустить такую книгу я не могу. Этого мне не искупить.

— Но ведь можно обставить так, — напомнил Гиббонс, — что ничего искупать на придется.

— Даже если и так, — покачал головой Фрост, — они могут устроить ретроспекцию мозга. Сделать отметку, чтобы при оживлении мой мозг прочитали.

— Кто этим станет заниматься, — сплюнул Гиббонс. — Да в памяти, наверное, и не все сохраняется. Но, если тебя это так волнует, я готов уберечь твое доброе имя. Скажу, что узнал про книгу уже после твоей смерти.

— За отдельную плату, конечно.

— Дэн, — расстроился Гиббонс, — ведь ты сам

сказал, что мы были друзьями. «За отдельную плату...» Друзья так не говорят. Я бы сделал это по дружбе.

— Да, еще одно, — вспомнил Фрост. — Кто издатель?

— Этого я тебе не могу сказать.

— Но как же я...

— Погоди, Дэн, подумай. Немедленный ответ мне не нужен. Давай встретимся ровно через сутки.

Фрост покачал головой:

— Сутки мне не нужны. Все решено.

Потрясенный Гиббонс остекленело вытаращился на Фроста.

— Я навещу тебя. Ты передумаешь. Четверть миллиона! Ты встанешь на ноги!

— Не могу... — Фрост поднялся. — Ты можешь, а я — нет.

И он не может, подумал Фрост.

Гудение в мозгу утихло, и на его место пришло кое-что похуже — холод испуга.

— Скажи Маркусу, — начал он было, но передумал. — Нет, не говори ему ничего. Маркус сам разузнает. Он понизит тебя в чине, Джо, не забывай. Поймает как-нибудь...

— Дэн! — возопил Гиббонс. — Ты о чем? Что ты

хочешь сказать?!

— Ничего, — отмахнулся Фрост. — Абсолютно ничего. Но на твоем месте я бы пустился наутек немедленно.

9

Через полуоткрытую дверь канцелярии Никлос Найт увидел, что в церковь украдкой, почти испуганно вошел человек, обеими руками прижимая к груди шляпу.

Найт ласково улыбнулся — церковь была человеку в новинку, он чувствовал себя неловко и осторожно передвигался по храму, глядя по сторонам так, словно что-то неведомое угрожало ему из темных ниш.

Но в нем чувствовалось и почтение: казалось, он искал убежища или утешения. И это было непривычно — сюда приходили уверенные в себе люди, твердо знающие, что не найдут тут ничего, заходили, лишь отдавая дань обычаю.

Глядя на этого человека, Найт ощутил, как в глубине души что-то шевельнулось, и нахлынуло чувство, о котором он давно забыл — жажда милосердия, пасторского сострадания.

Пасторское сострадание, вздохнул он. Кому теперь это нужно? Первый раз это чувство пришло к нему еще в семинарии, первый и последний — в жизни оно оказалось лишним.

Найт осторожно приподнялся и тихо ступил под своды храма.

Человек уже дошел до алтаря и, отойдя в сторону, присел на скамью. Прижимая по-прежнему к груди шляпу, он сидел выпрямившись она самом краешке скамьи и глядел прямо перед собой, огни свечей с алтаря мягкими бликами отражались на его лице.

Он долго сидел неподвижно, словно не дыша. Найту, стоящему в проходе, показалось, что он уловил боль, скрытую в этом напряженном выпрямленном теле.

Потом человек поднялся и, продолжая прижимать шляпу, направился к выходу. За это время — Найт был убежден — ни единый проблеск чувства не промелькнул на мертвенном лице посетителя.

Человек, пожелавший обрести здесь что-то, теперь уходил, ничего не найдя и, возможно, полагая, что не отыщет этого уже никогда. Найт последовал за ним к выходу.

— Друг мой, — мягко произнес Найт.

Человек замер и обернулся, страх отразился на его лице.

— Друг мой, — повторил Найт, — могу ли я чем-либо помочь вам?

Человек пробормотал что-то, но с места не двинулся. Найт подошел к нему.

— Вы нуждаетесь в помощи, — сказал он проникновенно. — Я здесь затем, чтобы вам помочь.

— Не знаю, — запнулся тот. — Я увидел, что дверь открыта и вошел…

— Двери всегда открыты.

— Я подумал… Я надеялся…

— Мы все должны надеяться, — изрек Найт. — Все мы веруем.

— В том-то и дело. — Человек взглянул на него. — Я не верю. Как люди обретают веру? И во что они верят?

— В вечную жизнь, — сказал Найт. — Мы должны верить в нее. И еще во многое другое.

— Но ведь она и так есть, — человек неожиданно разразился грубоватым смешком. — Вечная жизнь у нас в кармане. Что в нее верить?!

— Не вечная жизнь, — поправил его Найт, — но лишь долгая жизнь. А кроме долгой, есть и другая, лучшая, совершенно иная.

— Вы верите в это, пастор? Вы ведь пастор?

— Да, пастор. И я верю в это.

— Тогда какой смысл в долгой? Не лучше ли…

— Не знаю, — покачал головой Найт. — Не могу претендовать на знание. Но и не сомневаюсь в

намерениях Господа, допустившего ее.

— Но зачем Ему это?

— Затем, наверное, чтобы мы более подготовленными встретили ее конец.

— Но они говорят, — усмехнулся человек, — про вечную жизнь. О том, что умирать не придется. Какая же тогда польза от Бога? Зачем тогда еще какая-то жизнь?

— Что же, — рассудил Найт, — возможно. Но ведь это бессмертие может оказаться вовсе не тем, чего мы ждем, и нас ожидает отчаяние.

— А вы, пастор, как?

— Что? Я не понял.

— Какая жизнь нужна вам? Вы полезете в холодильник?

— Но, собственно…

— Ясно, — хмыкнул человек. — Всего доброго, пастор, и благодарю вас за заботу.

10

Фрост тяжело поднялся по ступенькам, вошел в свою комнату, закрыл дверь и повесил шляпу на крюк. Устало рухнув в старое, протертое кресло, он огляделся по сторонам. Впервые нищета и убожество комнаты бросились ему в глаза. Кровать в одном углу, плитка и шкафчик с продуктами — в другом. Истертый, местами в дырах, ковер едва прикрывал прогнивший пол. Небольшой стол перед единственным окном — здесь он ел и работал. Несколько стульев и узкий комод, открытая дверца платяного шкафа. Вот и вся обстановка.

Все мы так живем, подумал он. Не я один, миллиарды. Не потому, что нам так нравится, это наша плата за бессмертие.

Он полудремал наедине с горькими мыслями.

Четверть миллиона долларов, бормотал он, и я вынужден отказаться. Нет, признался он себе, не потому, что я выше этого, не в благородстве дело — в страхе. Это могла быть провокация, организованная Эплтоном.

Джо Гиббонс был моим другом и надежным сотрудником, но дружба вполне продается за под-

ходящую сумму. Все мы — Фрост ощутил кислый привкус правды на языке — готовы продаться. Все, без исключения. И только потому, что человек должен платить за вторую жизнь, потому, что должен прийти в нее с капиталом.

Началось все это около двух столетий назад, в 1964 году, и придумал это человек по фамилии Эттинджер. Эттинджер задумался: почему люди должны умирать от рака, если его научатся лечить лет через десять? Или от старости, когда преклонный возраст лишь род болезни, которая лет через сто будет побеждена?

Странно, сказал себе Эттинджер. Нелепое заблуждение, зачем умирать, когда есть выход.

На эту тему строили домыслы и раньше, но именно Эттинджер сказал: «Хватит болтать, давайте начнем. Разработаем технику, с помощью которой умирающих заморозят до момента, когда их болезни станут излечимы — тогда вернем их к жизни и вылечим рак, восстановим уставшие сердца, уничтожим следы разрушений, причиненные старостью. Дадим людям шанс».

Идея медленно завоевывала признание, лишь немногие отнеслись к ней всерьез, она стала излюбленной мишенью плоских острот в телевизионных шоу, и потихоньку эксплуатировалась

писателями.

Но, хоть и медленно, все шло своим чередом. Несколько десятков человек сутки напролет проводили исследования, изобретали технологии, производили установки и разрабатывали структуру организации, которая сможет контролировать и направлять события.

Шли годы, и в сознание людей проникала мысль, что смерть должна быть побеждена, что смерть — не конец, что возможна вторая жизнь — не только духовная, но и физическая. Что это возможно для всех, и само предприятие — вовсе не бред собачий.

Публично никто не рисковал заявить, что собирается лечь в холодильник — это все еще был слишком эксцентричный шаг. Однако постепенно все больше людей, не афишируя это, заключали контракты: они умерли, были заморожены и ожидали теперь воскрешения.

Каждый из них оставил после себя гроши, которые сумел наскрести в первой жизни, и теперь эти деньги дожидались своих хозяев.

Комиссия Конгресса в Вашингтоне не смогла прийти к единому мнению, с тем же успехом вопрос обсуждался и в Палате общин. Движение по-прежнему считалось экстравагантным,

но отрицательных эмоций не вызывало. Оно себя не выпячивало, не навязывалось, поучать не стремилось. И, хотя с годами оно все чаще становилось предметом частных разговоров и общественного интереса, официальные круги внимания на него не обращали — видимо, так и не поняв, как к нему следует относиться. К тому же, как и в случае с НЛО, слишком уж все было противоречиво.

Никто не скажет точно, как и когда это произошло, но настал день и все поняли, что небольшое, зародившееся в 1964 году движение стало наиболее масштабным за всю историю человечества — во всех отношениях. Хотя бы по влиянию, которое оно оказывало на людей — уверенных уже не только в смысле самой программы, но и в успехе предприятия. Движение было массовое — если учесть миллиарды замороженных, которые ожидали воскрешения, и, возможно, самое крупное — по своему финансовому могуществу, ибо все замороженные отдали свои деньги на хранение в Нетленный Центр. Итак, в один прекрасный день мир проснулся и обнаружил, что Нетленный Центр стал крупнейшим акционером планеты и подчинил себе разнообразные индустрии.

Тогда только, слишком поздно, правительства

осознали, что ничего уже не могут поделать с Нетленным Центром — при всем своем желании. Любая попытка ограничить деятельность Центра, — что-либо запретить ему, ввести контроль — стала теперь бессмысленной — он сконцентрировал в своих руках огромный капитал, и общественное мнение было на его стороне.

Сопротивления практически не было, и могущество Центра продолжало расти. И вот сегодня, размышлял Фрост, он сделался мировым правительством, финансовой опорой планеты и единственной надеждой человечества. Но надеждой, за которую заплачено с лихвой — она превратила людей в скаред, понуро тянувших свою лямку.

Фрост привык обходиться без молока, которое любил, и весь его ленч — два тоненьких бутерброда в бумажном пакете. И это ради того, чтобы каждую неделю откладывать бóльшую часть заработка в Нетленный Центр, с тем, чтобы капитал продолжал расти и тогда, когда он, бездыханный, окажется в подвале. Его комната убога, он питается всякой дешевой дрянью и ни разу в жизни не был женат. Зато капитал растет с каждой неделей. Вся жизнь сосредоточилась на величине счета.

А сегодня он был готов продать весь Центр с потрохами за четверть миллиона — самому ему столько не отложить и за всю жизнь. И он пошел бы на это, если бы не боязнь возможной ловушки. Но была ли ловушка?

Если провокация, то с какой целью? Что же такое стряслось, что Маркус Эплтон сделался его врагом?

Из-за попавшей к Фросту бумаги? Да что же в ней такого, что его нужно угробить, пока он не успел пустить ее в ход? Конечно, каждому понятно, если бумага важная, то тот, к кому она попала, не замедлит использовать ее себе во благо.

Он сунул листок в стол, а сегодня его там нет. Но если они забрали документ, то зачем им…

Стоп! Положил ли он бумагу в стол? Или второпях засунул в карман?

Фрост откинулся в кресле и попытался вспомнить, но ясность не приходила. В карман или в стол? Или в корзину для мусора? Не вспомнить.

Если он положил ее в карман, то… она здесь! Хотя нет, бумага могла попасть в карман другого костюма, но вряд ли, тот костюм он отутюжил неделю назад и повесил в шкаф. Значит, он вычищал карманы и все, что там обнаружил, сунул в ящик комода, чтобы потом рассортировать.

Тогда бумага еще у него. В ящике комода.

И если так, то документ еще не поздно использовать против Эплтона и Лэйна.

Он встал и подошел к комоду.

Рывком выдвинул ящик: да, вот эта кучка бумаг…

Затаив дыхание, он принялся их перебирать.

Вдруг раздался резкий стук в дверь. Фрост обернулся и замер — никто никогда не стучал в его дверь, никто никогда к нему не приходил.

Он запихал бумаги во внутренний карман пиджака и задвинул ящик.

Стук повторился более настойчиво.

11

«Всего доброго, пастор, — сказал человек. — Всего доброго и спасибо за заботу». Испуганный, неуверенный человек приходил в поисках утешения и ушел несолоно хлебавши.

Ко мне обратились за помощью, вздохнул Никлос Найт, впервые за столько лет ко мне обратился за помощью человек, а я обманул его ожидания, ибо не было у меня надежды, которую я мог бы передать другому.

Это же так просто, понурился Найт. Так просто наделять людей уверенностью. Кому-то, но не ему. Ему и самому ее не хватает.

Сгорбившись, он сидел за столом, свет маленькой лампочки отражался в полированной столешнице. Казалось, прошло уже немало времени. Одна мысль не давала ему покоя: он обманул ожидания человека — единственного, кому потребовалось его участие. Он обманул его, потому что сам был пуст, как весь этот мир. Он проповедовал веру, которой не имел. Он лицемерил, рассуждая о бессмертии духа, а сам не мог отречься от бессмертия тела, обещанного

Нетленным Центром.

Церковь — не только храм, церковь олицетворяла собой нечто большее, объединяющее всех людей. Ее отцы могли в чем-то ошибаться, по с незапамятных времен — с колдунов в джунглях, с человеческих жертвоприношений в священных рощах — церковь оставалась неподвластной человеческому разумению. Она символизировала тайну жизни, духовный экстаз и ослепительный свет разума.

Но те времена прошли, сказал себе Найт. Церковь не может быть выше своих слуг. Сегодня уже никто не посвящает себя ей полностью, нет теперь готовых на муки, сильных в вере. Осталась лишь угасающая привычка.

Когда бы человек мог молиться, думал Найт, не словами (слова — лишь ритуал), а сердцем!

Он тяжело вздохнул, нащупал в кармане сутаны четки, достал их и положил перед собой на стол. Деревянные бусины были отполированы прикосновениями многих рук, тускло блестело металлическое распятие.

Люди еще молятся с четками — он знал, — но все реже и реже. Даже единственная, сохранившая еще остатки былого влияния Римская Церковь близка к полному упадку, большинство

людей если и посещает богослужения, то — в Новой Церкви, выхолощенном подобии того, что было когда-то храмом.

Раньше была вера, вздохнул Найт. Слепая, неосознанная вера.

Четки достались ему от предков, прошли сквозь поколения, и он припомнил связанную с ними историю — какая-то его пробабка жившая в маленькой европейской деревеньке, как-то отправилась в церковь. Внезапно хлынул ливень. Укрывшись от дождя в первом попавшемся доме, она кинула четки на двор, повелев дождю перестать. И дождь прекратился, и выглянуло солнце. До самой смерти она была убеждена, что именно четки прекратили ливень. И все остальные — после ее смерти — пересказывали эту историю, искренне веря в ее истинность.

Конечно, опять вздохнул Найт, это только красивая выдумка, но все же… Ему бы хоть часть такой веры, и он помог бы приходившему, единственному из тысяч, кому потребовалась вера.

Почему же он один ощутил необходимость в истинной вере? Какой психический механизм, какое чувство побудило его?

Он попытался вспомнить лицо этого человека: чуть расширенные от страха глаза, копна буй-

ных волос, выступающие скулы. Лицо вроде бы знакомое, или настолько обычное, что кажется знакомым?

Да нет же! Вот оно — глядит на него с первой полосы сегодняшней газеты.

У человека, простонал Найт, чьи надежды он обманул, на всем свете не осталось ничего, кроме веры!

Этот человек, ушедший от него без ничего, потерявший последнюю надежду — а он, несомненно, утратил ее — был не кто иной, как Фрэнклин Чэпмэн.

12

Резким движением Фрост распахнул дверь, ожидая увидеть там кого угодно.

На пороге стояла женщина, на вид спокойная и уравновешенная, ее волосы тускло блестели в слабом свете лампочки.

— Мистер Фрост? — осведомилась она.

От удивления или, скорее, от облегчения Фрост затряс головой.

— Да, — сказал он. — Войдите.

Женщина переступила порог.

— Надеюсь, — произнесла она, — я не отниму у вас много времени. Меня зовут Энн Харрисон, я адвокат.

— Энн Харрисон, — повторил Фрост. — Рад познакомиться. Это вы…

— Да, это я, — кивнула она. — Я защищала Фрэнклина Чэпмэна.

— Я видел фотографии в газете. Мог бы сразу узнать.

— Мистер Фрост, — взглянула на него женщина. — Буду с вами откровенна. Мне следовало вам позвонить, но я не была уверена, захотите ли вы

со мной встретиться. Поэтому решила прийти. Надеюсь, вы меня не выставите.

— Что вы, — опешил Фрост. — Почему? Садитесь, пожалуйста.

Она села в кресло, где только что сидел Фрост.

Красивая, разглядывал ее хозяин, но в ее красоте кроется сила. Благородная твердость.

— Мне нужна ваша помощь, — начала Энн.

Фрост подошел к другому креслу, сел, но не торопился с ответом.

— Я не вполне понимаю, о чем речь, — ответил он наконец.

— Мне сказали, что вы человек, с которым можно разговаривать.

— Кто сказал?

— Не важно, — она покачала головой. — Говорят. Вы меня выслушаете?

— Естественно. Как иначе я смогу помочь?

— Да, конечно, — вздохнула она. — Это касается Чэпмэна.

— Вы сделали для него все, что могли, — заметил Фрост. — Ничто не говорило в его пользу.

— В том-то и дело, — кивнула она. — Может быть, кто-то смог бы сделать и больше, но не я. Несправедливо все это.

— Но законно, — пожал плечами Фрост.

— Да, конечно. И я живу законом, точнее — обязана жить. Но юрист должен различать закон и справедливость, это не всегда одно и то же. Лишать человека права на вторую жизнь нельзя. Да, по независящим от него обстоятельствам, Чэпмэн опоздал и умершая потеряла свой шанс. Но почему он тоже должен быть лишен этого шанса? Это закон джунглей: око за око, зуб за зуб. Но мы же разумны, мы цивилизованы. Разве не существует милосердия? Разве нет сострадания? Неужели мы вернулись к первобытным нравам?

— Мы живем в промежутке, — потер лоб Фрост. — Мы на полпути между старым образом жизни и ее новыми условиями. Старые правила не применимы, а применять новые — рано. Поэтому потребовалось создать законы переходного периода, и среди них главенствующий новые поколения обязаны заботиться о поколениях ушедших так, чтобы под угрозой не оказался план оживления. Если эта гарантия будет нарушена хотя бы однажды, мы подорвем доверие к себе. Поэтому необходим кодекс, предусматривающий самое строгое наказание нарушителям.

— Было бы лучше, — произнесла Харрисон, — если бы Чэпмэна допросили под наркозом. Я предлагала, даже настаивала, но он отказался.

Есть люди, которые не могут выставлять свою жизнь на публичное разбирательство даже себе во вред. В некоторых случаях такая проверка обязательна — при измене, например. А в этом — нет. Лучше бы его проверили…

— Я пока не понимаю главного, — прервал ее Фрост. — Чем я могу помочь вам?

— Если бы я вас убедила, — сказала она, — что помилование возможно, вы могли бы посодействовать мне через Центр. Если бы Нетленный Центр обратился в суд…

— Погодите, — перебил Фрост, — я не собираюсь делать ничего подобного. Я занимаюсь связями с общественностью, а никак не с судом.

— Мистер Фрост, — вздохнула она. — Буду с вами совершенно откровенна. Я поняла, что вы — единственный человек в Центре, который уделит мне время и выслушает. Я пришла и не собираюсь лукавить. Я борюсь за своего клиента и сделаю все, чтобы помочь ему.

— Он знает, что вы здесь?

— Нет, он не одобрил бы, если бы узнал, — покачала она головой. — Он странноват, мистер Фрост. Он горд, упрям и ничего бы не стал просить. Но я — попрошу, если понадобится.

— Стали бы вы стараться ради любого другого

клиента? — хмыкнул Фрост. — Вряд ли. В чем тут дело?

— Не в том, о чем вы думаете, — выпрямилась она. — Хотя я не в обиде, если вы действительно так подумали. Ему присуще крайне редкое сейчас чувство собственного достоинства, готовность встретить беду и не просить пощады. И это разрывает мне сердце, мистер Фрост. Он попал в капкан — в сети закона, который сочинили лет сто назад в приступе энтузиазма, решив, что ничто не должно омрачить золотой век. Может быть, и неплохой закон, да только устарел. Он служил для устрашения и предназначение свое выполнил. Я проверила — за все это время к смерти приговорено менее двадцати человек. Значит, свою миссию закон выполнил. Он способствовал устройству того общества, создать которое мы хотели или думали, что хотим. Теперь нет никакого смысла в том чтобы применять наказание в полной мере. Но есть еще причина, почему меня это задело. Я присутствовала, когда его лишали передатчика. Вы когда-нибудь видели…

— Но это выходит далеко за пределы ваших обязанностей, — запротестовал Фрост. — Вам не следовало быть там.

— Мистер Фрост, — напряглась она. — Когда я

берусь за очередное дело, то принимаю на себя определенные обязательства и защищаю своего клиента до конца. Я не снимаю свое попечение.

— Как в этом случае, — заметил Фрост.

— Да, — кивнула она. — Так вот, я стояла возле него и видела, как приговор приводят в исполнение. Физически — тут ничего страшного. Где-то у сердца — передатчик, его сигнал фиксируется мониторами, а когда биение пульса прекращается, в нужное место немедленно высылают спасателей. И они извлекают передатчик — маленькую металлическую вещицу — и швыряют на металлический поднос с инструментами. Но там лежит не просто кусочек металла, там лежит человеческая жизнь. Теперь его пульс не отмечается на мониторах, и, когда он умрет, не приедет никакая спасательная бригада. Вокруг рассуждают о тысячах лет жизни, о миллионах — все болтают о вечности. А для моего клиента нет ни тысячи, ни миллиона, ни вечности; ему осталось лет сорок, а то и меньше.

— А как бы поступили вы? — осведомился Фрост. — Вшили бы передатчик обратно, будто ничего не произошло?

— Нет, конечно. Человек совершил преступление и должен ответить. Но правосудие не должно

мстить. Почему бы не смягчить приговор до изгнания? Тяжело и это, но ведь не смерть!

— Не многим лучше смерти, — возразил Фрост. — Клеймятся обе щеки, человека вышвыривают из общества. Общение — запрещено, даже если ему угрожает смерть. Никаких прав, никакой собственности только одежда, которая была на нем в момент приговора…

— Но это не смерть, — раскраснелась Энн Харрисон. — Остается передатчик. Спасатели прибудут вовремя…

— И вы полагаете, что я могу склонить к этому суд?

— Не совсем так, — вздохнула она. — Не так прямо. Но мне нужен друг в Центре. Чэпмэну нужен друг в Центре. Вы знаете, с кем переговорить, как это сделать. Если мне удастся убедить вас в своей правоте… И не поймите меня превратно, платить вам не будут. Просто нечем. Если вы этим займетесь, то лишь потому, что сочтете это справедливым.

— Так я и думал, — усмехнулся Фрост. — Подозреваю, что и вам не платят.

— Ни цента, — согласилась она. — Он хотел, конечно, но у него семья, и откладывать им удавалось не слишком много. Он показывал мне свои

сбережения — гроши… Не могла же я отправить его жену во вторую жизнь нищей. Ему, понятно, сбережения не нужны. Работа у него пока есть, но, учитывая общественное мнение, долго он не продержится. А где ему искать новую…

— Не знаю, — задумался Фрост. — Я мог бы переговорить с…

Он запнулся. С кем он мог бы переговорить? С Маркусом Эплтоном, с Питером Лэйном? Но оба связаны с пропавшим документом, который, может статься, и не пропал вовсе. С Б.Д.? Вряд ли Б.Д., да и кто угодно, захотят его слушать.

— Мисс Харрисон, — он грустно улыбнулся ей. — Кажется, вы пришли к единственному в Нетленном Центре человеку, который не в состоянии вам помочь.

— Простите меня, — смутилась она. — Я не собиралась требовать чего-то конкретного. Я буду признательна за любое участие. Даже если у вас только возникнет желание нам помочь. Это придаст мне уверенности, подаст знак, что на свете еще есть люди с чувством справедливости.

— Если я смогу, — тихо сказал Фрост, — я помогу. Но, поймите, я не могу рисковать. Именно теперь риск для меня невозможен.

— Этого вполне достаточно, — ожила Энн.

— Но я ничего не обещаю.

— Как я могу рассчитывать на это?! Вы просто сделаете, что сможете.

Напрасно, подумал Фрост. Он не имел права предлагать помощь, не его это дело. Да и как он мог обещать, зная, что ничего предпринять не сможет.

Но жалкая комнатенка показалась ему вдруг теплее и светлее. Возникло ощущение жизни, неведомое ранее. И сделала это сидящая в кресле женщина — но скоро она уйдет, теплота и свет рассеются, память затухнет, и комната вновь станет жалкой и постылой, как прежде.

— Мисс Харрисон, — спросил он внезапно. — Мог бы я пригласить вас куда-нибудь пообедать?

Она улыбнулась и покачала головой.

— Простите, — смутился Фрост, — я только…

— Вы не поняли, — остановила его Энн. — Не могу допустить, чтобы вы тратились на меня. Но, если у вас есть продукты, я могу приготовить…

13

Нестор Белтон захлопнул книгу и оттолкнул ее от себя. Зевнул, потер кулаками глаза.

Завтра экзамен, хорошо бы выспаться, но еще столько надо повторить, просмотреть хотя бы.

Такой экзамен раз в жизни бывает. В Школу консультантов поступят лучшие, а он с детства мечтал стать именно консультантом. Выбор оказался верным — сколько разговоров вокруг, что бессмертие вот-вот станет реальностью, что кто-то в Нетленном Центре сумел решить задачу, и дело лишь за технической реализацией.

А тогда начнутся оживления, и настанет черед консультантов. Долгие годы они находились в резерве, ждали этого часа, а многие так и не дождались, и теперь, как все прочие, ожидают в подвалах воскрешения.

Консультанты и специалисты по воскрешению — вот две группы людей, которые годами оставались сторонними наблюдателями. Эти группы обучались на средства Нетленного Центра, им, по сути, всю жизнь платили жалованье ни за что, их час еще не пробил.

Но они были готовы вступить в дело в любой момент. Наготове были и тысячи пустующих домов, и гигантские, забитые продуктами магазины, и мощные конверторы — все ожидало Дня Воскрешения.

Да, Нетленный Центр повел дело так, восторженно подумал Белтон, как его мог повести лишь коллектив единомышленников, людей увлеченных и бескорыстных. Почти двести лет Центр оберегал умерших, был ангелом-хранителем надежды человечества, архитектором грядущей жизни.

Он встал из-за стола и подошел к единственному в его студенческом закутке окну. Полная, чуть скрытая облаками луна слабо освещала двор общежития. А дальше, к северо-западу, высилась громада Нетленного Центра.

Как здорово, в тысячный раз восхитился Белтон, что окно выходит на Центр! Один его вид вдохновляет: взглянешь на него — и словно получил благословение. Увидишь его — вспомнишь и ради чего учишься, и о триумфе, который через миллион лет (хотя некоторые говорят, что позже) увенчает человечество, медленно выползающее из трясины повседневной бессмысленности.

— Вечная жизнь… — прошептал Нестор Белтон.

Не надо умирать, не надо стареть. Есть время для развития интеллекта, есть время обрести знания, необходимые для полного раскрытия человеческих возможностей. Копиться будет мудрость, а не годы. Будет время на все, что только можно вообразить. Сочинять великую музыку, писать грандиозные книги, создавать картины — такие, о которых художники всех времен могли только мечтать. Будет время на межзвездные перелеты, человек доберется до тайн атома и космоса, станет свидетелем разрушения высочайших гор и прихода на их место других. Он увидит, как мелеют реки и как образуются новые, а когда через десять миллиардов лет огненная смерть настигнет солнечную систему — уйдет в глубины пространства.

Нестор обхватил впалую грудь худыми руками.

— Вот заживем! — воскликнул Нестор и с ужасом вспомнил о прежних временах, когда люди умирали, даже не догадываясь о возможности новой жизни, и согревал их лишь слабый и неверный огонек средневековой веры.

Все эти несчастные ушли без уверенности, что смерть их — лишь временна: невзирая на всю свою веру, они страшились смерти и загоняли

мысль о ней в самые потаенные уголки сознания, потому что мысли о небытие невыносимо ужасны.

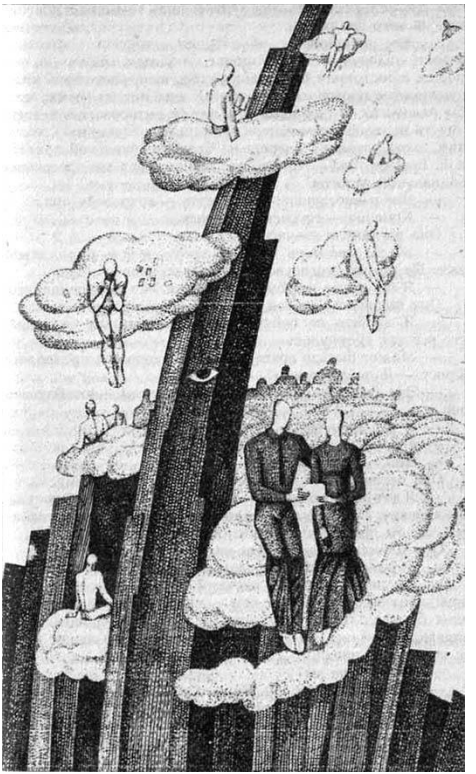
Порыв ветра прошелся по карнизам, бесплотные тени пересекли двор, а на фоне черного неба смутно белел Нетленный Центр. Скоро рассвет, подумал Белтон. Да, конечно, уже поднимается заря — так, верно, часто казалось людям, сутками напролет работающим в Нетленном Центре. Но когда до завершения рукой подать — внезапное препятствие, неожиданная неудача. Но теперь, судя по просачивающимся сведениям, близится настоящий рассвет, скоро человек достигнет своей цели, и путь его будет пройден до конца.

И он, Нестор Белтон, рассчитывает принять в этом участие. Он и остальные консультанты станут помогать вернувшимся в мир людям безболезненно включиться в современную культуру.

Но выполнить такую работу способен лишь человек, специально обученный — психолог, назубок знающий историю двух последних веков.

Впереди шесть долгих лет учебы — если завтра он получит отличную оценку.

Он еще раз взглянул на белеющее здание Центра и вновь склонился над книгой.

14

Свечи на обеденном столе почти догорели, их запах, смешанный с ароматом роз, заполнил убогую комнату — впрочем, уже не столь убогую, как прежде.

Свечи и розы создали непривычную обстановку, чуточку экстравагантную. Фрост решил не жалеть денег — впервые он ел не в одиночестве, и этот вечер был самым приятным в его жизни.

Энн Харрисон больше не возвращалась к делу Чэпмэна, им хватало тем для разговора: европейская художественная выставка в Метрополитен-музее (как оказалось, оба посетили ее в прошлый уикэнд); новый исторический бестселлер, посвященный героическим дням зарождения космонавтики; вызывающее поведение уличных регулировщиков. Сошлись, что деньги следует вкладывать в вещи, а не в акции Нетленного Центра.

Энн родилась и выросла в Нью-Йорке, училась на адвоката в Колумбии, провела один отпуск во Франции, а другой — в Японии, но больше отпусков не брала, потому что не хотела транжирить

время и деньги. Кроме того — адвокатская практика не дает никакой возможности отдыхать: так получается, что на одного человека работы приходится слишком много, а на двоих — слишком мало.

В свою очередь, Фрост рассказал о том, как мальчиком проводил каникулы на дедушкиной ферме в Висконсине. Не на ферме, конечно, ферм уже не существовало, там было что-то вроде кемпинга, куда отправляются на лето.

— Теперь там уже не отдохнешь, — вздохнул он. — Когда дед с бабушкой умерли, поместье продали крупной компании, занимающейся недвижимостью, а деньги обратили в акции Нетленного Центра. Несколько лет назад я был по делам в Чикаго и заехал взглянуть. Это на запад, дорога идет по отвесному берегу в сторону Бриджпорта — есть такой небольшой городок. Ну вот, постройки еще сохранились, но все заброшено, одичало…

— Странно, — тихо промолвила Энн, — что нет больше ферм. Земля приходит в запустение. Вам не кажется, что правительству следовало бы поддержать фермеров? Многим бы это дало работу.

— Мне тоже жаль, — покачал головой Фрост. — В фермах есть что-то прочное. Без них народ

словно утрачивает опору. Хотя, конечно, не было никакого смысла сохранять их в прежнем виде. У нас теперь мощные конверторы, которые обеспечат всех, даже когда начнутся оживления. Фермерам бы новых людей не прокормить. Ну, а что касается занятости…

— Да, знаю, — кивнула она. — Все должно быть наготове. Ряды новостроек, миллионы квартир и все пустые. Не только у нас, во всем мире. Когда я была в Японии, видела целые города из незаселенных зданий.

— Все это понадобится, — заметил Фрост. — Почти сто миллиардов замороженных, прибавьте сюда живых — половину от этого количества.

— Где мы их всех разместим? — пожала плечами она. — Я слышала, что…

— В небоскребах, хотя бы. Здание Нетленного Центра лишь чуть более мили в высоту. Его и строили как экспериментальное — посмотреть, может ли такая махина вообще стоять. Оказалось, может. Сначала была небольшая осадка, но все обошлось. Повсюду такие здания не построишь — все зависит от почвы. Но инженеры утверждают, что если зарыться поглубже, то…

— Вы имеете в виду — жить под землей?

— Ну да, и там тоже. Закопаться настолько,

чтобы достичь хорошей основы для фундамента, а оттуда строить вверх. Так в один дом можно будет поместить несколько миллионов человек.

— Но есть же предел.

— Конечно, — согласился Фрост. — Через несколько столетий все равно не останется ни одной свободной квартиры.

— И тогда начнутся перемещения во времени?

— Да. Мы рассчитываем на это.

— И вам удалось?..

— Нет, но мы уже близки.

— А бессмертие?

— Десять лет, — отчеканил Фрост. — В крайнем случае — двадцать.

— Но Дэн, — осторожно осведомилась она. — Разумно ли держать людей замороженными, пока мы не обретем бессмертие? Мы умеем лечить рак, знаем, как восстанавливать сердце и омолаживать стариков. Оживления могли начаться сто лет назад, но мы лишь продолжаем складывать тела. Мы говорим: «Какая разница, пусть поспят немного дольше. Им же все равно». Может, пора разбудить их — дать им новую жизнь — вот ведь удивятся?

— Не знаю, — рассмеялся Фрост, — не стану спорить. И так слишком много слов было сказано

по этому поводу впустую. Но что изменится, если мы начнем?

— Но вы представьте, миллиарды умерших — сколько времени это отнимет! Каждого надо подвергнуть обработке…

— Да, я знаю. Но готовы тысячи специалистов по оживлению, готовы консультанты.

— Но время!..

— Да, времени потребуется много. Проще, конечно, было поступить так, как вначале и планировалось. Однако вмешалась Служба социальной защиты. И они правы, ждать — единственный честный способ, ведь мы не можем назначать цену за оживление. Все это сильно усложняет дело, и не исключена возможность экономического хаоса.

— Это необходимо уладить, — вздохнула она. — Необходимо… Как вы сказали — единственный честный способ. Да, нельзя давать бессмертие лишь тем, кто в состоянии за него заплатить.

— Но подумайте об Индии, — грустно произнес Фрост. — Подумайте об Африке, о Китае. Люди до сих пор не в состоянии прокормить себя, выручают лишь международные программы помощи. У них нет ни гроша, чтобы отложить. И они придут в мир, в котором будут жить ничуть не лучше,

чем теперь. Они опять столкнутся с голодом, снова встанут в очередь за благотворительной похлебкой. Бессмертие — это все, что предоставит им программа социальной защиты.

— Все равно лучше, чем смерть, — возразила она.

— Конечно, — согласился Фрост.

Она взглянула на часы.

— Жаль, мне пора идти. В самом деле — пора, давно уже. Не помню, когда получала такое удовольствие от вечера.

— Я бы хотел, чтобы вы задержались еще ненадолго.

Она покачала головой и встала из-за стола.

— Я вообще не собиралась задерживаться, но рада, что все так обернулось.

— Может быть, в другой раз? — осторожно предложил Фрост. — Я позвоню вам?

— Это было бы мило с вашей стороны, — улыбнулась она.

— Я вас провожу.

— У меня внизу машина.

— Энн, — он помедлил. — Погодите.

Она остановилась в дверях и обернулась к нему.

— Я вот о чем подумал, — нерешительно начал

Фрост. — Вы адвокат. Мне может понадобиться адвокат. Не согласитесь ли вы представлять мои интересы?

Она изумленно взглянула на него.

— С какой стати вам может понадобиться адвокат?

— Не знаю, — пожал плечами Фрост. — Может, и не понадобится. Дело вот в чем — кажется, ко мне попала одна бумага… То есть, у меня целая пачка бумаг и эта, видимо, среди них… У меня такое чувство, что лучше бы я ее в глаза не видел.

— Дэн, о чем вы?

— Я не вполне уверен. Видите ли, ко мне попал документ или мне кажется, что он попал ко мне…

— Ну и что? Какой документ?

— Не знаю. Какая-то записка. Но она не должна была попасть ко мне, вот в чем дело.

— Избавьтесь от нее, — предложила Энн. — Сожгите. Зачем вам…

— Нет! — запротестовал Фрост. — Так нельзя. Она может оказаться важной.

— Но что в этой записке?

— Я видел ее лишь мельком. Тогда я ничего ее понял, документ не показался мне важным…

— А теперь — кажется?

— Возможно, — кивнул он, — Не могу сказать точно.

Она нахмурилась — то ли в шутку, то ли всерьез.

— Не могу понять, при чем тут я.

— Я подумал, что если бы взять всю эту стопку бумаг, запечатать в конверт и отдать вам…

— Как адвокату?

Он умоляюще кивнул.

— Могу ли я узнать больше об этом документе? — колебалась Энн.

— Думаю, нет. Не хочу вас впутывать. Бумаги у меня в кармане. Перед вашим приходом я как раз пытался отыскать среди них ту, о которой идет речь. А вы постучали, и я сунул их в карман…

— Вы боялись, что пришли за документами?

— Да. Что-то в этом роде. Не знаю, с чего я так подумал. Но теперь мне кажется, что лучше не знать ни о содержании бумаги, ни о том, где она находится.

— Не вполне уверена, — медленно произнесла Энн, — что тут все в порядке с этикой и законностью.

— Понимаю вас, — вздохнул он. — Это была глупая идея. Забудем о ней.

— Дэн, — она взглянула ему в глаза.

— Да?

— Я просила вас об одолжении?

— А я не смог оказать его вам.

— Сделаете, что сможете.

— Не рассчитывайте на меня. Шансы тут…

— Вы попали в беду, Дэн?

— Пока еще нет. Но, кажется, могу попасть. Вы сделали плохой выбор, Энн. Пришли к человеку, который менее всего способен вам помочь.

— Я так не думаю, — улыбнулась она. — Ставлю на вас. А теперь давайте-ка сюда конверт…

15

Амос Хиклин подкинул еще одно полено в небольшой аккуратный костер, какие умеют раскладывать только лесники.

Он поужинал, сполоснул сковороду и кофейник в реке, хорошенько отдраил посуду песком и теперь мог, спокойно привалясь к дереву, неторопливо выкурить трубочку и поразмышлять о том о сем. Было тихо, лишь где-то наверху завел свою ночную песню козодой — странный, потусторонний звук повис в воздухе. В реке плеснулась рыба.

Хиклин нагнулся к дровам, выбрал еще пару сучьев, кинул их в огонь. Устроился поудобнее и достал из кармана куртки трубку и кисет.

— Хорошо, — вздохнул он. — Июнь — прекрасная погода, светит луна, птица поет, да и москиты не донимают.

А завтра…

Дурацкая идея — спрятать сокровище на речном острове. Как будто неизвестно, что случается с такими островами.

Но что поделать, за тем человеком гнались, что

же ему оставалось? Зато есть и преимущества — кому взбредет в голову искать клад на острове? Острова эти не шире обычных песчаных отмелей и с годами сплошь зарастают ивами.

Такие острова могут существовать десятилетиями, а могут исчезнуть за ночь — река неспокойная, часто меняет русло…

Все это походило на поиски иголки в стоге сена, но ставка была высока: в худшем случае он просто терял год жизни, а в лучшем — приобретал миллион долларов, по самым скромным подсчетам.

— Нефрит, — хмыкнул Хиклин. — Идиотская кража.

Даже в день ограбления — ни малейшего шанса перепродать его — кто не опознает уникальный музейный экспонат?

Хотя Стивен Фернесс, может, и не думал продавать краденое. Может, он хотел украсить этим добром свою комнату. Столько лет проработав в музее, запросто можно рехнуться от мысли, что столь изысканные предметы выставлены на потребу вульгарной толпе.

Что же, ему почти удалось обвести всех вокруг пальца. Если бы в деревенской забегаловке какой-то пронырливый фермерский отпрыск не опознал его по фотографии в газете, так он

тогда, двести лет назад, и скрылся бы со всеми камешками.

Хотя, и то правду сказать — его все-таки не поймали, и остаток своей жизни Фернесс, уже дряхлый, седой, кое-как сводя концы с концами, живя случайными, весьма сомнительными приработками, провел в дешевых кабаках Нового Орлеана.

Вытянув ноги, Хиклин сидел в сгустившейся темноте, медленно попыхивая трубкой, пламя костра бросало отблески на его лицо.

Ну и глушь, вздохнул он. Так долго эту землю возделывали, а теперь что? Полное запустение.

Кому она теперь нужна? Разве что — потенциальное жизненное пространство, не более. Люди подались туда, где была работа — в гигантские мегаполисы. Все восточное побережье — сплошной муравейник. Гигантский промышленный район вокруг озера Мичиган разрастался и тоже стремился к восточному берегу. Разрастались и другие центры плотного заселения.

И вот тебе раз, ухмыльнулся Хиклин, я — один из немногих вне всего этого. Но ведомый теми же мотивами, той же алчностью. Одно отличие: я — игрок, а остальные — серые посредственности.

Игра, подумал он. Что же, пусть игра. Но со-

ставленное на смертном одре письмо и приблизительно нацарапанный план, несмотря на весь свой романтизм, производили достоверное впечатление. Да и поиск уже подтвердил многое из последних слов Стивена Фернесса. Сомнений не оставалось — именно он в 1972 году похитил из музея, где служил, коллекцию древних нефритов — целое состояние. На каком-то из островов, на этом участке реки, он ее спрятал, упаковав в бумагу и засунув в небольшой стальной чемодан.

> Пишу вам, поскольку не хочу, чтобы они оказались утраченными навсегда, и молю Бога, чтобы вам удалось найти по моему описанию точное место…

Письмо предназначалось тому самому музею, откуда он выкрал коллекцию. Но он не отправил его — может, не было сил встать, а рядом никого не оказалось; может быть, не хватило денег на марку, а смерть уже стояла у порога.

Вместе с остальными пожитками письмо Хиклин обнаружил в старом чемоданчике Фернесса — собрате того, в котором покоились нефриты. Каким странным образом, размышлял Хиклин, ноги привели его в дом, где в тот дождливый день проходил аукцион, и наряду с прочим хламом

был выставлен и этот чемодан. Почему никто даже не открыл его, чтобы поинтересоваться содержимым? Или открыл, но, увидев хлам, не стал вдаваться в детали?

Пустой дождливый день, делать было совершенно нечего, хотелось просто найти сухое место, чтобы скоротать время. И странное ребячество, заставившее его вступить в торги — с начальной цены в 25 центов, которая так и не возросла, поскольку других претендентов на чемодан не нашлось.

Покуривая, Хиклин вспоминал, как ему захотелось прикинуться рассеянным и уйти, оставив чемоданчик в зале. Но неизвестно зачем он все-таки притащил его в свою комнату. Дел в тот вечер не было, он полез в чемодан и обнаружил письмо. Письмо заинтриговало его, и он стал собирать сведения о человеке по имени Стивен Фернесс.

И вот он здесь, возле реки, рядом с потрескивающим костром, слушает пение козодоя — он, единственный на свете, кто хотя бы примерно знает, где укрыты похищенные нефриты; наверное, один из немногих, кто вообще слышал о краже.

Даже по сей день, рассудил Хиклин, нефриты

еще нельзя продать без риска. Могут сохраниться документы, да и музей стоит и поныне.

Но лет через пятьсот, через тысячу — никаких проблем не возникнет. Кража забудется, сведения о ней надежно затеряются в архивах.

Неплохой старт для второй жизни. Бриллианты или, скажем, рубины таких усилий не стоят. Нефриты — дело другое. Это произведения искусства. Конверторы могут выпускать бриллианты тоннами, правда, точно так же они могут штамповать и нефриты, но предметы искусства им не воспроизвести.

Человек, подмигнул себе Хиклин, должен соображать, на что ставить, собираясь жить вечно.

Трубка погасла — табак прогорел. Он вынул ее изо рта и выбил пепел о каблук сапога. Затем поставил удочки, завтра будет рыба, осталась еще мука, так что лепешками он обеспечен. Хиклин поднялся и пошел к байдарке за шерстяным одеялом.

Крепкий сон, плотный завтрак — и снова на поиски острова с двумя соснами на берегу и отмелью, по очертаниям схожей с рыболовным крючком. Хотя, конечно, вряд ли отмель сохранилась в прежнем виде, зато сосны вполне могли остаться.

Он постоял у воды и взглянул на небо. Там не было ни единого облачка, мерцали звезды, почти полная луна висела над восточными скалами. Он вдохнул свежий воздух — чистый, чуть прохладный. Чудный будет завтра денек.

16

Стоя на тротуаре, Дэниэл Фрост проводил взглядом машину Энн, пока та, свернув за угол, не скрылась из виду.

Он вздохнул и стал подниматься по истертым ступенькам в квартиру, но на полпути остановился и снова повернул на улицу.

Слишком ночь хороша, объяснил он себе, чтобы сидеть дома. Однако не в ночной красоте было дело, да и какая красота тут, в этом обшарпанном квартале?!

Не хотелось возвращаться в опостылевшие стены.

Надо переждать, пусть память о вечере немного притупится…

Раньше Фрост никогда не думал, насколько же убого его жилье, до сегодняшнего вечера не думал — пока не вернулся из парка после встречи с Гиббонсом. И потом все вдруг волшебно изменилось — благодаря Энн. Да, он потратил сумасшедшие деньги на свечи и розы, но не они превратили жалкий угол в некое человеческое обиталище. Это все Энн, она придала его жилью тепло и уют.

В чем же дело? Почему сегодня его ужаснула эта жалкая комната? Не он один живет так, жить так — разумно. Есть крыша над головой, есть, где уединиться, где приготовить себе пищу, где отдохнуть. Что еще? Комфорт? Какой комфорт, когда его интересует лишь рост вклада на счету!

Или не комната виновата, а сама эта жизнь вдруг показалась ему пустой и убогой?! Но как так может быть, когда существует цель? Бессмертие!

Улица тонула во мраке, нарушаемом лишь редкими фонарями. Скучные дома по обеим сторонам казались мрачными призраками из прошлого — обветшалые строения, давным-давно утратившие свою прежнюю гордость, если та была им свойственна когда-либо.

Он шел по улице, и его шаги грохотали на всю округу, словно колотушка ночного сторожа. Дома стояли темные, лишь кое-где горел свет. Казалось, он — единственный пешеход на всей земле.

Сидят по домам, отчего? — задумался Фрост. А куда пойдешь? Кафе, концерты, спектакли — все денег стоит. Хочешь следующий раз жить припеваючи — будь любезен не сори деньгами.

Пустынная улица и пустая комната — все, что нынешняя жизнь оставляет человеку.

Но не ошибся ли он? Не ослепило ли его сия-

ние будущей жизни? Всегда один. И дома, и на улице.

Из дверного проема, к которому приближался Фрост, возникла человеческая фигура.

— Мистер Фрост? — осведомился незнакомец.

— Да. — Фрост остановился. — Что вам угодно?

В голосе незнакомца было что-то неприятное — какая-то наглость или, может быть, плохо скрытое высокомерие. Человек подошел ближе, но на вопрос Фроста не отвечал.

— Если вы не против, — начал Фрост, — я бы…

В этот миг что-то ужалило его в шею, боль была острой, горячей. Он поднял руку, чтобы смахнуть это что-то, но рука почему-то отяжелела и поднялась лишь до пояса. Кажется, он стал опускаться на землю, подламываясь на бок в медленном падении — словно прислонялся к ускользающей опоре. Странно, но это его ничуть не встревожило, отчего-то он был уверен, что ничего страшного нет, и он не ударится о тротуар — все так медленно и мягко…

Незнакомец по-прежнему стоял в двух шагах, но к нему подошел другой; вот он-то — еще сумел сообразить Фрост — и подкрался сзади. Лиц видно не было, они стояли в полутьме…

17

Очнулся он в темном помещении, на жестком стуле, тусклый свет пробивался в щели и освещал какой-то странный агрегат.

Фрост был расслаблен и вял, двигаться ему не хотелось, и только немного беспокоило, что он ничего не узнаёт. Здесь он никогда не был.

Он снова прикрыл глаза, все поплыло, он ощущал лишь твердую спинку стула и пол. Что-то жужжало, гул был едва слышный — такой издает машина, работающая на холостом ходу. Щеки и лоб горели. Что же все-таки произошло? Где он? Но тут было так удобно и спокойно, что беспокойства Фрост не ощущал. Он обмяк на стуле. Теперь к машинному гулу присоединились какие-то пощелкивания — как бы щелчки времени, проходящего сквозь него: не тиканье часов — именно, времени. Странно, подумал Фрост, как так может быть, время ведь не шумит.

Зацепившись за мысль о времени, он чуть пошевелился и поднял руку, чтобы потрогать горящие щеки.

— Ваша честь, — произнесла окружавшая его

темнота, — подсудимый пришел в себя.

Фрост приоткрыл глаза и попытался приподняться. Но в ногах не оказалось сил, а руки болтались как плети, да и вообще оставаться в прежнем положении было приятнее.

Но кто-то сказал «ваша честь» и что-то о подсудимом, который очнулся. Непонятно, надо, наконец, узнать, где он очутился.

— Он может стоять? — спросил другой голос.

— Похоже, нет, ваша честь.

— Ладно, — сказал второй. — В конце-концов — какая разница.

Фросту удалось повернуться и привалиться к спинке стула боком. Он увидел приглушенный свет чуть выше уровня глаз и там, под лампой, наполовину освещенное лицо какого-то призрака.

— Дэниэл Фрост, — обратилось к нему лицо. — Вы меня видите?

— Да, вижу, — выдавил Фрост.

— В состоянии ли вы слушать и понимать мои слова?

— Не знаю, — пробормотал Фрост. — Кажется, я спал… я не могу встать…

— Слишком много болтаете, — сказал первый голос.

— Оставьте его, — произнес призрак. — Дайте

ему время. Он, похоже, в шоке.

Фрост безвольно сидел на стуле, а эти двое чего-то ждали.

Он, помнится, шел по улице, от стены отделился человек и заговорил с ним. Что-то ужалило в шею, он хотел поймать, но не дотянулся. Потом он падал, очень долго, но как упал — не помнил. Да, там были два человека, два — не один, и они безмолвно глядели, как он оседает на тротуар.

«Ваша честь», — сказали из темноты, то есть — обращались к судье, значит этот агрегат — Присяжные, и тогда выходит, что призрак сидит на судейском месте.

Что за бред. Как он мог попасть в суд?

— Вам лучше? — осведомился судья.

— Кажется, да, — медленно ответил Фрост. — Но я не понимаю. Это что, суд?

— Да, — сказал голос из темноты. — Именно.

— А почему я здесь?

— Заткнитесь, — сказал тот же голос, — и вам объяснят.

Тот, в темноте, произнес это и захихикал. Смешки разбежались по комнате, как тараканы.

— Послушайте, пристав, — сказало лицо, нависшее над судейским местом, — успокойтесь. Это хоть и преступник, но я не вижу повода для

насмешек.

Тот, в темноте, ничего не ответил.

Фрост, опираясь на спинку, попытался встать на ноги.

— Не понимаю, что происходит, — он сделал попытку повысить голос. — Я имею право знать. Я требую…

Ладонь призрака, вынырнув из темноты, пресекла дальнейшие вопросы.

— Вы имеете право, — пошевелило губами лицо. — Если вы будете слушать, то я вам объясню.

Две руки подхватили Фроста под мышки, поставили на ноги и не отпускали. Фросту наконец удалось схватиться за спинку стула и опереться на нее.

— Со мной все в порядке, — сказал он стоящему сзади.

Руки отпустили его, он остался стоять.

— Дэниэл Фрост, — начал судья. — Я изложу дело кратко и по существу. Вас доставили в суд и подвергли допросу под наркозом. Вы признаны виновным, приговор вам уже вынесен и приведен в исполнение — в полном соответствии с законом.

— Что такое? — вскричал Фрост. — Какой приговор? В чем меня обвиняют?

— В измене, — сообщил судья.

— Какая измена? Ваша честь, вы, должно быть, сошли с ума…

— Не государственная… Измена человечеству.

Фрост до боли в пальцах сжал спинку стула. На него нахлынул ужас, мозг оцепенел. Слова переполняли его, но он крепко сжал губы и молчал.

Не время, осознал он каким-то краешком ума, еще оставшимся ясным, не надо говорить наспех, не надо эмоций. Он, возможно, и так уже сказал больше, чем следовало. Слова — это инструмент, ими надо пользоваться умело.

— Ваша честь, — наконец решился Фрост. — Я протестую. У вас нет оснований для…

— Есть, — прервал его судья. — Поразмыслите и поймете, что основания есть. Следует пресекать деятельность, ставящую под угрозу план продления человеческой жизни. Я вам процитирую…

— Нет надобности, — покачал головой Фрост. — Хотя я и не знаю, что вы имеете в виду. Впрочем, никакой измены с моей стороны быть не могло — я работаю именно ради продления жизни. Я — заведующий отделом в Нетленном Центре…

— При допросе под наркозом, — перебил его судья, — вы согласились с тем, что использовали свое положение, дабы попустительствовать раз-

ного рода издателям — очевидно, желая нанести ущерб этому плану.

— Ложь! — вскричал Фрост. — Все не так!

Призрак грустно покачал головой.

— Увы, именно так. Вы признались в этом. С чего бы вы стали наговаривать на себя?

— Суд… — горько произнес Фрост. — Среди ночи. Хватают на улице и насильно привозят сюда. Без официального ареста. Без адвоката. И, полагаю, без права на апелляцию.

— Вы абсолютно правы, — кивнул судья. — Без права на апелляцию. В соответствии с законом результат подобной экспертизы, вместе с решением суда, является окончательным. Согласитесь, это самый надежный способ достичь правосудия.

— Правосудия?!

— Мистер Фрост, — укоризненно взглянул на него судья. — Я проявлял терпение. Учитывая ваше прежнее служебное положение, я был крайне снисходителен к вашим репликам — вряд ли уместным в суде. Могу уверить вас, что разбирательство велось должным образом и в полном соответствии с законом. Вы признаны виновным по обвинению в измене, приговор я вам сейчас зачитаю.

Призрачная рука ушла в темноту, извлекла

оттуда очки и водрузила их на нос. Потом — все еще продолжая жить отдельно — рука подняла стопку шелестящих бумаг.

— Дэниэл Фрост, — начал судья, — решением суда вы признаны виновным по обвинению в измене человечеству. Факт измены составляет сознательный саботаж программы достижения бессмертия не только для лиц, находящихся в данный момент в дееспособном состоянии, но и для тех, чьи тела находятся на сохранении. По приговору суда в полном соответствии с законом вы, Дэниэл Фрост, изгоняетесь из общества, вследствие чего вам запрещено…

— Нет! — закричал Фрост. — Вы по можете так поступить! Это…

— Пристав! — крикнул судья.

Цепкие пальцы схватили Фроста за плечо.

— Заткнись, ты! И слушай, что тебе говорят.

— Вам запрещается общение, — продолжал судья, — и любого рода контакты с людьми, которым, в свою очередь, под угрозой аналогичного наказания, запрещается вступать в какие-либо связи с вами. Вы лишаетесь личного имущества, кроме — в целях соблюдения приличий — той одежды, которая находится на вас. Остальное имущество конфискуется. Вы также лишаетесь

всех прав, кроме права на сохранение тела после смерти. Кроме того, чтобы окружающие люди осведомлены о вашем положении изгнанника и могли бы избежать контакта с вами, у вас на щеках и лбу будет вытатуирована буква «О» красного света.

Судья отложил бумаги и снял очки.

— Хочу добавить еще вот что, — сказал он. — Из милосердия татуировка была нанесена, пока вы находились под действием наркотика. Процедура эта весьма болезненная, а в задачу суда не входило причинить вам дополнительные страдания или унижения. Но должен вас предостеречь. Суд понимает, что с помощью различных средств татуировка может быть сокрыта или даже сведена. Не советую вам поддаваться подобному соблазну. Наказанием за этот поступок будет лишение вас последнего из оставшихся у вас прав.

Он пристально взглянул на Фроста.

— Вам понятно?

— Да, — пробормотал Фрост, — мне понятно.

Судья потянулся за молоточком и стукнул по столу.

Звук глухо прозвучал в пустой комнате.

— Дело закрыто, — сказал он. — Пристав, вышвырните его на улицу. То есть, я хотел сказать

— отпустите.

18

Ночью крест опять рухнул.

19

Восточная часть неба начинала светлеть.

Фрост нетвердо стоял на тротуаре, он еще не пришел в себя, наверное, продолжал действовать наркотик. Он ощущал странную смесь отчаяния, ужаса и жалости к самому себе.

Что-то тут не так, понял он. Дело не столько в приговоре, сколько в самом времени заседания суда — на исходе ночи. И в том еще, что в зале не было никого, кроме судьи и пристава — если они, конечно, таковыми являлись.

Дело сфабриковано. Маркус до него добрался. Есть в этой бумаге что-то, раз Маркус идет на все, лишь бы не дать ей всплыть.

Но что он теперь мог поделать? И сможет ли когда-нибудь? Кто теперь его выслушает? С кем он может поговорить? «Апелляция невозможна», — заявил призрак. Да, это так. Апелляцию ему не подать.

«Я могу оказаться скомпрометирован», — кажется, так сказал он Энн Харрисон.

— Энн, — прошептал Фрост.

Боже мой, ведь существовала Энн Харрисон.

Не оказалась ли она — по своей воле или нет — просто наживкой? И не обмолвился ли он в суде о ней? Не сказал ли он, что документ мог попасть к Энн?

Под наркозом он, несомненно, выдал ее. Выдал бы, только вряд ли его допрашивали — тогда бы это был настоящий суд и, конечно, его бы не осудили: он не мог наговорить на себя. Никакого допроса не было.

Чуть покачиваясь, он смотрел как светало. Сомнения, вопросы — все перемешалось у него в голове.

Вычеркнут из человечества.

Никто.

Комок протоплазмы, оказавшийся на улице — безо всего, без надежды.

С единственным правом — умереть по-человечески.

И это явно подстроено Эплтоном.

Вот на что тот рассчитывает! На то, что лишенный всех прав, он отринет последнее, которое у него осталось.

— Нет, Маркус этого не дождется, — сказал Фрост и себе, и ночи, и всему миру, в том числе — и Маркусу Эплтону.

Он неуверенно побрел по улице. До того, как

рассветет, ему следует найти укрытие. Укрыться от насмешек, гнева и бессердечной жестокости. Он должен уйти не из мира, но от мира — он теперь не часть его, он ему враг. Любой может поднять на него руку, защита ему лишь ночь и одиночество. Ни закона, ни права для него более не существует.

Его переполнил холодный напор гнева и злости, гнева на то, что произошедшее оказалось возможным. Это было не цивилизованно, но кто утверждает, будто человечество цивилизованно?! Оно может исследовать космос в поисках пригодных для населения планет, может ломать голову над тайнами времени, может бороться со смертью и стремиться к бессмертию, при этом продолжая оставаться сборищем дикарей.

Должен отыскаться способ победить варваров, должен найтись способ расквитаться с Эплтоном, и если он его отыщет, то использует — без малейшего колебания.

Но не теперь.

Сейчас надо лечь на дно.

Все будет в порядке, пока он сумеет держать себя в руках, понимал Фрост. Главное — не распускать нюни.

Он дошел до перекрестка и остановился, разду-

мывая, куда свернуть. Где-то на соседней улице взвыл электрический мотор — рейсовое такси, видимо.

Пойду к реке, решил он. Там проще всего укрыться, может быть, удастся и прикорнуть. А потом — искать еду.

Подумав об этом, Фрост вздрогнул. И вот к этому сводится теперь его жизнь?! Прятаться и постоянно искать пропитание. А наступит зима, что тогда! Придется отправиться на юг, пробираясь по ночам сквозь гигантский мегаполис, в который превратились прибрежные города.

На востоке светлело, надо торопиться. Но к реке сворачивать не хотелось. Первый же шаг в ту сторону сделает его беглецом, и он боялся сделать этот шаг, потому что бег тогда уже не остановишь.

Он стоял, вглядывался в пустынную улицу и мучительно пытался найти другой путь. Не прятаться и искать правосудия? Какого? Правосудие с ним уже разобралось, а кто еще станет его слушать? Зачем? Все написано у него на лице!

Он устало свернул к реке. Если уж бежать, то, по крайней мере, быстрей, пока еще не поздно.

И тут кто-то обратился к нему:

— Мистер Фрост!

Он обернулся. Человек, который позвал его, стоял в тени здания. Вот он вышел на тротуар — согбенная, уродливая фигура в большой, сплющенной шапке, пальто — сплошные лохмотья.

— Нет, — неуверенно пробормотал Фрост, — нет…

— Не волнуйтесь, мистер Фрост. Вам стоит пойти со мной.

— Но, — изумленно проговорил Фрост, — вы не можете знать меня. Вы не понимаете…

— Знаю, — хмыкнул человек в отрепьях. — Мы знаем, что вы нуждаетесь в помощи, и это все, что теперь важно. Идите за мной и старайтесь не отстать.

20

От керосиновой лампы толку было немного. Она освещала лишь пятачок вокруг себя, и сгорбленные тени людей роднились с полумраком, царящими в помещении.

Фрост остановился, ощутив на себе настороженные взгляды.

Друзья или враги? Там, на улице (в скольких кварталах отсюда это было?) человек, подошедший к нему, показался другом. «Вы нуждаетесь в помощи, — сказал он, — а остальное пока не важно».

Проводник подошел к теням у лампы, Фрост остался стоять на месте. Ноги гудели от ходьбы, он безумно устал, не прошло еще и действие наркотика. Игла это была или дротик — то, что вонзилось ему в шею, — но заправили инструмент неплохо.

Он наблюдал, как провожатый, присев на корточки, перешептывался с остальными. Фросту стало интересно, где он находится. Судя по запаху — в районе порта; наверное, погреб или подвал, они спустились вниз на несколько лестничных

пролетов. Убежище, сообразил он, именно то, что он искал.

— Мистер Фрост, — произнес старческий голос, — почему бы вам не присоединиться к нам и присесть. Подозреваю, что вы устали.

Фрост проковылял вперед и сел на пол возле лампы. Глаза его привыкли и тени обрели плоть, серые пятна стали оформляться в лица.

— Спасибо, — кивнул он, — я в самом деле притомился.

— У вас была тяжелая ночь, — посочувствовал старик.

Фрост опять кивнул.

— Лео говорит, что вас отправили в изгнание.

— Я могу уйти, только скажите, — смутился Фрост. — Но дайте мне немного отдохнуть.

— Зачем вам уходить, — сказал проводник. — Вы теперь один из нас. Мы все изгои.

Фрост вскинул голову и посмотрел на говорившего. У того было сероватое лицо, на щеках и подбородке топорщилась двухдневная щетина, но татуировок видно не было.

— Он не имел в виду, что каждый из нас заклеймлен, — пояснил старик. — Но все равно мы изгои. Мы, понимаете ли, несогласные. А нынче кто себе может это позволить? Мы не верим, вот

какое дело. Хотя, можно сказать, что очень даже верим. Только не во все это, конечно.

— Я не понимаю, — сказал Фрост.

— Сразу видно, что вы не понимаете, где очутились, — хмыкнул старик.

— Конечно, нет, — раздраженно бросил Фрост, выведенный из себя насмешливым тоном. — Мне не сообщили.

— Вы в логове Святых. Взгляните-на на нас хорошенько! Мы — те самые безумцы, которые вылезают на свет божий по ночам и пишут на стенках всякие гадости. Это мы проповедуем на всех углах против Нетленного Центра. И раздаем листовки. Пока не подоспеет полиция и нас не разгонят.

— Послушайте, — устало произнес Фрост. — Мне все равно, кто вы. Я благодарен за то, что меня привели сюда, иначе не знаю, что бы я делал. Я собирался найти убежище, я знал, что должен спрятаться, но не знал — где. И тут подошел этот человек и…

— О-хо-хо, — вздохнул старик. — Гонимая невинность, да и только. Откуда вам было знать, что делать! Естественно, могли угодить в беду. Хотя вам не стоило беспокоиться, мы за вами приглядывали.

— Приглядывали? Зачем?

— Слухи. Всякое гуляет по свету, а мы ко всему прислушиваемся. Это, можно сказать, наша обязанность — собирать слухи и сортировать их.

— Дайте мне сообразить… — встряхнул головой Фрост. — До вас дошло, что я стал кому-то неугоден?

— Да. Вы слишком много знаете. Но что вы такое узнали лишнее — нам установить не удалось.

— Значит, вы следите за многими?

— Да не так уж, чтобы за многими, — сказал старик. — Хотя о Центре мы осведомлены неплохо, у нас там свои…

Конечно, подумал Фрост. Почему-то, несмотря на неожиданное участие, этот человек ему не нравился.

— Но вы устали, — заметил старец, — да, похоже, что и голодны.

Он поднялся и хлопнул в ладоши. Открылась какая-то дверь, и вдоль комнаты протянулась полоса света.

— Еды! — сказал он показавшейся в двери женщине. — Немного еды для нашего гостя.

Дверь закрылась, и старик придвинулся почти вплотную к Фросту. От него пахло немытым телом. Человек положил руки на колени, руки

были грязны, ногти — не стрижены, под ними скопилась грязь.

— Могу себе представить, — произнес он, — что вы несколько разочарованы. Хотел бы, однако, чтобы это чувство оставило вас. На самом деле, мы люди добросердечные. Протестанты мы или диссиденты, какая разница, но мы хотим делать то, что считаем нужным, наш голос должен быть услышан.

— Конечно, — кивнул Фрост. — Но мне кажется, существуют и другие способы оказаться услышанным. Вы добиваетесь этого чуть ли не полвека, а то и дольше…

— И не слишком преуспели, вы хотите сказать.

— Да, пожалуй, — согласился Фрост.

— Да, мы знаем, что не можем победить, — присоединился другой мужчина, — у нас нет средств, чтобы победить. Но совесть говорит, что мы должны стоять на своем. Пока наш слабый голос еще слышат в этой пустыне, мы от своего не отступим.

Фрост не ответил. Он ощутил, что погружается в сладкую летаргию и бороться с этим не мог.

Старик протянул грязную руку и положил ее на колено Фросту.

— Ты читал Библию, сынок?

— Да, местами. Большую часть…

— А зачем ты ее читал?

— Не знаю, — пожал плечами Фрост. — Потому что это человеческий документ. Или рассчитывал найти там душевное спокойствие, но в этом я не уверен. Да и вообще, это хорошая литература.

— Но ты читал без веры?

— Думаю, что так.

— Были времена, когда ее читали с благоговением. Когда-то она являлась светом, надеждой, обещанием. А теперь вы говорите — хорошая литература. Это болтовня о бессмертии тела привела к такому… К чему теперь читать Библию, куда уж — верить ей, если бессмертие в руках государства. Государства! Каково? Бессмертие — это вечная жизнь, но кто может обещать такое, кто из смертных? Как вы можете это обещать?

— Вы ошибаетесь, — возразил Фрост, — я ничего подобного не обещал.

— Извините, я говорю вообще. Не вы, конечно. Центр.

— Да и не сам Нетленный Центр, — заметил Фрост, — скорее, просто человек. Он искал бы бессмертия, даже если бы Центра и в помине не было. Не в человеческой это натуре — желать и делать меньше, чем возможно. Да, он будет

терпеть неудачи, но продолжит попытки.

— Это все от дьявола, — сказал старик. — Силы тьмы и зла всеми способами хотят уничтожить врожденную человеческую набожность.

— Возможно, — согласился Фрост. — Не хочу с вами спорить. Не теперь, может быть, в другой раз. Поймите, я благодарен вам и…

— А скажите, кто бы еще протянул вам в такой момент руку помощи?

— Никто, — покачал головой Фрост. — Не могу представить, кто бы еще мог это сделать.

— А мы сделали, — самодовольно сказал старик. — Мы, бродяги. Мы, простые верующие.

— Да, — согласился Фрост. — И я отдаю вам должное…

— А не задаете ли вы себе вопрос, почему мы поступили так?

— Пока нет, — сказал Фрост, — но задам еще.

— Мы поступили так потому, что ценим не смертную плоть человека, но душу его. Вы, верно, заметили, что в старинных хрониках народ исчислялся по количеству душ, а не голов. Это могло показаться вам странным, нелепым, но тогда человек больше думал о Боге, о грядущей жизни и куда меньше был озабочен земными делами.

Дверь приоткрылась, и в помещение снова

проник свет. Вошла изможденная ветхая старуха и передала старику тарелку и полбуханки хлеба.

— Спасибо, Мэри, — кивнул тот, и женщина ушла.

— Ешьте. — Он поставил тарелку перед Фростом.

— Спасибо.

Взяв ложку, Фрост зачерпнул постный, водянистый суп.

— А теперь, как я понимаю, — продолжил старик, — всего через несколько лет человеку даже не придется проходить через смерть, чтобы достичь бессмертии. Стоит Нетленному Центру разработать соответствующую технологию, как человек окажется бессмертным. Будет себе вечно молодым, будто смерти и нет вовсе. Раз уж родились, то извольте жить вечно.

— В ближайшие годы, — поправил Фрост, — это еще не произойдет.

— Но когда произойдет, то все будет именно так?

— Видимо, да, — согласился Фрост. — Зачем же людям стареть и умирать, раз уж они могут оставаться вечно молодыми?!

— О суета сует! — запричитал старик. — Что за самонадеянность! Какая гордыня!

Фрост ему не ответил. Собственно, что тут было отвечать.

— Еще одно, сынок, — собеседник потянул его за рукав. — Ты веришь в Бога?

Фрост отложил ложку.

— Вы действительно хотите, чтобы я ответил?

— Да, — кивнул тот, — и честно.

— Не знаю, — помедлил Фрост. — Конечно, я не верю в того Бога, о котором думаете вы — в благообразного джентльмена с белой бородой. Но в высшее существо — да, в такого Бога я, пожалуй, поверил бы. Должна быть какая-то сила, властвующая над миром. Мир слишком хорошо организован, чтобы было иначе. Когда думаешь о его устройстве — от атома до галактик — кажется невероятным, чтобы отсутствовала высшая сила особого рода, благожелательная сила, которая поддерживает этот порядок.

— Порядок! — взорвался старик. — Вот что у вас на уме — порядок! Не святость, не благочестие…

— Простите, — поморщился Фрост, — вы хотели честного ответа. Я дал вам честный ответ. Поверьте на слово, я многим бы пожертвовал, чтобы иметь вашу веру — слепую, абсолютную, без тени сомнений. Но, пожалуй, я бы и тогда еще сомневался, что довольно одной только веры.

— Вера — все, что есть у человека, — спокойно произнес старец.

— Вы берете веру, — возразил Фрост, — и превращаете ее в добродетель. Добродетель незнания.

— Когда есть знание, — уверенно заявил старик, — тогда вера не нужна. А мы нуждаемся именно в вере.

Вдруг раздался крик «Полиция!», и послышались чьи-то торопливые шаги. Кто-то схватил со стены лампу, задул ее, и комната погрузилась во тьму.

Вскочил на ноги и Фрост. Он было двинулся за всеми, но, столкнувшись с кем-то впотьмах, отступил и внезапно почувствовал, как пол, слабо треснув, стал уходить из-под ног: давно прогнившие доски проломились. Он инстинктивно выбросил руку в поисках опоры и сумел ухватиться за край доски, но та не выдержала веса тела, и он полетел вниз.

Фрост с плеском упал в какую-то смердящую лужу, вонючие брызги окатили лицо. Он поднялся и сел на корточки; где тут что — не разобрать, грязь и темнота будто перемешались между собой.

Фрост взглянул вверх: дыры он не увидел, наверху слышался шум и затихающие голоса.

Наступила тишина, но вскоре пришел черед другим голосам — резким и злым. Трещали доски — похоже, высаживали дверь, и та поддалась, над его головой загромыхали тяжелые шаги, острые лучи света затанцевали по стенам ямы.

Испугавшись, что кто-нибудь направит фонарь вниз и обнаружит его, Фрост осторожно двинулся вперед по щиколотки в зловонной воде.

Наверху кто-то шумно расхаживал, уходил в какие-то дальние помещения, возвращался. Доносились обрывки фраз.

— Опять улизнули, — произнес один голос. — Предупредил кто-то, не иначе.

— Ну и грязища, — сказал другой. — Впрочем, чего тут ожидать.

И еще один голос — узнав его, Фрост напрягся и еще дальше отступил в темноту.

— Парни, — сказал Маркус Эплтон, — они опять натянули нам нос. Ну ничего, они дождутся.

Ему отвечали, но слов было не разобрать.

— Никуда эти сучьи дети не денутся, — пообещал Эплтон. — Даже если это будет последним, что я успею сделать в своей жизни.

Голоса и шаги стали удаляться и вскоре стихли.

Тишину нарушали только капли воды, падаю-

щие в лужу.

Какой-то туннель, подумал он. Или затопленный фундамент.

Надо выбираться, но в потемках это не так-то просто. Выбора нет — надо снова подняться.

Он поднял руки и нащупал балку. Встал на цыпочки и сумел дотянуться до пола. На ощупь исследовав доски, он обнаружил край дыры. Теперь надо подпрыгнуть, ухватиться за что-нибудь и, надеясь, что доски выдержат, подтянуться. В комнате, подумал Фрост, я хоть на время окажусь в безопасности. Эплтон и его люди не вернутся, Святые не вернутся тоже, так что я, наконец, буду предоставлен сам себе.

Фрост постоял, собираясь с духом, и тут услышал писк и какую-то беготню — сквозь темноту к нему скользили невидимые тела, злобный и пронзительный писк озверевших от голода животных нарастал.

Кожа покрылась мурашками, волосы, казалось, встали дыбом.

Крысы! Его окружали крысы!

Страх придал силы, он прыгнул, уцепился, рывком подтянулся и очутился на полу.

Писк собравшихся внизу крыс перешел в общий вой.

Фрост лежал на полу, пока не унялась дрожь, затем поднялся на четвереньки, осторожно отполз в угол комнаты и замер там, оцепенев от ужаса.

21

Годфри Картрайт откинулся в мягком кресле и сцепил пальцы на затылке. Такую позу он принимал всякий раз, когда предстояло обсуждать серьезное дело, а ему хотелось казаться небрежным и не слишком заинтересованным.

— Странное дельце получается, — произнес он. — Ни один издатель в жизни не предлагал таких денег. Даже это надутое ничтожество Фрост не отказался бы от них, будь он уверен, что проскочит. Но Фрост канул, и Гиббонса тоже никто не сыщет. Похоже, не обошлось без Эплтона или кого-то вроде него. Немногие в Нетленном Центре знают, что цензура все еще существует. Но если разнюхал Эплтон, то дело дрянь — с ним шутки в сторону.

— То есть, вы хотите сказать, что не будете издавать мою книгу? — уныло осведомился Гарри Гастингс.

— Господь с вами, — Картрайт взглянул на него с изумлением. — Да мы никогда и не говорили, что будем.

Гастингс сгорбился в кресле. Тут он ничего не

мог поделать.

У него была круглая, лысая голова, смахивающая на биллиардный шар. Он носил очки с толстыми стеклами, глаза его косили. Биллиардный шар все время старался вылезти вперед, будто желал скатиться с плеч, и это, вкупе с косоглазием, придавало ему вид человека под хмельком, который лезет из кожи вон, стараясь выглядеть трезвым.

— Но вы сказали…

— Я сказал, — Картрайт придал голосу твердость, — что, на мой взгляд, ваша книга разошлась бы. Я сказал, что, если ее издать, мы загребли бы кучу денег. Но я говорил, что сначала должен быть уверен, что мы протащим ее в печать. Я вовсе не хочу, чтобы Фрост пронюхал о ней в последний момент, когда мы уже угрохаем кучу денег. Вот когда книга уйдет в магазины — тогда уж Фросту ничего не сделать: поднимается скандал, а шум — единственное, чего Нетленный Центр не переносит.

— Но вы сказали… — затянул свое Гастингс.

— Конечно, я говорил, — кивнул Картрайт, — но мы не заключили договора. Я сказал, что он не может быть заключен, пока мы не поладим с Фростом. Иначе нет смысла. У Фроста полно сы-

щиков и весьма въедливых. А Джо Гиббонс среди них лучший — тем более, что специализируется именно на нас. В нас он просто вцепился, снюхался, видимо, с кем-то из наших. Знал бы с кем — давно бы уволил. Но никуда не денешься, — мы не могли и шагу ступить, чтобы об этом не знал Гиббонс. Все, что я мог сделать, — попробовать пойти на сделку. Да, я говорил вам, что ваша книга из тех немногих, ради которых я пытался что-то сделать лично.

— Но труд, — с болью произнес Гастингс, — труд, который я вложил в нее. Двадцать лет. Вы понимаете. что такое двадцать лет исследований?! А написать ее?! Я вложил в нее всю свою жизнь, понимаете?

— Похоже, — мягко улыбнулся Картрайт, — вы сами верите во весь тот вздор, который понаписали.

— Конечно! — вспыхнул Гастингс. — Разве не ясно, что это правда? Я изучил массу документов и знаю, что это так. Любой разберется в косвенных свидетельствах. План Нетленного Центра — величайшая мистификация в истории человечества. Идея-то была совершенно иная. Надо было любым способом остановить войны. Ведь если вы заставите людей поверить, что их

тела могут быть сохранены и оживлены потом — кто пойдет на войну? Какое правительство, какой народ дадут себя вовлечь в нее, ради чего? Какой шанс на бессмертие у того, кого взрывом разнесет в клочья?! Какие спасатели потащатся на поле боя?!

— Может быть, цель оправдывает средства. Наверное, мы не вправе осуждать обман. Мы уже сто лет не знаем, что такое война, и не поймем, как это ужасно.

— Да, но все уже позади. Настало время сказать людям правду…

Гастингс замолк и взглянул на Картрайта, по-прежнему развалившегося в кресле и сцепившего пальцы на затылке.

— Вы не верите?

Издатель снял руки с головы, нагнулся вперед и облокотился о стол.

— Гарри, — сказал он серьезно, — какая разница, верю я или нет? Не мое это дело, верить в то, что я издаю. Мое дело — чтобы книга разошлась, я должен быть в этом уверен. Большего от меня требовать вы не можете.

— Но вы говорите, что не хотите ее публиковать.

— Не совсем так, — покачал головой Карт-

райт. — Не могу опубликовать. Нетленный Центр мне не простит.

— Они не могут вас остановить.

— По закону — не могут. Но они начнут давить, и не только на меня — на служащих, на акционеров. А это — не шутки, должен вам сказать. Когда бы мне удалось книгу напечатать и отправить в продажу — я был бы чист. Тогда — это грех Фроста. Он был обязан предотвратить, но не предотвратил. Ответственность бы не лежала на моих плечах, в чем бы меня упрекнули — так в том, что я не разбираюсь в литературе. Это бы я перенес. Но при таком раскладе…

Он сделал безнадежный жест.

— Я мог бы поискать других издателей, — предположил Гастингс.

— Конечно, — согласился Картрайт.

— Вижу, вы считаете, что никто из них на книгу даже не взглянет.

— Конечно. Новости уже разошлись, и все знают, что я собирался подкупить Фроста, но у меня ничего не вышло, а Фрост исчез. Каждый издатель в городе об этом наслышан. Шепотки, знаете, бегают…

— Значит, мне никогда ее не опубликовать?

— Боюсь, что так. Идите себе домой и живите

спокойно, гордясь, что раскопали нечто такое, к чему никто и прикоснуться не может, что вы — единственный человек, который знает тайну. Можете быть довольны, что проницательны настолько, что обнаружили заговор, о существовании которого никто и не подозревал.

Гастингс еще сильней вытянул шею.

— В ваших словах насмешка, — насупился он. — Не уверен, что мне это по душе. Скажите, как вы действительно думаете? Какова ваша версия?

— Версия?

— Да. Что вы думаете о Нетленном Центре?

— Ну, — пожал плечами Картрайт, — что дурного в том, чтобы думать именно так, как они нам предлагают?

— Ничего. Удобная точка зрения, но — ложь.

— Большинство считает, что правда. Ходят, конечно, сплетни и всякие разговорчики, но это больше для развлечения. Какие теперь развлечения?! Вот люди и хватаются за все подряд. Вы только представьте, как люди проводили время двести лет назад — ночная жизнь, опера, театры, музыка, а еще спорт — футбол, бейсбол. И где все теперь? Что осталось? Платить за то, чтобы смотреть пьесу? Зачем? Можно сидеть дома и глазеть в телевизор. Платить, чтобы взглянуть,

как гоняют мячик? Еще чего! Лучше на те же деньги прикупить акций Нетленного Центра. Платить безумную сумму, чтобы что-то особенное съесть? Сейчас идешь есть — и то не очень-то часто — и ешь, и никаких там фу-фу. Вот потому так хорошо расходятся книги. Книгу прочел, и ее может читать кто-то другой, а то еще и сам перечитаешь. А спектакль или игра — только на один раз. Потому все и сделались читателями и телезрителями. Куча удовольствий и почти что задаром. Дешевые развлечения, а как помогают убить время. Мы только и делаем, что убиваем время. Хватаемся за что угодно, лишь бы дотянуть, наконец, до холодильника. Отсюда слухи и сплетни. Люди научились высасывать удовольствие из чего угодно и до последней капельки.

— Вам бы самому книги писать, — посоветовал Гастингс.

— А то, — согласился Картрайт не без удовольствия. — Я бы мог. Ткнуть бы их всех мордой в грязь. Они бы слопали, да еще бы и спасибо сказали, а уж разговоров бы на месяцы хватило.

— Значит, вы думаете, что моя книга…

— В нее многие поверили бы, — ободрил его Картрайт. — Все насквозь документировано и все такое. Впечатляющий вздор. Уж и не знаю, как

вы этого добились.

— Вы мне все еще не верите, — пригорюнился автор. — Думаете, что все это я сфабриковал.

— Ну уж нет, — открестился Картрайт. — Этого я не говорил. — Он грустно взглянул в окно. — Плохо, — вздохнул он. — Миллиард уплывает. Не шучу, дружище. Вы бы сделали миллиард.

22

Спрятавшись за грудой ящиков, сваленных в переулке, Фрост поджидал, когда из задней двери захудалого ресторанчика выйдет человек, чтобы выкинуть отбросы в мусорные баки, стоящие вдоль стены.

Тот наконец появился, в руках у него была корзина и сверток. Сверток он положил на тротуар, снял с бака крышку и опорожнил корзину. Затем поднял сверток и приладил к ручке бака. Минуту он постоял, глядя по сторонам, — его белая куртка тускло светилась в слабом свете, — потом взял корзину и вернулся в ресторан.

Фрост вскочил, торопливо подбежал к баку и схватил сверток. Сунув его под мышку, он дошел до угла, переждал, пока мимо пройдут какие-то люди, и, перебежав через дорогу, нырнул в следующий переулок.

Изрядно пропетляв по узким улочкам, он оказался позади небольшого полуразвалившегося строения — наверное, его хотели снести и уже начали работу, да раздумали. Здание было осевшее, неуютное, впрочем, оно не слишком отличалось

от соседних домов.

Каменная лестница с проржавевшими изогнутыми перилами вела в подвал.

Шмыгнув в дом, Фрост скатился по лестнице.

Дальше была дверь, висящая на одной ржавой петле. Толкнув ее, Фрост попал в подвал и прикрыл дверь.

Он был дома. Это место он нашел дней десять назад, после того, как перепробовал несколько других укрытий, те были гораздо хуже. Здесь же — прохладно и сухо, и не слишком донимали крысы. Место казалось надежно забытым и потому безопасным. Никто сюда даже близко не подходил.

— Привет, — сказал вдруг кто-то из темноты.

От неожиданности Фрост споткнулся, упал и выронил сверток.

— Не пугайтесь, — произнес голос. — Я знаю, кто вы. Не бойтесь, я ничего дурного вам не сделаю.

Фрост остался сидеть на полу. Надежда и страх смешались в его мозгу. Его опять разыскали Святые? Или этот человек из Нетленного Центра? Или от Эплтона?

— Как вы меня нашли? — с усилием выдавил он.

— Я вас искал. Расспрашивал всех. Вас видели в этом переулке. Вы ведь Фрост, да?

— Да, я Фрост…

Человек вышел из темноты. Скудный свет из подвального окна позволил увидеть его силуэт, но лица было не разобрать.

— Рад, что отыскал вас, Фрост, — повторил он. — Меня зовут Фрэнклин Чэпмэн.

— Чэпмэн… погодите! Вы тот, который…

— Да. Мне рассказала о вас Энн Харрисон.

Фрост почувствовал, что сейчас расхохочется. Он попытался сдержаться, но ничего не вышло. Он безвольно сидел на полу и горько хохотал.

— Боже мой, — прошептал он, задыхаясь, — вы — тот самый человек, которому я обещал помочь.

— Да, — кивнул Чэпмэн. — Иногда события принимают довольно странный оборот.

Фрост несколько успокоился, но все еще сидел без сил на прежнем месте.

— Я рад, что вы пришли, — сказал он наконец. — хотя и не понимаю, зачем вам это понадобилось.

— Меня послала Энн. Она спросила, не смогу ли я отыскать вас. Она разузнала, что с вами случилось.

— Разузнала? Почему? А газеты? Стоило только

проглядеть отчеты суда.

— Конечно. Так она и поступила. В газетах — ничего, ни единой строчки. Зато город полон слухов.

— Каких?

— Какой-то скандал в Центре. Вы исчезли, а Центр старается это замять.

— Все рассчитано, — кивнул Фрост. — Газеты предупреждены, а слухи распущены с тем, чтобы всем казалось, будто я дал деру. Как по-вашему, Центр знает, где я?

— Понятия не имею, — ответил Чэпмэн. — Хотя я много чего наслышался, пока вас искал. И я не единственный, кто задавал вопросы.

— У них не выйдет так, как им хочется. Они ждут, что я стану выпрашивать у них смерти.

— Большинство поступило бы только так.

— А я — нет. У меня было время обдумать. Буду жить здесь, дойду до ручки — тогда может быть. Но не теперь.

Он помолчал, заговорил снова.

— Извините, Чэпмэн. Я сказал, не подумав. Мне не следовало заводить этот разговор.

— Мне все равно, — поморщился тот. — Это меня уже не волнует. Знаете, в конце концов, чем я хуже своих предков. Я привык, что ли, да и

стараюсь не слишком уж думать об этом.

— Вы долго искали меня. Но ваша работа?

— Меня уволили. Я знал, что так будет.

— Сожалею…

— О, все обошлось. У меня контракт на телевидении, а издательство платит кому-то, чтобы он написал за меня книгу. Они хотели, чтобы я сам, но я сказал, что не справлюсь.

— Грязные свиньи, — сплюнул Фрост. — Все лишь бы заморочить головы простакам.

— Конечно, — согласился Чэпмэн. — Но мне-то что?! У меня все в порядке. Надо было семью поднимать, жене денег отложить. Что я еще могу для нее сделать. Я их заставил платить. Сначала отказывался, но они не отставали, и я назвал сумму, на которую, мне казалось, они в жизни не пойдут. Пошли. Что же, я доволен. Старуха во второй жизни теперь не пропадет.

Фрост поднялся с пола и нащупал сверток.

— Каждою ночь мне оставляет это один из ресторана. Понятия не имею, кто он такой.

— Я говорил с ним, — сказал Чэпмэн. — Старенький такой, сухощавый. Он сказал, что видел, как вы каждую ночь роетесь в отбросах. Говорит, что никто не должен добывать себе пропитание так.

— Давайте сядем, — предложил Фрост. — Тут есть тахта, кто-то ее бросил. Я на ней сплю. Скрипит ужасно, и пружины выпирают, но все лучше, чем на полу.

— Очень плохо? — участливо осведомился Чэпмэн.

— Да как сказать… Сначала Святые прихватили меня на улице после суда и, кажется, спасли мне жизнь. Поговорил с каким-то старым идиотом, который выяснял, читал ли я Библию и верю ли в Бога. Потом заявился Эплтон со своей шайкой, устроил облаву. Они, думаю, хотели поймать кого-то из главарей Святых. Тот, вроде, был один из них. Я побежал, провалился сквозь гнилые доски, когда полиция ушла — выбрался. Пару дней просидел там — даже нос боялся высунуть. Но голод не тетка, пришлось выйти. Вы представьте, что значит добывать еду в городе, когда даже нельзя встать с протянутой рукой, а украсть — духа не хватает.

— Никогда об этом не думал, — покачал головой Чэпмэн. — Но могу себе представить.

— Вот и остается потрошить мусорники. Тоже, знаете, не просто решиться. Но, когда голоден, смиряешься и с этим. А через день-другой делаешься настоящим знатоком отбросов. Места

для ночлега тоже найти не просто, главное — приходится их часто менять. Тебя замечают, интересуются… Здесь я остался дольше, чем следовало бы — лучшее место из всех. Поэтому вы меня и нашли. Если бы я вел себя правильно, ничего бы у вас не вышло. — Фрост помолчал. — Борода растет. Бритвы нет, понимаете? Скоро зарастут щеки, а волосы покроют лоб. Татуировок не станет видно, тогда, наверное, осмелюсь выходить и днем. Говорить все равно ни с кем не стану, но не надо будет так скрываться. Может, на меня станут глазеть, а может быть, и не будут, в этом районе и без меня странных личностей хватает. Никогда с ними дела не имел, побаиваюсь. Тут надо искать свой путь, каждый выживает по-своему.

Он замолчал и взглянул на смутно белеющее в темноте лицо Чэпмэна.

— Простите, — вздохнул Фрост. — Я разболтался. Давно ни с кем не говорил.

— Продолжайте, — попросил Чэпмэн. — А я буду сидеть и слушать. Энн захочет узнать, как вы.

— Нет, — покачал головой Фрост. — Не надо ее вовлекать. Пусть лучше держится в стороне. Что она может? Дело кончится тем, что Энн расстроится, вот и все. Пусть поскорей забудет обо мне.

— Нет, — вздохнул Чэпмэн. — Да и я не забуду. Вы были единственный, кто захотел для меня что-то сделать.

— Но ничего не сделал. Да, по-правде ничего и не мог. Это был блеф. Я и тогда уже понимал.

— Послушайте, — повысил голос Чэпмэн, — какая разница? Мне все равно — могли, не могли. Хотели — вот что главное.

— Ладно. Но, ради бога, держитесь от меня подальше. Не путайтесь со мной, мне совершенно не улыбается стать причиной ваших бед, а если вы будете со мной общаться — их не миновать. Никто для меня ничего сделать не может. Поняли? Если уж совсем припрет, то выход у меня, в конце концов, есть.

— Я не хочу, чтобы вы совсем легли на дно, — настаивал Чэпмэн. — Давайте уговоримся. Искать вас я не буду, но если вам понадобится помощь, договоримся, где вы меня найдете.

— За этим я не обращусь, — твердо сказал Фрост. — Но, если вам так лучше, то…

— Вы останетесь тут?

— Вряд ли, но что мне стоит сюда прийти.

— В трех кварталах от этого места библиотека, знаете? И скамейка у входа.

Фрост кивнул.

— Я буду ждать вас там дважды в неделю. По средам и пятницам, например. С девяти до десяти вечера.

— Нет, так часто слишком обременительно для вас. Сколько все это продлится? Полгода, год? Два года?

— Хорошо, полгода. Если за полгода вы не появитесь, я буду знать, что вы уже не придете.

— Ну что за глупости, — поморщился Фрост. — Не собираюсь я с вами встречаться. И пытаться не буду, к чему вас вовлекать. Даже полгода — чересчур много. Месяц — еще куда ни шло. Вообще, я собираюсь податься на юг. Не хочу, чтобы меня тут сцапали.

— Энн передала вам посылку, — сказал Чэпмэн, меняя тему разговора и давая тем самым понять, что его предложение остается в силе. — Там, за ящиком. Иголка, нитки, спички, ножницы, нож. Вам пригодится. Наверное, еще какая-нибудь еда.

— Скажите Энн, что я ей благодарен, — кивнул Фрост. — Но только пусть она не предпринимает ничего подобного впредь. Ничего больше не делайте для меня, и не пытайтесь.

— Я передам, — серьезно ответил Чэпмэн.

— И обязательно — благодарность. Но как вы

согласились пойти меня разыскивать?

— А меня никто не уговаривал, — поморщился Чэпмэн. — Что я, дитя неразумное?! Но ответьте на один вопрос — что с вами произошло? Как это было? Вы говорили Энн, что вам, возможно, грозят неприятности. Но как вас могли осудить?

— Кому-то понадобилось…

— А больше вы ничего не скажете?

— Нет, не скажу. А то вы с Энн броситесь разбираться. Поймите, разобраться невозможно.

— Так что же, вы всем довольны и пальцем не пошевелите, чтобы…

— Не совсем так. Я собираюсь свести счеты с Эплтоном.

— Так значит — Эплтон?

— А то кто же? Нет, вам, в самом деле, следует уйти отсюда — вот, я уже разговорился… Если останетесь, я вам выболтаю такое, чего вам лучше не знать.

— О'кей, — согласился Чэпмэн. — Раз вы так хотите, я ухожу. Жаль, мне не удалось убедить вас… — Он было повернулся, чтобы уйти, но остановился. — У меня есть револьвер. Если вы…

— Нет, — покачал головой Фрост. — Обойдусь. На тот свет я не спешу. Да и вам советую от него избавиться — к чему рисковать? Не дай бог, опять

потащат в суд — за хранение.

— Мне это до лампочки, — хмыкнул Чэпмэн. — Что я теряю? Еще меньше, чем вы.

Он уже открывал дверь.

— Чэпмэн, — мягко произнес Фрост.

— Да?

— Спасибо, что пришли. Извините, я немного не в себе.

— Я понимаю, — вздохнул Чэпмэн.

Он вышел и закрыл за собой дверь. Фрост слышал, как Чэпмэн поднялся по лестнице, как вышел в переулок. Наконец, его шаги стихли.

23

Будет ли и через тысячу лет сирень пахнуть точно так же? — размышляла Мона Кэмпбел. Перехватит ли дух у человека при виде луга, покрытого бледно-желтым ковром нарциссов? И останется ли вообще тогда место для сирени и нарциссов?

Она тихо раскачивалась в старом кресле-качалке, которое нашла на чердаке, снесла вниз, очистила от пыли и паутины — чтобы раскачиваться и глядеть в окно на чудо летних зеленых сумерек.

Скоро затеплятся светлячки, зарыдает козодой, от реки поднимется туман.

Она сидела, раскачивалась, и мягкое благословение летнего вечера нисходило на нее, и не было ничего важнее, чем просто сидеть, раскачиваться, глядеть в окно и видеть, как зеленые цвета темнеют, становятся сизыми, как чернеют тени и наступающая прохлада ночи стирает из памяти все, кроме ощущения дневной жары.

Вот и пришел час, — нашептывало ей сознание, изо всех сил старающееся напомнить о себе — и

надо прийти наконец к решению.

Но шепоток затих в сгущающейся темноте, думать не хотелось, хотелось просто сидеть, растворяясь в тишине.

Фантазии, подумала Мона, все это только фантазии. Потому что в такой час, в сумерках, дышащих обновленной влажной землей, мысли могут быть лишь плодом воображения. Потому что все — и светляки, и сумерки, и запахи — все говорит о цикличности, о жизни и смерти, об этих составных частях космического начала и конца.

Это надо запомнить надолго, сохранить в себе на те века, которые открылись перед человечеством — не перед всем родом, но перед каждым его представителем. Но она знала, что все забудет, ведь о таком думаешь не в молодости. Эти мысли — удел пожилых, безвкусно одетых людей, похожих на нее, слишком долго занимавшихся странными вещами. Зачем, например, ей — женщине — математика? Ей хватило бы и арифметики, чтобы вести семейный бюджет. А на что еще дается женщине жизнь?!

И почему она, Мона Кэмпбел, должна в одиночку искать ответ, дать который способен только Бог — если он существует?

Если бы только знать, каким станет мир через

тысячу лет — не в бытовых проявлениях, это неважно, это внешнее, но как изменится сам человек? Что будет с миром, когда все человечество станет вечно молодым? Придет ли мудрость, когда не станет ни морщинистых лиц, ни седых волос? Не уничтожат ли ее неувядающая плоть и неутомимая мускулатура? А доброта, терпение, раздумья — они оставят человека? Сможет ли тогда человек сидеть в кресле-качалке, глядеть как опускается вечер и находить удовлетворение в приходе темноты?

Не окажется ли обманом вечная молодость? Не постигнет ли человечество вечная пустота, раздражение от бесконечности дней, разочарование в вечности? Что останется в человеке после десятитысячного бракосочетания, после миллиардного тыквенного пирога, после стотысячной весны с ее сиренью и нарциссами?

Что нужно человеку больше, чем жизнь?

Обойдется ли он меньшим, чем смерть?

Она не могла ответить на эти вопросы, а ответить была должна — хотя бы себе, если уж не остальным.

Мона медленно раскачивалась, и мягкое чудо вечера постепенно вытесняло все мысли.

Внизу, в долине, зажатой между гор, затарахтел

первый козодой.

24

Теперь, когда борода стала густой и закрывала татуировки, Фрост отваживался выходить на улицу еще до темноты.

Как только толпы на улицах рассеивались, он, нахлобучив на голову старую, заношенную шляпу, выходил на промысел. С наступлением сумерек город принадлежал ему. Лишь немногие попадались на пути, но и те куда-то очень спешили — будто существовал закон, обязывающий приличных людей сидеть в это время по домам. И они неслись сломя голову в свои клетушки в гигантских жилых башнях, возвышающихся над городом, словно монументы, воздвигнутые доисторическими тиранами.

Фрост, наблюдая за прохожими из-под полей надвинутой на глаза шляпы, прекрасно их понимал — не так давно он и сам был таким же. В жизни есть два дела — торопиться заработать все, что только можешь, и торопиться домой, чтобы, не дай бог, не потратить лишнего по дороге.

Впрочем, если бы они и хотели удариться в мотовство, ничего бы у них не вышло; все былое

кануло в Лету. Где теперь таинственная ночная жизнь города, какой она была полтора столетия назад? Все задавлены желанием жить вечно. Конечно, такое положение дел вполне устраивало Нетленный Центр (если только он сам не приложил к этому руку), ведь чем меньше тратят, тем больше денег попадет в его сейфы.

Итак, с окончанием дневных дел человеческое стадо разбегалось по домам и там старательно развлекалось. Например, читало газеты, полосы которых были заняты лишь очередными сенсациями и перемыванием чьих-нибудь косточек. Или книги — потому что книги были дешевы, и не только по цене, но и по содержанию. Или, как зачарованные, люди просиживали вечера перед телевизором. Или разглядывали марки, стоимость которых страшным образом возрастала с каждым годом. Ну, если не марки, то шахматные фигуры или что-нибудь еще.

Были и такие, кто прибегал к наркотикам, что продавались в любой аптеке и давали человеку пару часов жизни без повседневной монотонности. Потому что ничего нового уже давно не происходило. Когда-то в начале двадцатого века всех взволновал телефон, патефон. Потом появились самолеты и радио, потом — телевидение.

А теперь ничего нового не изобретали. Прогресс касался лишь областей, связанных с Нетленным Центром.

Теперь человек был бедней, чем его прародители. Цивилизация оказалась в застое, и уклад человеческой жизни стал чем-то напоминать средневековый. Тогда, чтобы прокормить себя, крестьяне весь день гнули спины на полях, а на ночь, боясь темноты, забивались в лачуги с крепкими дверями.

Вот так и сегодня — торопиться днем и закрываться на ночь. Ночь переждать и снова включаться в гонку.

Но Фросту теперь некуда было спешить. Скрываться — да, но не спешить. Куда ему торопиться, ни одна из его забот этого не требовала. Каждый вечер он забирал свой пакет у бака, выискивал в урнах газеты, подбирал прочую ерунду, которая могла пригодиться. Читал и спал при дневном свете, а с наступлением темноты вновь отправлялся за добычей.

Фрост был не одинок в своих скитаниях по темным и пустым улицам. Иногда он позволял себе перекинуться с кем-нибудь словом, но, не желая ни на кого навлечь неприятности, долгих разговоров не затевал. Впрочем, на пустыре в районе

порта он однажды посидел возле костра с двумя бродягами, поговорил с ними. Но, когда пришел туда назавтра, их там уже не нашел. Никаких отношений с себе подобными он не завязывал, да никто из них и не пытался сблизиться с ним. Все они были одиночки, Фросту просто хотелось узнать — кто они, кем могли бы стать и зачем бродят по ночам. Но он знал, что спрашивать не должен, да ничего они ему и не скажут. И сам он не станет рассказывать о себе.

А что рассказывать-то? Кто он теперь? Уж никак не Дэниэл Фрост, не личность — ноль. Чем он лучше любого из тех миллионов, спящих на улицах Индии, тех, облаченных в отрепья, а то и вовсе нагих? Чем он отличается от них, живущих впроголодь?!

Какое-то время Фрост ждал, что Святые снова разыщут его, но этого не произошло. Хотя он регулярно встречал следы их деятельности — лозунги, торопливо начертанные на стенах.

НЕ ПОПАДИСЬ НА КРЮЧОК, ПРИЯТЕЛЬ!
ЗАЧЕМ НАМ ЛЖЕБЕССМЕРТИЕ?
А КАК НАСЧЕТ ПРА-ПРАДЕДУШКИ?!
НАШИ ПРЕДКИ ДУРАКАМИ НЕ БЫЛИ, А ВОТ МЫ — ПРОСТОФИЛИ!!!

И вновь и вновь повторялся тот самый:

ЗАЧЕМ ИХ ЗВАТЬ ОБРАТНО С НЕБЕС?

Профессиональный рекламщик, Фрост иной раз восхищался их работой. Все это выглядело куда свежее, чем тот замшелый вздор, который сочинял он со своими сотрудниками. Впрочем, их продукция тоже мелькала повсюду, светящиеся буквы украшали многие здания.

Часть лозунгов, надо признать, была позаимствована у рекламщиков XIX века:

НЕ
РАСТОЧАЙТЕ — НЕ БУДЕТЕ НУЖДАТЬСЯ!
СБЕРЕЖЕННЫЙ
ПЕННИ — ЗАРАБОТАННЫЙ ПЕННИ!

Но и вновь сочиненные утверждали с той же серьезностью:

НЕ СОМНЕВАЙТЕСЬ, ЭТО ТО, ЧТО ВАМ НУЖНО!

ТЕПЕРЬ ВЫ СМОЖЕТЕ ВЗЯТЬ С СОБОЮ ВСЕ!

ВЫ ВЕРНЫ ЦЕНТРУ — ЦЕНТР ВЕРЕН ВАМ!

Увы, все это представлялось теперь весьма банальным для него, стороннего наблюдателя.

Итак, он рыскал по улицам один, без особенной цели. Уже не убегал. Не нервничал, как хищник в клетке, но странствовал и ощущал, что стал — пусть и не по своей воле — жить так, как и подобает. Впервые он разглядел сквозь городское зарево звезды, восхитился их чудом и задумался о том, как они далеки, прислушался к говору реки, плавно катившей свои волны: теперь у него было время смотреть по сторонам.

Но так бывало не всегда. Иной раз накатывал приступ гнева, а остыв, он принимался строить многоходовые, фантастические и, на удивление, нелепые планы мести — именно мести, а не возвращения в круг нормальных граждан.

Так он и жил. Спал, бродил по улицам и питался тем, что оставлял для него человек из ресторана — полбуханки черствого хлеба, залежалый кусок пирога, что-нибудь еще. Теперь он ожидал его в переулке, вовсе не заботясь о том, чтобы остаться незамеченным. Человек выходил со свертком, он приветствовал его взмахом руки, человек отвечал тем же. Они не разговаривали, не пытались сблизиться, был только этот дружеский жест, но Фросту казалось, что человек этот — его старин-

ный приятель.

Однажды Фрост решился на паломничество туда, где жил до суда, но, не дойдя квартала, повернул обратно. Он понял, что возвращаться незачем, там ничего уже не осталось.

Его имя в подъезде, конечно, заменено другим, другая, но абсолютно такая же машина припаркована на стоянке — в ряду таких же, уткнувшихся носами в кирпичную стенку соседнего дома. А его машина давно увезена по акту о конфискации. Сам дом? Что ему до дома? Сейчас ему куда милее подвал, в котором он обитает.

Вернувшись в подвал, он принялся заново обдумывать свое положение. Что же делать? Но в голову не приходило ничего нового. Впереди брезжил только один путь — в холодильник, где, верно, будет не так уж плохо. Но ему это не подходило. Потому что если он отправится туда сейчас, то выйдет оттуда нищим, и вторая жизнь у него будет не лучше, чем у пеона из Южной Америки. Не лучше, чем у нищего индуса. Но если он останется жить, то, как знать, может, удастся составить себе состояние — хоть какое, лишь бы не начинать вторую жизнь с нуля.

Скорее всего, ему не светит сделаться миллионером. Но хоть бы не стоять в очереди за

благотворительной похлебкой и не дрожать без крова над головой. В том мире, где придется родиться заново, лучше быть мертвым, чем нищим.

Он содрогнулся, подумав о том, как это страшно — оказаться бедным в блестящем богатом обществе; там, где люди проснувшись обнаружат, что их сбережения увеличились многократно. И богатство их будет прочным, потому что, когда держатели акций Нетленного Центра вернутся к жизни, вся Земля станет собственностью Центра. Тогда те, у кого были акции, разбогатеют, у других же не останется ни малейшего шанса выбраться из нищеты.

Хотя бы поэтому он не отправится туда, в склепы, по своей воле. Есть и еще одна причина: Маркус Эплтон, ведь тот спит и видит, что Фрост поступит именно так.

Думая о будущем, Фрост видел перед собой бесконечную дорогу, где дни казались деревьями вдоль обочины. Другой дороги не было, а эта вела в никуда.

День он проспал, а к вечеру снова отправился за свертком.

Была уже ночь, когда он вошел в переулок. Свертка не было, он пришел рано. Человек еще

не выходил.

Фрост отошел в темный угол возле стены, сел на корточки и стал ждать.

Мягко ступая, подошел кот, был он какой-то настороженный и недоверчивый. Замер, уставился на Фроста. Решив, что тот опасности не представляет, кот принялся умываться.

Задняя дверь ресторана открылась, в ночь упала полоса света. Человек вышел, его белая куртка сияла на свету, в правой руке он держал корзинку с мусором, в левой — пакет.

Фрост поднялся, чтобы пойти навстречу.

Вдруг где-то рядом хлопнул выстрел, человек распрямился, дернулся, его голова запрокинулась. Корзина выпала, перевернулась, разбрасывая мусор.

Человек согнулся пополам и рухнул на дорожку, а корзина еще крутилась, пока, наткнувшись на тело, не замерла.

Фрост по инерции сделал еще шаг вперед.

Кот убежал. Тишина — ни шагов, ни криков.

В голове моментально пронеслось — ловушка!

Человек убит выстрелом в голову, поврежден мозг (черное пятно залило его лицо), и это не оставляет шансов на воскрешение. У него уже не будет второй жизни.

В переулке убит человек. Кто был в переулке? Фрост. Он не вооружен? Какая ерунда, револьвер непременно найдется.

Приехали, подумал Фрост. Здесь пахнет уже не изгнанием, а смертью. Он убил человека выстрелом в голову. Что он заслуживает? Смешной вопрос…

Но он не убивал! А кого это волнует? Кого в тот раз интересовало, что никакой измены он не совершал?

Фрост обернулся и посмотрел вверх.

Двухэтажное здание, в высоту футов тридцать или чуть меньше. Но здесь, прямо перед его глазами, был когда-то навес над входом — на стене остался похожий на перевернутую букву «V» ряд кирпичей, наполовину выступающих из стены.

Фрост разбежался и подпрыгнул. Сумел уцепиться за нижний кирпич и замер, ожидая, что тот под его тяжестью обломится либо выскочит из кладки. Нет, кирпич держался крепко. Он протянул вторую руку и ухватился за следующий кирпич, подтянулся, правой рукой ухватился за третий и левой дотянулся до четвертого.

Так в спешке он карабкался наверх, мышцы неожиданно наполнились силой, нервы собрались в комок.

Уцепившись за пятый кирпич и поставив на нижний угол ногу, он вытолкнул себя вверх. Уперся локтями о край стены, быстро подтянулся и плашмя рухнул на крышу. Парапет в два фута высотой скрывал его от тех, кто мог оказаться на улице.

Он лежал, тяжело дыша, прижавшись к крыше, а в переулке уже раздавались звуки чьих-то шагов и крики.

Здесь оставаться нельзя. Надо уносить ноги — не только с крыши — из переулка, из района. Не найдя никого внизу, они примутся обшаривать крыши. К этому времени надо успеть удрать.

Фрост осмотрелся. Какое-то возвышение на крыше его заинтересовало, и он пополз туда.

Крики внизу усилились, к ним добавился вой сирены спасательной машины. Приехали они вовремя, вот только человеку, лежащему там, прока от этого мало.

Фрост дополз до возвышения и увидел, что это крышка люка, квадратная, деревянная, обшитая жестью.

Пригнана она была на славу. Фрост изловчился, уцепился за край и дернул. Кажется, поддалась. Он дернул сильнее, крышка слетела. Что там внизу?

Темень кромешная. Фрост с облегчением вздохнул, хотя радоваться было еще рано — там могло оказаться что угодно.

Он оттащил крышку в сторону, свесил ноги и повис на руках. Конечно, он понимал, что там, внизу, будет пол, но все равно ощущал себя повисшим над бездной.

Отпустил руки. Летел фута два или около того. Что-то сломалось под ним при падении. Больно. Фрост вжался в пол, вслушиваясь в звуки.

Сирена замолкла, и воцарилась тревожная тишина. На улице закричал какой-то мужчина, но здесь, в этом здании, было совершенно тихо.

Глаза постепенно привыкали к темноте, и Фрост различал уже какие-то смутные очертания. Слабый свет проникал в помещение — очень большое, занимавшее весь второй этаж дома. Высокие, вытянутые окна выходили на улицу.

Какая-то мебель. Гнутые стулья, приземистые столы, составленные в ряд ящики. Похоже, он очутился в демонстрационном зале второразрядного магазина.

Надо бы поставить крышку на место, подумал он. Ее увидят и сразу поймут, куда он делся. Но как? Искать лестницу? Где?

Не мог он терять время. Надо немедленно вы-

браться отсюда.

Фрост проковылял по комнате и, отыскав выход, спустился вниз. Там было гораздо светлее.

Подошел к двери, освободил запор, слегка приоткрыл. Поглядел на улицу. Улица казалась пустой.

Выскользнув наружу, дверь он оставил приоткрытой — вдруг придется вернуться. Прижался к фасаду и осмотрелся. Пусто.

Перебежал на другую сторону, добрался до угла, свернул и перешел на быстрый шаг. Через два квартала ему встретился пешеход, но тот на него даже не взглянул. Появилось несколько машин, он шмыгнул в подворотню и переждал, пока те проедут.

Через полчаса он понял, что пронесло.

Надолго ли? Опять придется скрываться.

В подвале? Нет, люди Эплтона выследили его — как бы иначе они могли подстроить ему сегодняшнее? Да, еще немного — и Фрост никому бы уже не был опасен.

Но кому и чем он опасен? О чем, наконец, шла речь в той записке? Да и вообще, попала ли записка в конверт, который он отдал Энн?

Вспомнив о ней, Фрост запаниковал. Если Эплтон узнает, что бумага у нее, Энн грозит смер-

тельная опасность. Любой, кто соприкасался с ним, нынче в опасности.

Человек из ресторана не сделал ничего, только проявил сострадание к незнакомцу и теперь лежал бездыханный — лишь потому, что его смерть помогала загнать в угол того, кому он помогал.

Эплтон знает, что Энн говорила с ним. Скорее всего, именно тогдашний ее приход и повлек за собой его арест и осуждение.

Может быть, подумал Фрост, следует предупредить ее? Но как? Позвонить? Но у него нет денег. Да и телефон, наверняка, прослушивается. А за ней самой следят.

Пойти на встречу с Чэпмэном? Но и это опасно — не так для него, как для Чэпмэна и Энн. Эплтон мог проведать, что его посетил Чэпмэн, и тут уже не нужно особой сообразительности, чтобы связать все с Энн.

Лучшее, что он мог сделать, — держаться подальше от обоих.

Их бы предостеречь, да только попытайся он это сделать, причинит им больше вреда, чем не предпринимая ничего.

Бумага, думал Фрост. Если бы у Энн не было этой бумаги! Тогда она была бы в безопасности, но документ вернулся бы в руки Эплтона и Лэйна.

Его квартиру, несомненно, перевернули вверх дном в поисках зловещего листочка.

Что там было? Одна строчка. Что-то внести в список. Список. Он не мог вспомнить, в мозгу — стоило лишь об этом подумать — образовывалась пустота.

Бессмыслица. Что за список? Что такого могло быть в каком-то списке, чтобы не только уничтожить его, но и травить всех, кто находится с ним в связи?

Все началось с глупого инцидента, с оплошности курьера. Вся путаница, которая последовала потом — возвращение пакета Лэйну, объяснения… Надо было вернуть и эту бумажку, но она показалась такой чепуховой, что он решил…

От каких странных мелочей зависит человеческая судьба, подумал Фрост, и отправился в долгий и безысходный путь, стараясь держаться в тени.

Главное сейчас, понимал он, как можно дальше уйти от переулка. Но до рассвета он должен найти укрытие, а ночью опять в бега.

25

Два человека преклонных лет встретились в парке, чтобы сыграть в шашки.

— Вы слышали последние новости из Центра? — осведомился один, одетый с некоторой долей экстравагантности.

— Столько всего, — отвечал другой, расставляя шашки, — что уже не знаешь, чему и верить. Теперь они заявляют, что когда им удастся решить проблему бессмертия, то умирать уже вообще будет не надо. Они просто выстроят всех в очередь, сделают укольчик в руку, и мы станем опять молодыми, но жить будем уже вечно. Вы об этом?

— Нет, — покачал головой экстравагантный. — Совсем о другом. Новость из первых рук. У моего племянника зять работает в одной из лабораторий Центра. Так вот, он рассказывал… Знаете, кажется многих ожидает бо-о-ольшой сюрприз!

— Какой еще сюрприз?

— Ну, возможно, я употребил не совсем то слово. Может, никто и не удивится. Когда смерть не за горами, ничему уже особенно не удивляешься.

— Опять вокруг да около, — недовольно пробур-

чал партнер, — почему бы вам прямо не сказать, о чем речь.

— Я, скажем, предварительно ввожу вас в курс дела.

— Ну так к делу, и начнем играть.

— Кажется, — заявил экстравагантный, — они обнаружили, что есть такой сорт бактерий, он, помнится, так и сказал — бактерий, которые живут внутри мозга. И, представьте, эти бактерии прекрасно себя чувствуют, когда тело заморожено. Мозг просто ледышка, а их ничем не проймешь. Живут себе, размножаются и поедают мозг.

— Не верю я этому, — покачал головой второй. — Такую чепуху все время болтают. Уверяю вас, Джон, ни капли истины тут нет. Не удивлюсь, если такие истории сочиняют Святые, им лишь бы нас одурачить. Раз эти бактерии у нас в мозге, так чего они не съедят его, пока мы еще теплые?

— Вот в том-то и дело! — обрадовался Джон. — Пока мы живы, в мозгу есть антитела, что ли? Так те бактерии у них под контролем. А когда мозг заморожен, антитела не производятся и бактериям полное раздолье. Представляете, в подвалах навалом людей, у которых уже вообще нет мозга, а только череп, и там кишат бактерии!

26

Фрост принял решение. Для начала нужно было угнать автомобиль.

Это оказалось непросто. Предстояло найти машину, хозяин которой по забывчивости оставил бы ключ. Фрост знал, что есть способ включить зажигание и без ключа, но как именно — понятия не имел. Кроме того, он беспричинно боялся электричества и возиться с проводами не хотел.

На четвертую ночь поисков он обнаружил такую машину, припаркованную возле продовольственного рынка. Фрост разведал обстановку и удостоверился в том, что поднимать тревогу некому. Скорее всего, владелец машины допоздна торгует на рынке. В глубине площади, правда, светились окна, но они были расположены слишком высоко и, чтобы заглянуть в них, надо было обладать недюжинным ростом. Да и вряд ли кто станет глазеть на улицу.

Он завел мотор и, затаив дыхание, вывел машину со стоянки. Дыхание восстановилось лишь тогда, когда он проехал пару кварталов.

Спустя полчаса он притормозил, порылся в

сумке с инструментами и обнаружил маленькую отвертку. Проехав еще милю, выбрал место потемнее — на бульваре, в тени огромных вязов, и остановился вплотную к другой машине. Тихо, почти на ощупь поменял у машин номерные знаки.

Отъезжая, он подумал, что эта подмена — пустая трата времени, но все же, когда через пару часов машины хватятся, смена знаков, пожалуй, увеличит его шансы улизнуть.

Здесь, на западной окраине города движение было небольшим. Он часто разгуливал здесь в поисках автомобиля и решил, что лучшего места для убежища не сыскать. Здесь начинались обширные земельные угодья, давно уже не возделываемые, но еще не захваченные городом. Кроме того, он чувствовал, что Эплтон не предполагает, что он может покинуть город.

Фрост знал, что вдали от города возникнут новые проблемы. Пища, например. Но у него была смутная, ни на чем не основанная уверенность, что он справится. Приближается сезон грибов и ягод, он мог бы наловить рыбы и даже поставить ловушки на зверьков. Благодаря Энн он был теперь мало-мальски экипирован. Его карманы раздувались от всякой всячины, пере-

данной Чэпмэном: рыболовные крючки и леска, зажигалка с запасным баллончиком, кремнями и фитилями, тяжелый складной нож, маленькие ножницы, расческа, консервный нож (от которого, впрочем, в глуши не было никакого толку) и маленькая аптечка. С этим он не пропадет, хотя и не известно, как все обернется.

Теперь он не позволял себе задумываться о побочных делах. Главное — выбраться из города и отыскать место, где не придется прятаться от всех подряд.

Мысль о бегстве из города возникла после случая у ресторана. Позже он решил, что отправится на запад — на ту самую ферму, где проводил каникулы в детстве. Почему? Он не знал, более того — понимал, что отправляться туда глупо, но что-то толкало его именно туда.

Днем, таясь в убежищах, Фрост пытался разобраться в причинах, побуждающих его направиться к местам детства. Зачем? Что это, потребность прибиться хоть к чему-то знакомому? Неосознанное, но настоятельное желание постоять на земле, которую знаешь и которая знает тебя? Найти свои корни, какими бы слабыми и неглубокими они ни были?

Он не мог понять. Только чувствовал, что суще-

ствует нечто более сильное, чем здравый смысл. Что ж, он едет туда.

Он мог ехать по одной из центральных магистралей, но не смог заставить себя показаться на людях — вдруг кто-нибудь случайно узнает его.

Без карты, ориентируясь только по луне — строго на запад, он ехал в сторону заброшенной фермы.

Час или дольше он пробирался жилыми кварталами, перемежающимися небольшими торговыми центрами. После начали попадаться большие открытые поля, лежащие между крохотными поселениями. Он ехал уже не по улице, а по дороге — узкой, с плохим покрытием. Вскоре и оно кончилось. Дома попадались все реже, а потом и вовсе исчезли. На черном небе вырисовывались верхушки деревьев.

На перевале через оголенный гребень горы, куда, петляя, привела его дорога, он остановился и вышел из машины, чтобы оглядеться.

Позади, сколько хватило взгляда, мерцали огни оставленного города. Впереди — темнота без единого проблеска света.

Он большими глотками вдыхал воздух — воздух, в котором была свежесть и прохлада свободной земли. Пахло соснами и пылью. Ну,

вот и все — он сделал это. Город позади.

Фрост снова забрался в машину. Дорога не становилась лучше, но вела строго на запад. На рассвете он съехал с нее, проехал по старому, заросшему сорняками и кустарником полю и остановился у дубовой рощи.

Выбрался из машины и потянулся, желудок сводило от голода, но это было ничто по сравнению с обретенной свободой.

27

Прождав час, Энн Харрисон вошла в кабинет Маркуса Эплтона.

Тот был любезен и производил впечатление умного и процветающего бизнесмена.

— Мисс Харрисон, — приподнялся ей навстречу Эплтон, — очень рад видеть вас. Наслышан, наслышан — в связи с известной проблемой, которую вы подняли на недавнем судебном процессе.

— Моему клиенту это не помогло, — заметила она.

— И все же об этом стоило поговорить. По крайней мере, видно, что правосудие эволюционирует.

— Благодарю за комплимент, — ответила Энн, — если, конечно, это комплимент.

— О, несомненно, — расцвел Эплтон. — Я совершенно искренен. Но чем обязан? Что я могу сделать для вас?

— Во-первых, — деловито приступила Энн, — уберите прослушивание. Во-вторых, отзовите своих ищеек, которых вы приставили следить за мной. И скажите мне, что все это означает.

— Но, моя дорогая юная леди…

— Не тратьте силы на возражения, — прервала его Энн. — Я знаю, что прослушивающие устройства у вас есть. Скорее всего, на центральном коммутаторе. Я составила иск против вас и вашей службы, вы вмешиваетесь в мою жизнь, а также — в жизнь моих клиентов. Что, как вы понимаете, в данном случае гораздо серьезней.

— У вас ничего не выйдет, — грубо оборвал ее Эплтон.

— Почему же? Мне так не кажется, — пожала плечами Энн. — Какой суд пройдет мимо такого: вмешательство в отношения адвоката и клиента. Это, что ни говорите, подрывает основы правосудия.

— У вас нет доказательств.

— Почему же, есть. Но я не собираюсь обсуждать их с вами. Впрочем, если они недостаточны, хотя мне кажутся вполне убедительными, суд назначит расследование.

— Еще чего! — взорвался Эплтон. — Делать суду больше нечего, как рассматривать любое вздорное обвинение…

— Конечно. Но подобного рода…

— А чем дело кончится, знаете? Вас лишат практики.

— Может быть, — согласилась Энн, — если вы умеете манипулировать судьями. Но я не думаю, что ваши дела настолько блестящи.

— Манипулировать судьями! — прошипел Эплтон.

— Ну да, — кивнула Энн. — Судьями и редакторами газет. Но слухи-то вы контролировать не умеете. Если суд не даст мне сло́ва, если газеты смолчат — запашок все равно останется. И такой, поверьте, мистер Эплтон, какого вы еще не нюхали, уж я позабочусь об этом.

— Вы мне угрожаете? — спросил он пронзительным голосом, похожим на скрип.

— Нет, что вы, — возразила Энн. — Не думаю, что до этого дойдет. Пока я еще верю в правосудие. Я еще верю, что суды имеют отношение к правосудию. И не верю, что вам удалось нацепить намордник на все газеты.

— Не высоко же вы цените Нетленный Центр.

— А, собственно, почему я должна ценить его высоко? Вы все сожрали, все подавили. Вы остановили прогресс и превратили людей в олухов. Есть еще правительства, но эти тени живут только вашими желаниями. И все оправдывается тем, что вы предлагаете человечеству нечто! Не слишком ли высокая цена?

— Хорошо, — вздохнул Эплтон. — Если ваш телефон прослушивается, и мы это прекратим, если я уберу тех, кого вы называете ищейками, то что тогда?

— Но, конечно, вы этого не сделаете, — усмехнулась Энн. — Но, если бы и сделали, то остается еще одно. Сообщить мне причину!

— Мисс Харрисон, — осторожно начал Эплтон. — Буду столь же откровенен. Если мы и оказывали вам непродолжительное внимание особого рода, то только потому, что заинтересовались вашими отношениями с Дэниэлом Фростом.

— А какие у меня с ним отношения? Я его видела всего-то раз.

— Вы посещали его?

— Да, я заходила к нему просить помощи для моего клиента.

— Для этого Чэпмэна?

— Мне бы не хотелось, чтобы вы говорили о Чэпмэне в таком тоне. Человек осужден по устаревшему и жестокому закону, который является прямым следствием того дикого образа жизни, который Нетленный Центр навязал всему миру.

— Вы просили Фроста помочь Чэпмэну?

— Он сказал мне, — кивнула она, — что ничего

не может сделать, но если в будущем такой случай ему представится, он им воспользуется.

— Так Фрост не ваш клиент?

— С чего вы взяли?

— Он передал вам документы.

— Он передал мне какой-то конверт. Запечатанный. Понятия не имею, что там.

— Но он не стал вашим клиентом?

— Мистер Эплтон, о чем вы? Один человек доверил другому человеку конверт. Всего-то. При чем тут какие-то юридические отношения?

— Где конверт?

— Как? — удивилась Энн. — Я полагала, что у вас. Кто-то из ваших людей основательно порылся в моем кабинете, да и во всей квартире. Если не у вас, то уж не знаю, где он может быть.

Эплтон замер и, не мигая, уставился на Энн.

— Мисс Харрисон, — сказал он наконец. — Вы самый хладнокровный посетитель из всех, кто когда-либо побывал здесь.

— Что поделаешь, — усмехнулась она, — когда входишь в клетку со львом, то льва бояться не следует.

— Вы и я, — Эплтон лениво постучал ручкой по столу, — люди одной породы. Вы пришли сюда, чтобы заключить сделку.

— Я пришла, — поправила она, — чтобы сбросить вас с моей шеи.

— Конверт, — предложил он, — и Фрост восстановлен.

— Приговор отменен? — саркастически улыбнулась она. — Татуировки сведены? Возвращены имущество и работа, воспоминания стерты, слухи рассеяны?..

— Мы можем договориться, — кивнул Эплтон.

— Это очень мило с вашей стороны, — заметила она. — Ведь вы могли запросто убрать его.

— Мисс Харрисон, — грустно произнес Эплтон. — Похоже, вы считаете нас чудовищами.

— Конечно, — согласилась она.

— Конверт? — спросил он.

— Думаю, он у вас.

— А если нет?

— Тогда не знаю. И все это, в любом случае, бессмысленно. Я пришла сюда не затем, чтобы, как вы выразились, заключить сделку.

— Но раз уж вы тут?

— Не имею полномочий. Такие разговоры должно вести с самим Фростом.

— Вы можете ему передать?

— Да, — произнесла она беспечно. — Могла бы…

Эплтон подался вперед слишком быстро, выдав свое нетерпение.

— Тогда, может быть, вы это сделаете?

— Я не договорила. Могла бы — если бы знала, где он теперь. Право же, мистер Эплтон, не вижу в этом смысла. Мне все это неинтересно, и я сомневаюсь, что интересно и самому Фросту.

— Но Фрост…

— Вряд ли он вам доверяет.

Она поднялась и пошла к дверям.

Эплтон неуклюже вскочил и заторопился за ней.

— А что до того дельца… — начал было он.

— Я решила, — оборвала его Энн, — что подам свой иск. Мне стало ясно, что доверять вам я не могу.

Уже в лифте ее начали одолевать сомнения: ну, и чего, собственно, она достигла? Дала понять, что обнаружила слежку, это — раз. И узнала, что Эплтон, как и она, не осведомлен о том, где теперь Фрост.

Она прошла через вестибюль, вышла на улицу и направилась к стоянке; там, возле ее машины, стоял какой-то человек — высокий и худой. Он был сед, лицо избороздили морщины.

Увидев Энн, он отворил перед ней дверь маши-

ны и сказал:

— Мисс Харрисон, мы не знакомы, но я — ваш друг, а вы нуждаетесь в друзьях. Вы говорили с Эплтоном…

— Будьте добры, оставьте меня в покое, — резко ответила Энн.

— Меня зовут Джордж Саттон, — сказал он, склонившись к ее уху. — Я из Святых. Эплтон бы многое дал, чтобы заполучить меня. Я родился Святым и останусь им навсегда. Не верите — взгляните.

Саттон распахнул рубашку и показал на правую сторону груди.

— Видите, нет шрама, — пояснил он. — Мне не вшивали передатчик.

— Но шрам мог исчезнуть.

— Нет, — покачал головой Саттон. — Следы остаются. Вы растете, и вам вшивают новые передатчики. А последний — когда вам уже лет двадцать. Шрамы не исчезают.

— Забирайтесь в машину, — приказала Энн, — не то вас заметят. Но если вы не из Святых…

— Вы думаете, я из Нетленного Центра? Но…

— Полезайте же, — оборвала его объяснения Энн.

На улице машина моментально растворилась

в общем потоке.

— Я видел Дэниэла Фроста, — начал Саттон. — В ту, первую ночь. Один из моих людей привел его, и я с ним говорил.

— О чем?

— О многом. О наших лозунгах, например. Он считает эту работу простым мальчишеством. Я спросил его и о том, верит ли он в Бога. Я всегда спрашиваю об этом людей. Мисс, это странный вопрос — о чем мы говорили? Какая разница?

— Разницы нет, я знаю, о чем шла речь.

— Вы его видели?

— Нет, я его не видела.

— А кто?

— Другой человек. Дэн рассказал ему о вашем разговоре, о Библии, о Боге.

— Значит, теперь вы мне верите?

— Не знаю, — бесстрастно произнесла она. — Кажется, хотя и не вполне. Я не уверена ни в чем. Это кошмар: ничего не знаешь, находишься под наблюдением. Я знала, что они следят за мной, я их видела. Поняла, что телефон прислушивается. Не смогла смириться, потому и пошла к Эплтону. Но ведь и вы — тоже следили!

Он кивнул.

— Да. За вами, за Фростом и за тем человеком —

за Чэпмэном. Мисс, мы не только пишем лозунги на стенах. Мы делаем и многое другое, мы боремся с Нетленным Центром любыми способами.

— Зачем?

— Они наши враги, враги человечества. Мы — все, что осталось от прежнего мира, а теперь мы в подполье, и туда нас загнали они.

— Да я не это имела в виду. Зачем вы следили за нами?

— Но, поймите, мы можем помочь вам. Мы были рядом, когда произошло убийство около ресторана. Мы помогли бы Фросту, но он обошелся и без нас.

— Вы знаете, где он?

— Нет. Мы знаем только, что он угнал машину. Видимо, покинул город. Мы потеряли его из виду, когда он направился на запад.

— И вы решили, что знаю я.

— Нет, не совсем так. Мы бы не пошли на контакт с вами, не пойди вы к Эплтону.

— Какая связь? Что же, я не могу…

— Нет, конечно же. Но теперь Эплтону известно, что вы знаете о слежке. Пока вы изображали из себя дурочку, вы были в безопасности.

— А теперь — нет?

— Вам не под силу воевать с Центром. Никто

из людей на это не способен. Несчастный случай, что угодно. Мы уже насмотрелись на то, как это бывает.

— Но что ему от меня нужно?

— Да не нужно ему от вас ничего, ему нужно, чтобы вас не было. Он уберет вас, уберет Фроста и будет чист, как стеклышко.

— Вы что-то знаете?

— Мисс, — тяжело вздохнул Саттон, — я был бы идиотом, когда бы не имел своих каналов в Центре.

Вот оно как, подумала она. Не религиозные фанатики, не простодушные сочинители лозунгов, а хорошо организованные мятежники, которые годами остаются в тени, доставляя Центру больше неприятностей, чем кто-либо еще.

Но и они обречены. Никто не может устоять против структуры, которая, по сути, стала владелицей всего мира, да еще и обещает вечную жизнь.

Но в такой гигантской структуре неизбежно сыщутся «каналы». Их найдут не только Святые, а любой, кому это понадобится. Потому что существует алчность, а раз так — всегда отыщутся те, кто пойдет на это, лишь бы улучшить свои виды на вторую жизнь.

— Полагаю, что должна быть вам благодарна, — сказала Энн.

— Не за что.

— Где вас высадить?

— Мисс Харрисон, хочу сказать вам еще несколько слов и надеюсь, что вы меня выслушаете.

— Да, конечно.

— Та бумага…

— Так она и вам нужна?

— Если с вами что-то произойдет, если вдруг…

— Нет, — твердо сказала Энн. — Бумага не моя. Она принадлежит Дэниэлу Фросту.

— Но если документ пропадет? Разве вы не понимаете, что это оружие? Я не знаю, что в нем, но…

— Понятно. Вы используете все, что попадает вам в руки. Неважно что и неважно — каким образом.

— Не слишком лестно для нас, но, признаюсь, дела обстоят именно так.

— Мистер Саттон, — сказала Энн. — Я бы хотела, чтобы вы вышли.

— Если вы так хотите, мисс.

— Да, я так хочу. И оставьте меня в покое. За мной и так уже следят, а сразу с двух сторон — это

уже многовато.

Визит к Эплтону был ошибкой, поняла она. Какой там суд, дела такого сорта к суду не имеют отношения! И в блефе, как бы тот ни был удачен, тоже нет ничего хорошего. Слишком высока ставка, слишком много людей тут завязано. Со всеми не сблефуешь, от всех не спрячешься.

Выход? Возвращаться домой или в контору она уже не может, остается единственное…

Она притормозила, и Саттон тяжело выбрался на тротуар.

— Спасибо, что подвезли, — не без ехидства поблагодарил он.

— Что вы, что вы, — механически ответила она.

У нее были с собой какие-то деньги, кредитная карточка, так что возвращаться действительно незачем.

Ну вот, в бегах, усмехнулась она. Впрочем, не совсем так. Ехать к кому-то, это не то же самое, что от кого-то убегать. Слава Богу, хотя бы с ним пока все в порядке…

28

Остался позади Чикаго с окутанными туманом громадами каменных башен, теснящимися вдоль озера. Теперь Фрост продвигался на север по узким, петляющим дорогам. Временами они сужались до того, что становились непроходимыми, тогда он возвращался и искал другой путь — другую едва приметную в траве дорогу, которая вела в нужном направлении.

И так на протяжении всего пути от восточного берега, в час по чайной ложке. Хотя, собственно, куда спешить? У него нет никакой причины — не переставал он удивляться — ехать именно туда. Это место он выбрал, положившись целиком на эмоции, без какого-то особого умысла. Что он там найдет? Покой? Возможность заново обрести себя? Это лишь фантазии. Он приедет, а там окажется пусто и скучно, и само место ничем не отличается от любого другого. Странно, но он все равно продолжал свой путь — ведомый каким-то смутным внутренним побуждением.

Людей Фрост встречал редко. Земли, по которым он проезжал, были заброшены. Изредка

натыкался он на какую-нибудь нищую семейку, которая нашла себе пристанище в одном из покинутых фермерских домов. Иногда попадались мелкие деревушки, все еще обитаемые — какие-то люди упорно отказывались присоединиться к остальным, уйти в мегаполисы, и существовали на крошечных островках среди пустых и обветшалых строений.

Временами он видел спасательные станции: машины, вертолеты стояли, готовые отправиться за телом в тот самый миг, когда вмонтированный в плоть передатчик прекратит подавать сигналы, что сердце человека еще бьется — определив на мониторе место его смерти.

Какая там у них работа, думал Фрост. Месяцы, наверное, проходят без единого вызова: считанные единицы умирают в квадрате, что обслуживает станция.

Но даже в местах, которые полностью обезлюдели, станции существовали — были ведь и путешественники.

Потому что, невзирая на все слухи и сплетни, Нетленный Центр поддерживал веру в себя, продолжая традиции, заложенные в момент его основания.

Так и должно быть, говорил себе Фрост, ощу-

щая прилив гордости. И никак иначе: эта вера — единственный фундамент, на котором может быть воздвигнута столь прочная социальная структура.

Разбитые дороги не позволяли ехать быстро. А еще приходилось останавливаться, чтобы раздобыть пропитание.

Он собирал ягоды, наведывался в старые, но еще плодоносящие сады. Рыбачил — не без успеха — в мелких ручьях и небольших речках. Даже попытался сделать лук из орехового прута. Вырезал ясеневые стрелы и часами тренировался в стрельбе. Но это оказалось пустой тратой времени — лук получился корявый и бил не точно. Правда, ему удалось подстрелить крота — старого и жилистого. Но все-таки это было мясо, настоящее мясо — впервые за многие недели скитаний.

В заброшенном фермерском доме он отыскал котелок, ржавый, но целый. Несколькими днями позже на берегу мутного пруда поймал черепаху, неосмотрительно отошедшую слишком далеко от воды, и сварил себе суп. Вкус был сомнителен, но какая разница, главное — еда.

Наступили праздные времена. Он не прятался, не убегал, медленно продвигаясь по длинной, извилистой дороге — хорошее время. Найдя

удачное место, он останавливался на несколько дней — отдыхал, рыбачил, купался, пытался заготовить провизию впрок: даже коптил рыбу — впрочем, эксперимент не удался.

Назад Фрост уже не оглядывался. Конечно, Маркус Эплтон продолжал охотиться за ним, но он мог еще не сообразить, что его жертва покинула город. Конечно, кражу машины давно обнаружили; возможно, нашлась и та машина, с которой он снял номера. Ну и что? Как это могло привести преследователей к нему? Да и то — опознать машину — труд нелегкий, слишком они все похожи. Впрочем, как могло быть иначе, когда их выпускала единственная компания, вовсе не заботящаяся о расширении ассортимента: покупали и так, других ведь не было.

Фрост добрался до реки. Начинались знакомые места. Старый железный мост, рыжий от ржавчины, все еще нависал над водой, к востоку сгрудились серые, пожухлые здания покинутой деревни, а на запад от моста — вдоль реки — тянулась старая проселочная дорога.

Двадцать миль, прикинул Фрост, всего двадцать миль, и он дома. Хотя какой там дом — просто место, где когда-то бывал. Фрост свернул на дорогу; узкая колея почти сплошь заросла травой, по

обочинам буйствовал кустарник, ветви цепляли корпус машины.

Ярдов через сто деревья кончились, уступив место небольшому лугу, который был когда-то кукурузным полем. За лугом вновь начинались заросли. Наподалеку, на вершине холма, среди разросшегося кустарника стояли два полуразрушенных дома.

А возле дороги раскинулся лагерь. Грязные, залатанные палатки были расположены кругом; от костров вились струйки голубого дыма. Три или четыре полуразбитых машины стояли чуть поодаль, рядом паслись какие-то животные. Лошади, наверное, подумал Фрост, хотя никогда в жизни не видел лошадей. И еще там были люди и собаки. Все обернулись в его сторону, и некоторые бросились ему наперерез с пронзительными ликующими воплями.

Фрост мигом понял, что наткнулся на лагерь Бродяг, на один из тех странных и опасных кланов, которые годами странствовали по необжитой земле; на людей, которые противились любым попыткам привязать их к общепринятой жизни. Их было очень немного, но на одну из этих банд он умудрился-таки напороться!

Фрост было притормозил, но тут же резко при-

бавил скорость, надеясь, что сумеет опередить людей.

На мгновение показалось, что он успевает, он уже обгонял вырвавшихся вперед, видел их орущие лица — бородатые, грязные рты, оскаленные в крике. Но…

Толпа врезалась в машину, как врезаются головой в забор. Машина подпрыгнула, сбилась с колеи и стала крениться на бок, два колеса, еще сохранившие сцепление с землей, волокли ее вперед, и тут толпа окончательно ее перевернула.

Машина рухнула на траву, проскользила по ней и замерла. Кто-то рывком открыл дверь и протянул руки, чтобы выдернуть Фроста наружу. Его выволокли и повалили на землю, потом поставили на ноги. Бродяги окружили его, но их лица были уже не злобными, а даже веселыми.

Стоявший в центре оборванец многозначительно подмигнул ему.

— Это так мило с вашей стороны — предоставить нам машину, — сообщил он. — Видит бог, мы так в ней нуждались! Старые уже едва передвигаются.

Фрост не отвечал. Он оглядывал собравшихся: все они безудержно хохотали. Здесь же болтались и дети, неуклюжие и грязные мальчишки, глупо

таращившие на него глаза.

— Лошади — дело хорошее, — продолжал главный, — но с ними много возни. Милю едешь, две несешь, да и корми их все время. Нет, машинки — куда лучше.

Фрост, не зная как держаться, продолжал молчать. Понятно, что машины ему не видать как своих ушей, и с этим уж ничего не поделать. Пока что они радовались удаче и его оторопи, но скажи он что-нибудь не то, они моментально покажут зубы.

— Па! — закричал какой-то мальчишка. — Что это у него на лбу? Что за красный кружок?

Смех прекратился, и наступила тишина. Лица помрачнели.

— Изгнан! — закричал вожак. — Он — изгнанник!

Фрост повернулся и неожиданно метнулся в сторону. Схватившись за верх машины, он перемахнул через нее. Споткнулся, упал и увидел, что бродяги уже с двух сторон обегают машину. Ловушка! Впереди река, с флангов — эти люди. Они опять гоготали, только в смехе на этот раз звучала угроза, и он смахивал на истеричный вой гиен.

Мимо просвистели камни, он пригнулся, чтобы

защитить голову, но один камень все же угодил в щеку, ударив так, что Фросту на миг показалось, будто отваливается голова. Все окуталось туманом, и он рухнул лицом вниз, не ощущая, как его хватают грязные руки, поднимают и куда-то несут. Он слышал только чей-то низкий голос, выделяющийся среди остальных.

— Погодите, ребята, — командовал тот, — еще не кидайте. Он пойдет ко дну, если мы не снимем с него ботинки!

— Конечно, — закричал другой, пронзительный голос, — надо дать ему шанс! Снимайте ботинки!

С Фроста стянули ботинки, он попытался что-то крикнуть, но смог лишь нечленораздельно прохрипеть.

— Штаны! Боже мой, ведь штаны утонут! — не унимался бас.

— Ребята, — вступил кто-то еще, — если он утонет, то нам его не вытащить!

Фрост сопротивлялся, но их было слишком много. Что он мог сделать? С него содрали и брюки, и пиджак, и рубашку, и все остальное.

Четверо схватили его за руки и за ноги, а в стороне кто-то принялся считать:

— Раз! Два!

Его раскачали и на счет «три» отпустили, и он,

совершенно голый, взлетел над рекой и увидел, как навстречу ему падает вода.

Он рухнул плашмя, и вода обожгла его. Теряя сознание, он погрузился в холодную зеленую глубину, но собрался, вынырнул на поверхность и быстро заколотил руками и ногами — скорее инстинктивно, чем желая удержаться на плаву. Что-то толкнуло его, он попытался отпихнуть это от себя и оцарапал руку чем-то шершавым. Бревно. Он вцепился в него и поплыл, глядя назад и медленно приходя в себя.

Бродяги на берегу исполняли разудалый воинственный танец, орали что-то ему вслед, а один размахивал его брюками, словно скальпом.

29

Опять ночью крест повалился.

Огден Рассел сел и потер глаза, чтобы окончательно проснуться. Он смотрел на поваленный крест и думал, что это уже невыносимо. Пора, наверное, смириться. Он делал все, что мог, — подбирал на берегу куски дерева и подпирал его; нашел несколько валунов, потратив уйму сил и времени, и притащил их на отмель, чтобы привалить к основанию креста. Тщетно. Он копал яму за ямой, одна глубже другой, и старательно утрамбовывал песок…

Ничего не помогало.

Каждую ночь крест валился.

Или это знак? — подумал он. Ему дают понять, что пора оставить попытки, дорога к вере для него закрыта? Но, может быть, это только проверка — заслуживает ли он благодати?

Чем он плох? Где ошибается? Что делает не так?

Долгие часы он проводил на коленях, солнце превратило его кожу в шелушащийся лишай.

Он молился и стонал, и взывал к Богу, он охрип,

а ноги его уже плохо сгибались. Изо дня в день он изгонял из себя все желания и потребности, и изгнал; все это должно было бы смягчить и каменное сердце.

Питался он лишь моллюсками и случайно пойманной рыбой, ягодами и водорослями, тело его ссохлось до костей и постоянно болело.

Но ничего не происходило.

Ни единого ободряющего признака.

Бог продолжал отвергать его.

Но и это еще не все беды. У него кончалось топливо. Он сжег два последних сосновых пня, которые обнаружил возле ивовых зарослей, на песчаном пляже. Он выкорчевал все корни, до которых мог добраться, и теперь все его запасы — обломок подобранной на берегу доски и сухой ивняк, толку от которого никакого — ветви моментально прогорали, почти не давая тепла.

Вдобавок — все лето тут сновал какой-то тип на каноэ, да еще постоянно пытался заговорить с ним, не понимая, что ни один посвятивший себя Богу отшельник никогда не нарушит обет молчания. Он скрылся от людей и отвернулся от жизни. Пришел сюда, чтобы стать свободным от них, а мир все не дает ему покоя — вторгаясь и сюда, приняв облик человека, гоняющего на ка-

ноэ вверх-вниз по реке и, похоже, шпионящего за ним, хотя кому это надо — шпионить за бедным и оборванным отшельником.

Рассел медленно поднялся на ноги и попытался отряхнуть песок со спины.

Взглянул на крест, понимая, что опять надо изобретать что-то новое. Лучшее, что он может сделать, это — сплавать на другой берег и раздобыть там какую-нибудь жердь, чтобы подпереть крест. Если удастся, то верхняя часть креста перестанет перевешивать и вся конструкция станет устойчивой.

Он прошел по песку к берегу, встал на колени, набрал в пригоршни воды и принялся умываться. Потом, оставаясь на коленях, оглядел еще покрытую туманом реку, неторопливо текущую на фоне леса, вплотную подступающего к противоположному берегу.

Я вел себя правильно, думал Рассел. Следовал всем древним правилам отшельников. Пришел на голое место, в глушь, и обрел одиночество. Своими руками сделал крест и установил его. Соблюдал пост и молился, смиряя и плоть, и дух.

Только одно. Только одно могло быть причиной несчастий. Все эти недели он помнил об этом, хоть и старался забыть, стереть из памяти.

Но забыть не удавалось. Сегодня, в тишине только что народившегося дня, он понял это окончательно.

Передатчик в груди!

Может ли он обрести духовную вечность, когда продолжает цепляться за вечность физическую? Что же, он играет с Богом в карты, припрятав в рукаве козырного туза?

Должен ли он стать снова смертным, прежде чем сможет надеяться на то, что его молитва будет услышана?

В изнеможении Рассел уткнулся лицом в песок.

Сырой песок терся о щеку, забивался в рот.

— Боже, — прошептал он в ужасе, — только не это…

30

Донимали мухи и москиты, а плотная, выбитая земля колеи, по которой шел Фрост, раскалилась так, что обжигала подошвы.

После того, как ему удалось подгрести к берегу и выбраться на твердую землю, Фрост чуть ли не милю пробирался сквозь прибрежную поросль, пока не оказался на дороге. Несколько раз он падал в крапиву и, несмотря из все старания выбрать путь попроще, был вынужден продираться сквозь заросли ядовитого плюща. Крапивная сыпь уже горела огнем, и россыпь волдырей от плюща не замедлит появиться через день-другой. Ничего не скажешь, дело дрянь.

Какое-то время он боялся, что Бродяги, продолжая развлечение, погонятся за ним, но им, верно, было не до Фроста. Они уже повеселились, да, к тому же, разжились его скарбом. Нет, они, конечно, не были злодеями, были бы, так не брел бы он теперь по этой колее, окутанный облаком москитов, непрерывно почесывая крапивные ожоги.

Он подошел к старому каменному мостику — камень уже крошился и рассыпался. Внизу

неторопливо тек ручей, глубиной всего в несколько дюймов, с черным илистым дном.

Фрост перешел через мост, усиленно размахивая руками, чтобы хоть как-то осложнить пиршество кровососам. Безнадежно. Он хлопнул себя по шее и посмотрел на руку — та была испачкана кровью: насекомые были настолько голодны, что не обращали никакого внимания на его удары.

День клонился к вечеру, и Фрост понял, что дальше будет только хуже. Спустятся сумерки, мухи исчезнут, но москиты поднимутся тучами из болот. Эти, что пировали на нем теперь, были только небольшим передовым отрядом, основные силы явятся с наступлением вечера. Что останется от него к утру? Глаз нельзя будет раскрыть из-за отеков.

Фрост несколько рассеянно задумался — а в состоянии ли москиты совсем заесть человека?

Если бы он мог развести костер, то его бы спас дым. На речной отмели свежий ветер развеял бы эти полчища. Или если взобраться на какую-нибудь гору, то там, на ветру, он тоже избавился бы от паразитов.

Но костра развести Фрост не мог. А мысль о том, что надо карабкаться на вершину или тащиться

назад к реке через заросли, заставила его содрогнуться. Опять топь, ядовитый хмель, не дай бог, еще и гремучие змеи, да если он даже и доберется до берега, то отмели может и не достичь — та могла оказаться довольно далеко, а пловцом он был никудышным.

Но что-то делать надо. Было уже поздно и времени на философствования не оставалось.

Он стоял на дороге и глядел на утыканные деревьями обрывы, на подлесок, что карабкался наверх между камнями.

Есть другой выход, сообразил он. Повернулся и пошел к мосту. Спустился к воде. Зачерпнул пригоршню ила. Ил был черный, густой и жутко вонял. Фрост размазал его по груди, по рукам, полными пригоршнями покидал на спину. Затем, уже аккуратнее, нанес на лицо. Ил пристал, и жить стало легче: пронзительный писк москитов по-прежнему звенел в ушах, они кишели у него перед глазами, но на тело уже не садились. То ли потому, что грязь была прохладной, то ли она действительно обладала антисептическими свойствами, но зуд заметно уменьшился.

Здесь, подумал Фрост, в этом захолустье, я оказался в положении куда худшем, чем если бы оставался на улицах родного города. Голый

дикарь на берегу грязного ручья.

У него не было ничего, абсолютно ничего. Здесь, почти в конце своей дороги, он оказался побежден окончательно. Раньше у него оставалась хоть смутная и неопределенная надежда, теперь же не стало и ее. Что делать? Снаряжения никакого и никакой возможности его раздобыть?

Может быть, утром вернуться на дорогу и присоединиться к Бродягам — если те еще не покинули окрестности и если они позволят присоединиться? Но такую жизнь он себе не представлял, хотя они, по крайней мере, дадут ему штаны, а то и башмаки. Найдется какая-нибудь еда, какое-нибудь занятие.

Скорее всего, так и выйдет, хотя они его и прогнали, когда увидели, что он — изгнанник. Да, никто, даже Бродяги, не могли иметь с ним дела, но оставалась надежда, что они его не прогонят. Разрешат присоединиться, пусть даже в качестве козла отпущения, в качестве шута, кого угодно.

Фрост вздрогнул, когда подумал о том, насколько же у него пропала вера в себя, что стало с его чувством собственного достоинства. Ведь он всерьез рассматривает этот вариант.

Или, может быть, настала пора выбрать последний, отчаянный путь, отыскать ближайшую

станцию и обратиться туда… за смертью. А после, лет через пятьдесят, через сто или тысячу проснуться и обнаружить себя в положении, ничем не лучшем, чем теперь. Да, с него сведут татуировки, но и все. Впрочем, одежду тоже дадут, и он встанет в очередь за бесплатным супом. Ни чувства собственного достоинства, ни надежд, ничего! Но бессмертие, у него будет бессмертие!

Он поднялся и пошел вверх по ручью, где раньше заметил несколько кустов ежевики. Собрал пару горстей, съел и вернулся на прежнее место. Сел на корточки. Автоматически продолжил черпать грязь из ручья, нанося ее на тело там, где она лежала неровно или тонким слоем.

Сейчас ему было нечего делать. Сумерки уже сгущались, и москиты роились тучами. Придется провести ночь здесь, а утром — позавтракать ежевикой, привести в порядок свой грязевой покров и, наконец, решиться хоть на что-то.

Опустились сумерки и затеплились светлячки, они усеяли откосы и густые речные заросли мерцающими холодными огоньками.

Затянул свою песню козодой, из чащи ему ответил еще один. Где-то возле реки зафыркал енот. Восток засиял золотом, и на небеса выкатилась почти полная луна. Жалобный вой москитов за-

полнил все закутки ночи. Они старались залезть Фросту в уши, в глаза… Временами он дремал, вздрагивал, просыпался и, не понимая, где находится, пугался. Маленькие ночные зверьки вылезли из нор и шелестели в траве. На дорогу выскочил заяц и, склонив вперед длинные уши, долго и серьезно разглядывал странную фигуру, съежившуюся возле ручья. Вдали кто-то истерично затявкал, с крутого обрыва завопил дикий кот, и от этого звука Фрост похолодел.

Он дремал и просыпался. Когда просыпался — чтобы уйти от реальности, мыслями возвращался к прежним дням. К тому человеку, который оставлял ему еду, к ночному визиту Чэпмэна в подвал, к морщинистому старику, расспрашивавшему, верит ли он в Бога. К ужину с Энн Харрисон при свечах.

И почему, думал он, тот человек его кормил? Его, которого он никогда не знал и с которым так и не заговорил? Есть ли хоть какой-то смысл в такой жалкой жизни! В этой жизни есть цель — бессмертие, но как может цель породить столь бессмысленное существование?!

Он словно бы начинал понимать, что именно и как надо сделать, неясно и отдаленно ощущал какую-то ответственность, неведомую прежде.

Пришла она к нему не сразу, постепенно, будто это был урок, который он осваивал с великим трудом.

Он не должен возвращаться к Бродягам. Он не должен идти за смертью. У него есть, куда идти. Он отправился в путь, чтобы добраться до заброшенной фермы — хотя и не знал, зачем. Ему показалось теперь, что не он один вовлечен в это, казалось бы, нелепое путешествие, но и Энн, и Чэпмэн, и тот человек, что задавал ему вопросы о Боге, и тот, что погиб в переулке, — все. Почему?

Он попытался разобраться, но внезапно понял, что это глупо. Надо просто следовать избранному пути и не задавать лишних вопросов.

Наступило утро, и он поднялся вверх по ручью, чтобы позавтракать ежевикой. Затем тщательно обновил свою одежду из грязи и отправился дальше.

Пройдя около пятнадцати миль, он увидел знакомый овраг, скоро — ферма. Фрост попытался припомнить приметы, но вспомнил единственную: неподалеку от дороги должен быть родник — холодная, как лед, струя воды стекала со склона и через дренажную трубу шла под дорогой, впадая в маленький пруд. Там надо свернуть и подняться в гору.

Крапивные волдыри прошли. Москиты и мухи ничего не могли поделать с коркой грязи, присохшей к телу, и не слишком докучали.

Фрост устало ковылял вперед, медленно тянулся день. В животе урчало, Фрост стал было высматривать по обочинам грибы, — когда-то с дедушкой они частенько бродили по лесу, — и грибы были, и вроде такие же, как они собирали когда-то, но кто знает… Голод и сомнения затеяли борьбу, и сомнения победили — он побрел дальше.

Воздух становился все жарче, со стороны реки доносилось карканье ворон. Фрост шел в колеблющемся мареве — сюда не долетало ни малейшего ветерка, было душно. Грязь высохла и пластами отваливалась, сбегала с ручейками пота. Но москитов стало меньше, они скрылись в придорожной тени.

Полдень. Солнце стояло в зените, чуть склоняясь к востоку. На западе громоздились тучи, но воздух по-прежнему был недвижим. Все замерло, стояла ватная тишина.

Дело к буре, вспомнил Фрост бабушкины приметы.

Уже более часа он пытался увидеть хоть что-то знакомое, взбирался на вершины холмов, пыта-

ясь что-то разглядеть впереди, но тщетно. Дорога знай себе вилась вперед сквозь бесконечную стену зелени, и каждая следующая миля ничем не отличалась от предыдущей.

День тянулся неторопливо, а тучи на западе поднимались все выше и выше. Наконец, они закрыли солнце, и сразу похолодало.

Фрост продолжал брести вперед. Шаг, еще шаг — до бесконечности.

Внезапно он услышал шум воды, остановился и посмотрел вокруг. Да, вот он, ручей, и именно такие очертания были у скалы слева. И те же самые кедры растут на уступе, чуть ниже вершины.

Это место словно бы встало во всех подробностях перед ним из прошлого — оно оказалось настолько знакомым, что Фрост опешил. Но, хотя все здесь и было до боли знакомо, что-то показалось ему странным.

Вот что: с дерева, стоявшего поодаль, свешивалась какая-то тряпка. От дороги к роднику вела тропка, и резко пахло чем-то непонятным.

Фрост напрягся, ощущение опасности сдавило голову.

Солнце уже полностью спряталось за тучами, вокруг потемнело, и вновь объявились москиты.

На дереве висит рюкзак, понял Фрост. А запах…

так пахнет остывший пепел. Кто-то разводил здесь костер и ушел, забыв рюкзак на дереве. Только непонятно — ушел совсем или еще вернется? Но там, где висит рюкзак, может найтись и еда.

Фрост сошел с дороги и осторожно побрел вперед. Выбрался из окаймлявших тропу зарослей и увидел небольшую утоптанную площадку.

Там кто-то был. Человек лежал на боку, подтянув одну ногу к животу. Даже издали Фрост разглядел, что другая нога чуть ли не вдвое толще, распухла так, что ткань брюк лоснилась. Из-под закатанной штанины выглядывала оголенная плоть — багрово-черное мясо.

Умер, подумал было Фрост. Но как давно? Где спасатели?

Фрост сделал шаг вперед, наступил на какую-то ветку, та хрустнула.

Человек слабо пошевелился, силясь повернуться на спину. Он попытался взглянуть туда, откуда донесся звук, его лицо выглядело как раздувшаяся маска. Глаза заплыли. Губы шевельнулись, но не издали ни звука; из них сочилась, стекая на бороду, кровь.

Погасший костер был холмиком серого пепла, рядом лежал котелок.

Фрост шагнул к костру, схватил котелок, сбегал к роднику и вернулся с водой.

Он встал на колени, бережно приподнял человека и поднес котелок к его рту. Человек стал пить, пуская слюни и давясь водой.

Фрост поставил котелок на землю и опустил человека.

Долгий раскат грома заполнил долину, грохот эхом отдался в утесах. Фрост взглянул вверх. Тучи сгущались. Гроза, собиравшаяся весь день, вот-вот разразится.

Фрост поднялся, подошел к дереву и отцепил рюкзак. Вытряхнул содержимое на землю: пара брюк, рубашка, носки, несколько банок консервов, еще какой-то хлам. А к дереву была прислонена удочка.

Он вернулся к лежащему, тот ухватился за него, точно слепой. Фрост поднял его и снова дал напиться.

— Змея, — еле слышно прошептал человек.

Вновь загрохотал гром, становилось все темнее.

Змея… Наверное, гремучая. Когда земля приходит в запустение, всегда откуда-то появляются гремучие змеи.

— Я должен потревожить вас, — сказал Фрост. —

Я должен отнести вас, это может быть больно, но…

Тот не отвечал.

Фрост взглянул ему в лицо.

Он казался спящим. Скорее всего он был в коме — и неизвестно, сколько времени он пролежал здесь.

Ничего другого не остается, понял Фрост. Надо отнести его в дом на вершине утеса, под кров, удобно уложить, накормить чем-нибудь. Гроза разразится в любую минуту, здесь оставлять его нельзя.

Но надо одеться: башмаки, брюки, рубашку — все, что вывалилось из рюкзака. И спички — Фрост надеялся, что там сыщутся спички или зажигалка. Он должен захватить с собой котелок, привязать его, что ли, к ремню? Надо будет в чем-то разогревать консервы.

Две мили, прикинул он. Самое малое — две мили, и всю дорогу — в гору по камням.

Но делать нечего, на карту поставлена человеческая жизнь.

Незнакомец заметался.

— Хотите еще воды? — спросил Фрост.

Тот, казалось, не слышал.

— Нефрит, — бормотал он, — горы нефрита…

31

Фрэнклин Чэпмэн сидел на лавочке возле библиотеки, как сидел после встречи с Фростом каждую среду и пятницу, когда внезапный приступ боли скрутил его тело. Уличные огни и горящие окна в доме напротив на мгновение померкли, а потом улица словно сдвинулась с места и завертелась перед глазами. Горячая вспышка прошила грудь точно иглой.

Он сжался, прижал руки к животу и, уронив голову, замер. Постепенно и медленно боль стала покидать тело, только вот рука оставалась бесчувственной.

Чэпмэн осторожно выпрямился, ему стало страшно, он понял причину боли. Надо идти домой, а лучше — остановить такси и поехать в больницу.

Нет, рано, сказал он себе. Осталось немного. Они договорились, что он будет ждать с девяти до десяти. Вдруг он понадобится Фросту именно сегодня?

Хотя о нем ни слуху ни духу с той ночи, когда за рестораном убили повара. Пропала и Энн Харри-

сон — даже не сказав ему, что уезжает.

Что с ними могло стрястись?

Он вздохнул и положил ноющую руку на колено.

Боль пронзила его снова, и он опять согнулся.

Постепенно ему удалось перевести дыхание, боль вновь покидала его, оставляя после себя слабость и дрожь.

Я не должен умирать, сказал он себе. Умирать мне никак не годится.

Он с трудом поднялся и стоял, сгорбившись возле скамейки. На улице появился огонек такси. Чэпмэн пробежал, спотыкаясь, по пешеходной дорожке и махнул рукой подъезжавшей машине.

Такси остановилось, и водитель перегнулся назад, чтобы открыть ему дверь. Чэпмэн с трудом втиснулся внутрь и тяжело опустился на сиденье. В горле свистело, он тяжело дышал.

— Куда, мистер?

— Отвезите меня… — начал Чэпмэн и осекся. — Нет, не в госпиталь. Не сразу. Сначала — в другое место.

Таксист так и сидел полуобернувшись к нему, пристально глядя на пассажира.

— С вами все в порядке, мистер?

— Да, конечно.

— Вы выглядите неважно.

— Нет, ничего, — пробормотал Чэпмэн. Думать было тяжело, очень тяжело собирать мысли, они такие мутные и медленные.

— Мне надо на почту, — наконец сумел выдавить он.

— Здесь рядом, — сказал таксист. — Но там закрыто.

— Нет, — поморщился Чэпмэн, — не туда, я скажу куда ехать.

Он назвал адрес.

Водитель взглянул на него с подозрением.

— Мистер, мне кажется, что вам плохо.

— Нет, все в порядке, — отрезал Чэпмэн.

Он откинулся на спинку и глядел, как улица скользит мимо него. Витрины лавочек и магазинов были темны. Свет горел лишь в окнах жилых домов. Впереди — церковь, с крестом, блестевшим в лунном свете. Однажды, вспомнил Чэпмэн, я заходил туда, но зачем?

Город с наступлением ночи затих. Чэпмэн смотрел, как он проплывает мимо, и было так спокойно. Земля и жизнь, подумал он, как они хороши!

Пятна света, которые бросали на тротуар фонари, мягко ступающий кот, громадные рекламы

над магазинами — все это он видел и раньше, только по-настоящему — никогда. И сейчас, откинувшись на сиденье такси, он увидел их впервые, понял, до чего сжился с городом. Это было словно прощание, и Чэпмэн вглядывался в сумерки, словно желая запомнить все до мелочей на долгие годы предстоящей разлуки.

Но он никуда не уезжает. Ему надо на почту, а потом — в больницу. Из больницы он позвонит домой, иначе Элис станет беспокоиться, хотя у нее хватает и других поводов для этого. Зато никаких проблем с деньгами, с гордостью вспомнил он, и стал думать о книге, о том, что жена теперь надежно обеспечена.

Тревожила рука. Чувствовал он себя не так уж и плохо, только вот рука… Да, он немного слаб и дрожит, но по-настоящему его беспокоит только рука.

Такси подъехало к тротуару.

— Приехали, — сказал водитель. — Вас подождать?

— Да, — согласился Чэпмэн. — Я сейчас же вернусь.

Он поднялся по ступенькам — нетвердо, с остановками, оказалось, такой подъем требует нешуточных усилий. Чэпмэн приволакивал ногу

и часто дышал, но наконец добрался до двери, вошел в вестибюль и отыскал ящик, который абонировал несколько недель назад. Конверт — он увидел — был еще там, всего один конверт.

Он медленно повернул ручку, но замок не сработал; снова… на сей раз — успешно. Протянул руку и достал конверт.

Повернулся, и опять боль обрушилась на него — жестокая, кошмарная. Оглушительная тьма сомкнулась над ним, он рухнул на пол, даже не ощутив удара.

Вспыхнули яркие огни, словно предвещая рассвет новой жизни, и медленно и плавно Чэпмэн погрузился в состояние, называемое смертью.

32

Гроза разразилась через несколько минут после того, как Фрост тронулся в путь. С человеком на плечах, он с трудом пробирался вперед, а в небе сверкали молнии, грохотал гром, сплошной стеной падала вода, и земля под ногами, казалось, ползет вниз вместе со стремящимся по ней потоком. Деревья метались, как великаны в горячке, и наверху, в отвесных скалах, в паузах между раскатами грома завывал ветер.

Мужчина был большой и тяжелый, Фросту приходилось часто останавливаться и отдыхать. Шаг за шагом он карабкался по опасной крутизне обрыва, а размокшая земля расползалась под ногами.

Он слышал кошмарный грохот низвергающихся потоков воды, как в воронку, летящих в ущелье между склонами. Наверное, площадка, на которой он обнаружил мужчину, была уже на фут покрыта водой.

С началом грозы вовсе потемнело, и Фрост видел лишь на несколько ярдов перед собой. О расстоянии, которое еще предстояло пройти,

думать он не смел. Думать было можно только о следующем шаге, каждый раз — о следующем шаге. Время исчезло, мир сузился до двух ярдов, и Фрост двигался вперед, окруженный сырой вечностью.

Вдруг, совершенно неожиданно, лес кончился. Только что он шел среди деревьев, сделал шаг — перед ним луг, с травой по колесо, склонившейся под сильным ветром. Белесые стебли призрачно светились в сумерках, а над ними — сплошные струи неунимающегося дождя.

На холме над лугом стоял дом, окруженный исхлестанными дождём деревьями, а перед домом — какой-то непонятный горб, кажется, сарай.

Фрост ступил на луг, здесь земля была уже не такой вязкой, а близость дома придавала силы.

Он пересек луг и впервые за все время почувствовал, что несет человека, именно человека. Когда он карабкался в гору, это была только ноша, просто тяжелый груз. А теперь безжизненное нечто снова стало человеком.

Он дошел до деревьев, молнии продолжали дергаться в небе, ветер без устали хлестал по лицу.

Дом выглядел как прежде. Все вспомнилось, даже здесь, стоя под дождем, он мог представить себе две кресла-качалки, выставленные на

крыльцо, и двух стариков, сидящих в сумерках и глядящих в сторону речной долины.

Он встал на ступеньку, та заскрипела, но выдержала.

Дверь. Раньше это не приходило ему в голову, а теперь Фрост задумался — не заперта ли? Господи, какая разница, все равно он войдет, даже если придется разбить окно. Этот человек должен оказаться под крышей. Но едва он потянулся к ручке, дверь открылась и чей-то голос произнес: «Кладите его сюда».

Возле стены Фрост увидел что-то похожее на койку. Наклонившись, он положил больного и выпрямился. Руки одеревенели, ныла каждая мышца. Комната на мгновение поплыла перед глазами, но вскоре все пришло в порядок.

Человек, открывший дверь, стоял к нему спиной возле стола в другом конце комнаты. Затеплился язычок пламени, свеча разгорелась — Фрост впервые видел свечу после того вечера с Энн.

Человек обернулся, это была женщина лет шестидесяти. Простоватое, но волевое лицо, волосы собраны в пучок; поношенный свитер с дырой на локте…

— Что с ним? — спросила она.

— Змея. Я нашел его в лесу, одного.

Она взяла свечу и, подойдя к Фросту, передала ему.

— Подержите, я взгляну.

Она склонилась над лежащим.

— Нога, — пояснил Фрост.

— Вижу.

Женщина протянула руки и взялась за обтрепанные края штанины. Дернула в стороны, и ткань с треском разошлась. Рванула еще раз.

— Держите свет ниже.

— Да, мэм, — кивнул Фрост.

Нога была покрыта черными и красными пятнами. Вздувшаяся кожа глянцево блестела, из нескольких открытых ран сочился гной.

— Он давно в таком состоянии?

— Не знаю. Я нашел его днем.

— Вы его тащили в гору? В такую грозу?

— А что оставалось? Не бросать же его там.

— Чем тут поможешь… — вздохнула она. — Только помыть. Покормить. Устроить поудобнее.

— Лекарств, конечно, нет?

— В десяти милях отсюда спасательная станция. А у меня — машина. Когда гроза прекратится, отвезем его туда. Сейчас нельзя — дорога плохая, можем застрять. А оттуда они отправят его на

вертолете в Чикаго.

Она повернулась и пошла на кухню.

— Я разведу огонь, — сказала она. — Вскипячу воду. Вы его отмойте пока немного. Постараемся что-нибудь в него влить.

— Он говорил о каком-то нефрите, — пробормотал Фрост. — Будто мертвеца тащил… Шел и думал, что он замерз, но нет, жив.

— Да, плохо умирать в такую погоду, — согласилась она. — И в таком месте. Спасатели бы не сумели добраться вовремя.

— Это точно.

— Вы шли именно сюда? Вы знали, куда шли?

— Когда-то, очень давно, я жил здесь. Я не знал, что дом занят.

— Простите, я осмелилась… Мне показалось, что никто не будет против.

— Да нет, что вы…

— Похоже, вам самому надо поесть, — поняла она, взглянув на Фроста. — Да и отдых не помешает.

— Простите, мэм, — Фрост отступил на шаг. — Должен вас предупредить. Я — изгнанник. Мне с вами говорить не положено, и никто…

Она отмахнулась от его слов.

— Я знаю, что это значит. Не надо объяснять.

— Я не объясняю. Я только хочу, чтобы все было ясно. Здесь плохой свет, и вы могли не заметить отметин. Борода закрывает самые заметные. Я побуду здесь, помогу вам с этим человеком и уйду. Не хочу навлечь на вас неприятности.

— Молодой человек, — поморщилась она. — Какое мне дело, что вы изгнаны. Да вряд ли в этой глуши вообще кому-то есть до этого дело.

— Но я не хочу…

— Послушайте, раз уж вы изгнаны, то что вас заставило возиться с ним?

— Я не мог его оставить. Я не мог дать ему умереть там…

— Могли, — усмехнулась она. — Вы изгнаны, и это — не ваша забота.

— Но, мэм…

— Где-то я вас раньше видела, — медленно произнесла она. — Только без бороды. Я подумала об этом сразу, когда увидена вас на свету, но…

— Вряд ли, мэм… Впрочем, меня зовут Дэниэл Фрост, и…

— Дэниэл Фрост из Нетленного Центра?

— Да, но…

— Радио. У меня тут приемник, и я слушаю новости. Они сказали, что вы исчезли. Сказали, что разразился какой-то скандал. Но то, что вас изгна-

ли, об этом — ни слова. Да, теперь я вспомнила, где видела вас — на новогоднем балу, год назад.

— То есть?

— Ну да. В Центре, в Нью-Йорке. Вы могли меня не запомнить, нас не представили. Я работаю в отделе исследований Времени.

— О Боже! — вскричал Фрост. Он наконец догадался, кто эта женщина. Это о ней Б.Д. говорил, что она пропала и ее необходимо найти.

— Я рада, что встретилась с вами, Дэниэл Фрост. Меня зовут Мона Кэмпбел.

33

Энн Харрисон поняла, что опять выбрала дорогу, ведущую в тупик, но поделать ничего не могла, оставалось ехать вперед, пока не удастся развернуться. Тогда — назад до развилки и снова пытать счастье.

Когда-то давно все дороги были пронумерованы и снабжены указателями, а на любой станции обслуживания имелись карты. Теперь же многие указатели исчезли, а станции обслуживания пропали вовсе. К чему они при таких машинах?

Ничего не оставалось, как тыкаться наобум, чтобы попасть, наконец, на дорогу, ведущую более-менее в нужном направлении. Ошибаться, петлять, возвращаться, теряя уйму времени и никогда не зная, где находишься.

Иногда попадались люди, которых можно было расспросить, редко — небольшие городки, которые можно было опознать, во всех остальных случаях оставалось ехать наугад.

День был теплый, и буйная поросль сжимала дорогу с обеих сторон, превращая ее в туннель, где даже с открытыми окнами нечем дышать.

Дорога сделалась еще уже и теперь смахивала на траншею. Справа круто возвышалась гора, густо поросшая деревьями и подлеском, серые валуны, покрытые лишаями мха, высовывались из травы. Слева же почва резко уходила под уклон и, точно так же, была усеяна валунами и утыкана деревьями.

Энн решила так: если через пять минут она не найдет места, чтобы развернуться, то вернется к развилке задним ходом. Это, конечно, медленно и рискованно — слишком узка колея, поэтому ей хотелось надеяться, что все обойдется.

Но деревья все ниже склонялись к дороге и скребли ветвями по машине.

Гнездо она увидена слишком поздно и сразу не сообразила, что это такое. Какой-то серый мяч, похожий на комок выгоревшей на солнце оберточной бумаги, свешивался с ветвей прямо перед лобовым стеклом. Он скользнул по стеклу, обогнул его, ветка спружинила, и комок влетел внутрь машины, ударился о сиденье и взорвался с жужжащим воем.

Тут только она поняла, что это — осиное гнездо.

Осы облепили лицо, запутались в волосах. Энн закричала и стала размахивать руками, чтобы

их отогнать. Машина накренилась и соскочила с дороги. Врезалась в дерево, отскочила, ударилась о валун, опять дернулась вперед и нелепо замерла почти в вертикальном положении, застряв между двумя деревьями.

Энн нашарила ручку, открыла дверь и скатилась с сиденья на землю. Вскочила и куда-то побежала, хлопая себя руками. Спотыкалась и падала, каталась по земле, пока не пришла в себя, ударившись о ствол дерева.

Одна оса все еще ползла по лбу, другая зудела в волосах. Очень сильно болели два укуса — на шее и на щеке.

Оса со лба улетела. Энн села и потрясла головой, жужжание прекратилось.

Она встала и, оглядев себя, обнаружила массу синяков, ссадин и укусов. Тупо ныла лодыжка. С опаской села на поваленное дерево, под ее весом полусгнивший ствол скрипнул и на землю посыпалась труха.

Кругом была глушь — сырая, зеленая. Тишина, все замерло, никому не было до нее дела.

Она почувствовала, что вот-вот закричит. Не время теперь распускаться, приструнила она себя. Надо быстро собраться с мыслями, прийти в себя, подняться в гору и выяснить, в каком состо-

янии машина. Хотя, даже если она и не разбита вдребезги, вытащить на дорогу ее все равно не удастся.

Было, конечно, глупо отправляться в путешествие. Но ее вынудили к этому две вещи — необходимость спрятаться от Нетленного Центра и слабая надежда, что она догадалась, где находится Фрост.

А что Фрост? — подумала Энн. Видела его лишь раз, приготовила ему обед и сидела с ним за столом, украшенным красными розами и свечами. С ним было легко. Он обещал помочь, хотя и знал, что вряд ли сможет, но помочь хотел — даже несмотря на то, что сам глядел в лицо опасности. И он сказал тогда, что в детстве часто проводил лето на ферме под Бриджпортом в Висконсине.

Человек, который стал парией, изгнанником.

Она прямо-таки чемпион среди неудачников, главный адвокат по части проигранных процессов. И что в результате? А то, что она тут — в незнакомой глуши, на заброшенной дороге в сотне миль от ближайшего жилья. Да еще — искусанная осами, вся в синяках и с разбитой ногой. Круглая дура.

Энн заставала себя встать и минуту прислушивалась к боли в лодыжке. Немного ноет, но

жить можно.

Она медленно побрела в гору. Ноги погружались в черную почву, устланную ковром из мертвых листьев, скопившихся здесь за многие листопады. Обходила валуны, хватаясь за молодые деревца и ветви, чтобы не соскользнуть вниз. Иногда мимо жужжа пролетала оса, но рой, похоже, успел уже где-то пристроиться.

Наконец она добралась до машины. Вопросов не осталось: колесо ударилось о валун и было безнадежно покорежено.

Энн стояла возле машины, соображая что же делать дальше.

Спальный мешок, конечно, легкий, но слишком громоздкий, чтобы с ним разгуливать. Надо взять еду, сколько возможно, топорик, спички, запасную пару обуви.

Не оставаться же здесь. Где-нибудь она отыщет помощь. Может быть, удастся даже починить машину. А починит, что тогда? Она проехала всего-то несколько сотен миль, осталось — намного больше. Продолжать безумную одиссею или возвращаться в Манхэттен?

Новый звук заставил ее вздрогнуть — мягкий звук дерева, трущегося о металл и слабое жужжание, которое мог издавать только электрический

мотор.

Кто-то едет! Ее выследили!

Страх обрушился на нее, и она припала к земле, сжавшись ничком возле разбитой машины, когда другая, пока еще скрытая зеленью, тихо вползла на дорогу.

Выследили!.. Ведь эта дорога никуда не ведет.

Сейчас машина доберется до гнезда и что начнется? Вряд ли осы будут довольны, что их опять потревожили.

Но вот ветви перестали хлестать кузов: мотор работал уже на холостом ходу. Не доехав до гнезда, машина остановилась.

Хлопнула дверь, и зашуршали чьи-то неторопливые шаги. Человек остановился. Повисла жуткая тишина. Опять шелест шагов по листьям, снова тишина.

Человек прокашлялся, будто собираясь заговорить, но передумал, словно не хотел нарушать безмолвие леса.

Какое-то время он топтался на месте.

— Мисс Харрисон, где вы?

От удивления она приподнялась. Этот голос она уже слышала, да, несомненно!

— Мистер Саттон? — сказала она так спокойно, как только могла. — Я здесь. Осторожнее, гнездо.

— Какое гнездо?

— Осиное. На дереве, как раз перед вами.

— А с вами все в порядке?

— Относительно. Немного покусали. Понимаете, я врезалась в гнездо, машина съехала с дороги…

Она заставала себя замолчать. Слова вырывались слишком уж бесконтрольно. Надо взять себя в руки, истерики ей только не хватало…

Саттон сошел с дороги и спускался вниз, направляясь к ней.

Она видела, как он идет — большой, грубоватый человек с морщинистым лицом.

Он остановился и осмотрел машину.

— Отъездилась, — хмыкнул он.

— Колесо разбито.

— Да, заставили вы меня погоняться за вами…

— Но зачем? И как вы меня разыскали?

— Просто повезло, — сказал он недовольно. — Десятка два наших людей ищут вас повсюду. А мне просто повезло. Я поговорил вчера с людьми из деревни.

Он помолчал и добавил:

— Там, в доме, у развилки… Они сказали, что вы поехали сюда. Они удивились: здесь, собственно, никакой дороги и нет.

— Я дом не видела.

— Он чуть в стороне от дороги, наверху холма. Ко мне выбежала собака, только потому я его и заметил.

Энн встала.

— Что дальше? Зачем вы ехали за мной?

— Вы нам нужны. Есть вещь, которую можете сделать только вы. Дело в том, что умер Фрэнклин Чэпмэн.

— Что?!

— Инфаркт.

— Конверт, — закричала она. — Чэпмэн был единственный, кто знал…

— С этим все в порядке. Конверт у нас. Мы за ним наблюдали. Таксист отвез его на почту…

— Да, письмо было там, — кивнула она. — Я попросила его абонировать ящик под вымышленным именем, дала ему конверт, он отправил его сам себе и оставил лежать в ящике. Так, чтобы я не знала, где именно хранится письмо.

— Таксист был из наших, — пояснил Саттон. — Мы внимательно следили за Чэпмэном. Он казался больным, когда садился в машину.

— Бедный Фрэнклин, — вздохнула она.

— Он умер мгновенно. Никогда не знаешь…

— Но у него нет второй жизни…

— Знаете, его вторая жизнь куда лучше, чем та, которую сочинил Нетленный Центр…

34

Фрост сидел на крыльце и глядел на долину. Начинающиеся сумерки окутывали реку, низинную темную землю; над изломанной кромкой леса косо летела стая ворон, отправляясь куда-то на ночлег. На другой стороне реки тонкой светлой лентой между покатых холмов извивалась старая дорога.

Ниже по склону стоял сарай, стропила подгнили, крыша проваливалась. Рядом с сараем громоздилось какое-то сельскохозяйственное оборудование. На дальнем краю коричневато-желтого поля мелькнула тень то ли собаки, то ли койота.

Когда-то, вспоминал Фрост, лужайка перед домом была подстрижена, и повсюду красовались ухоженные цветочные клумбы. Изгородь регулярно красили и чинили, а теперь вся краска облезла, да и половина реек сгнила. Ворота главного въезда покосились, створка висела на одной петле.

Машина Моны Кэмпбел стояла, утопая в высокой траве, полностью скрывшей колеса,

вытянувшейся почти до окон.

Машина тут неуместна, подумал Фрост. Человек бросил эту землю, и земле надо дать время прийти в себя после долгого рабства у человека.

Позади него мягко скрипнула дверь, Мона Кэмпбел вышла на крыльцо и села рядом.

— Приятный вид, — сказала она. — Вы не находите?

Фрост кивнул.

— Думаю, вам есть что вспомнить о днях, проведенных здесь.

— Да, конечно, — вздохнул Фрост. — Но это было так давно.

— Не так уж и давно, — возразила она. — Всего-то лет двадцать или того меньше.

— Здесь пусто. Одиноко. Все не так, как раньше. Но я не удивлен. Так и думал.

— Но вы пришли сюда. Вы искали здесь защиту.

— Что-то толкало меня сюда, что-то заставило поступить так. Не знаю, что, но — так было.

Они посидели минуту в молчании, он увидел, как ее руки свободно и спокойно лежат на коленях — руки, уже покрытые морщинами, но все еще сильные и ловкие. Когда-то, подумал Фрост, эти руки были красивы, даже и теперь они еще

не потеряли своей красоты.

— Мистер Фрост, — спросила она, глядя мимо него. — Вы ведь не убивали того человека из ресторана?

— Нет. Конечно, нет.

— Так я и думала. Зачем вам убивать — разве только из-за отметин на вашем лице. А вам не приходило в голову, что вы можете восстановиться в правах, если сдадите меня властям?

— Да, — кивнул Фрост. — Приходило…

— И что же?

— Ничего. Когда загнан в угол, то думаешь обо всем подряд, даже о том, что не имеет к тебе никакого отношения. Да и что толку…

— Почему же? — удивилась она. — Могу предположить, что они были бы рады.

В каком-то сумрачном овраге расходился козодой. Они сидели на ступеньках и слушали.

— Завтра, — неожиданно прервал молчание Фрост, — я уйду. У вас и так хватает неприятностей. В конце концов, я отдохнул, отъелся, пора и в дорогу. Вам бы тоже впору трогаться. В убежищах не стоит засиживаться.

— Зачем? — удивилась она. — Опасности никакой. Они не знают, где я, да и откуда им узнать?

— Но вы повезете Хиклина на спасательную

станцию.

— Ночью. Они даже не взглянут на меня. Скажу, что проезжала мимо и нашла его возле дороги.

— Но он может заговорить.

— Ну так и что?! Вспомните, он почти все время бредил. Какие-то горы нефрита…

— Так вы не вернетесь в Центр? Никогда?

— Нет.

— Что же вы станете делать?

— Не знаю, — вздохнула она. — Но обратно я не собираюсь. Возвращаться туда, это какой-то абсурд. Там, понимаете, фантазии, сплошные фантазии. А когда вы столкнулись с реальной жизнью, когда, просыпаясь на рассвете, видите эту землю, туман…

Одна повернула к нему голову и внимательно посмотрела.

— Вы меня не понимаете, не так ли?

Он покачал головой.

— Может быть, мы живем дурно. Думаю, это мы уже осознаем. Но все мы живем ради второй жизни, вот что важно, и в это я верю. Может быть, у нас получается плохо. Следующие поколения научатся жить умнее. Что же, мы живем, как можем.

— И после всего, что стряслось с вами, после

изгнания, после того, как вас ложно обвинили, даже после того, как вас изобразили убийцей, вы еще верите в Нетленный Центр?

— Но это дело рук нескольких людей. Отсюда не следует, что ошибочны принципы, на которых построен Центр. Для меня ничего не изменилось, я готов и сегодня подписаться под ними.

— Я должна заставить вас понять, — медленно произнесла она. — Не знаю, почему для меня это важно, но я должна сделать так, чтобы вы поняли.

Он взглянул на нее: напряженное лицо старой девы, волосы нелепо стянуты на затылке. Тонкие прямые губы, бесцветные глаза, лицо, словно освещенное изнутри, самоотверженность, казавшаяся совершенно неуместной… Лицо школьной учительницы, подумал Фрост. Но за ним прячется ум, надежный, как хронометр за тысячу долларов.

— Может быть, — мягко начал он, — дело в том, что вы о чем-то умалчиваете?

— Вы имеете в виду причину, по которой я сбежала? Почему я забрала с собой все материалы?

— Да, — кивнул Фрост. — Но вы не обязаны рассказывать мне об этом. Раньше мне было интересно, а сейчас уже не важно.

— Я сбежала потому, — решилась она, — что хотела удостовериться…

— В том, что ваше открытие действительно верно?

— Да, примерно. Я воздерживалась от предварительных сообщений, но приближалось время отчета, а что я могла сказать? Даже не так, а — как я могла сказать?! И я решила, что в определенных ситуациях у ученого есть право не говорить ничего до появления окончательных результатов. Словом, я запаниковала — ну, не совсем, чтобы уж по-настоящему. Подумала, что если на время исчезнуть, то…

— То есть, вы собирались вернуться?

Она кивнула.

— Именно. Но теперь возвращаться я не могу. Я обнаружила куда больше, чем хотела.

— Что путешествия во времени означают куда большее, чем мы себе представляли?

— Нет, — отмахнулась она. — Все, как и думали. А точнее — не означают вообще ничего. Они просто невозможны.

— Невозможны?!

— Да. Вы не можете двигаться по времени, сквозь него, вокруг него. Вы им не можете манипулировать вообще. Оно слишком вплетено в то,

что можно назвать универсальной матрицей. Пользоваться им мы не можем. Нам остается колонизировать другие планеты, строить города-спутники в пространстве, превратить Землю в один дом. Конечно, использовать время было бы удобнее всего, потому-то Нетленный Центр так за него и цеплялся.

— Но вы уверены? Откуда вы знаете?

— Математика. Не наша, гамалийская.

— Я слышал, что вы работали с ней.

— Гамалийцы, — начала она неторопливо, — слегка странноваты. Их, понимаете ли, интересовало не столько космическое пространство, сколько то, как все это устроено. Они полезли в самую суть, а для этого создали колоссальную математику. — Она положила руку на плечо Фросту. — Мне кажется, что в конце концов они докопаются до абсолютной истины. Если таковая вообще существует. А я думаю, что должна существовать.

— Но остальные математики…

— Да, они тоже пытались работать с гамалийской. Но оказывались в тупике — потому что рассматривали ее как систему формальных структур. Они видели только символы, формулы и исками физический смысл всего этого. У нас

ведь математика теперь только прикладная…

— Но, значит, нам опять надо ждать! — вскричал Фрост. — Люди в подвалах должны ждать, пока мы не построим жилье, пока не найдем пригодные для жизни планеты! Это же десятки и сотни лет! — Он взглянул на нее чуть ли не в слезах. — Нам это не потянуть.

Кошмарно. Слишком долго они ждали успеха и думали, что до бессмертия рукой подать. Они надеялись, что время предоставит им неограниченные пространства для жизни. И теперь эти надежды рухнули.

— Время, — продолжала Кэмпбел, — одна из составляющих универсальной матрицы. Кроме него — пространство и материя как энергия. Вот и все. И они переплетены друг с другом. Разделить их нельзя — во всяком случае, мы не можем, потому что сами состоим из них.

— Но мы сумели преодолеть ограничение Эйнштейна, — промямлил Фрост. — Мы сделали то, что считалось теоретически невозможным. Может, все же…

— Не знаю, — пожала плечами она. — Но думаю, вряд ли.

— А вас это не расстраивает?!

— Расстраиваться? Зачем? Я не договорила:

жизнь — такая же составляющая матрицы. Или надо сказать так: жизнь-смерть, как я говорила, — материя-энергия, хотя это и не вполне точно.

— Жизнь-смерть?

— Да, в общем это похоже на «материю-энергию». Можете, если хотите, назвать это законом сохранения жизни.

Фрост, пошатываясь, поднялся и сошел с крыльца. Минуту он молчал, глядя перед собой, затем обернулся к Кэмпбел.

— Вы считаете, что все, чем мы занимались, было напрасно?

— Не знаю, — ответила она. — Я пыталась понять это, но к ответу не пришла. Может, и не приду. Я знаю только, что жизнь никуда не исчезает, не гасится и не задувается, как свечка. Смерть — это только превращение. Жизнь остается, но становится другой. Точно так же, как материя становится энергией, а энергия — материей.

— Значит, мы идем все дальше и дальше?

— Кто «мы»?

Да, верно, подумал Фрост. Что такое «мы»?

Кроха сознания, возомнившего себя противостоящим холодной безбрежности безразличного к ней космоса? Крупинка, решившая, что она

что-то значит, когда не значит ничего! Маленькое, дрожащее «я», которое думает, что вселенная вращается вокруг него, хотя та не имеет и понятия о нем?

Нет, совсем не так, решил Фрост. Потому что, если ее слова верны, то каждое такое «я» и есть основа мироздания, его цель и назначение.

— Что вы думаете делать со всем этим? — спросил он вслух.

Она пожала плечами.

— А как по-вашему? Что станется с Нетленным Центром, если я опубликую свои результаты? Что будет с людьми.

— Не знаю.

— Что я им скажу? Не больше, чем сказала вам: жизнь — продолжается, она не может исчезнуть; она столь же вечна, как пространство и время, потому что вместе с ними образует основу мироздания. Только это — жизнь бесконечна, и никаких конкретных надежд и обещаний. Я не могу даже сказать им, что смерть — это, кажется, лучшее, что произойдет с нами.

— Это правда?

— Я бы очень хотела так думать.

— Но кто-нибудь другой, лет через двадцать, через пятьдесят, даже через сто, докопается до

того, что обнаружили вы. Нетленный Центр уверен, что вы что-то нашли. Они знают, что вы работали с гамалийской математикой и усадят толпу людей заниматься тем же. И кто-то из них непременно разберется.

Мона Кэмпбел спокойно сидела на ступеньках.

— Что же, — сказала она, помолчав. — Вот они пускай и говорят. А я не могу представить себя в роли такого героя, который единым махом перечеркивает все, что человечество воздвигало две сотни лет.

— Но вы же замените это новой надеждой! Вы только подтвердите истинность того, во что человечество верило века!

— Поздно. Мы уже кроим собственное бессмертие, свою вечность. Оно у нас в руках. Как теперь заставить людей отказаться от него?!

— Поэтому вы и не возвращаетесь? Не потому, что не хотите сказать людям, что путешествия во времени невозможны, но потому, что тогда они узнают, что жизнь и так вечна безо всяких выдумок?

— Конечно, — вздохнула она. — Не могу же я превратить человечество в сборище дураков.

35

Огден Рассел наткнулся на что-то, похожее на камень, и прекратил копать. Копал он руками и глубокую яму выкопать не мог. Доконает его в конце концов этот крест.

Он распрямился — края ямы доходили до бедер. Он взглянул на лежащий крест — да, яма явно маловата для него, нужно раза в два глубже, хотя бы. Опять надо отступать на несколько футов в сторону и приниматься за дело снова, потому что если он и выкопает валун, то как вытащит его наружу?

Рассел устало прислонился к стенке, ударил камень пяткой, и тут сообразил, что препятствие не слишком-то похоже на валун.

Он удивленно хмыкнул. А что же это, если не камень?

Рассел присел на корточки, скорчился в тесном пространстве и ощупал странный предмет. Какая-то явно плоская поверхность. Он надавил — пружинит.

Озадаченный, он торопливо выгреб несколько горстей песка и обнаружил, что ниже предмета

копать он может совершенно свободно.

Порылся еще, нащупал края предмета, ухватился за них и, изо всех оставшихся сил, насколько позволяло неудобное положение, дернул. Предмет, который он было принял за камень, подался вверх, и Рассел увидел, что это — изъеденный ржавчиной кусок металла.

Под ним открылась полость, из которой выглядывали пожелтевшие свертки.

Рассел взял в руки один. Бумага была старой, истлевшей и рассыпалась от прикосновения. В его руках оказался необычайно изящный предмет, украшенный тончайшей резьбой.

Выпрямившись, он подставил его под луч солнца, и увидел, что держит в руках пластину гравированного нефрита. На синевато-зеленом фоне плыл белый карп, каждая чешуйка его была верхом совершенства. Рука Рассела задрожала.

Перед ним была красота, сокровище и — если остальные свертки содержали в себе такие же вещи — перед ним было богатство, о котором и мечтать-то могли немногие.

Рассел осторожно положил пластину на песок и наклонился, чтобы достать остальные свертки. Так на песке оказались около двух дюжин пластинок.

Он смотрел на них, сияющих в солнечном свете, туман застилал ему глаза, а слезы текли по щекам.

Неделями он молился, неделями страдал, питался моллюсками, которые вызывали в нем отвращение, мерз, стирал в кровь колени, а все это время под его ногами лежало сокровище — таинственный клад, который ждал и дождался своего часа. А если бы он не стал копать новую яму для креста?

Сокровище, думал Рассел. Не то, что он искал, но, несомненно, это было богатство, которое позволит ему войти во вторую жизнь, обладая завидным финансовым положением.

Он выбрался из ямы и присел возле нефрита, осторожно разглядывая, боясь прикоснуться — все еще не веря своим глазам.

Сокровище, повторял он. Он не искал его, но нашел.

Или это новое испытание, вздрогнул Рассел. Такое же, как испытание моллюсками, как крест, как все несчастия, которые он уже претерпел. Вдруг Всевышний с умыслом навел его на драгоценности, чтобы проверить достоин ли он сокровища совсем иного?

А он проявляет слабость, когда следует немед-

ленно схватить найденное и зашвырнуть подальше в реку? И вернуться к трудам, прочно установить крест, который не свалит никакой ветер? А потом, в качестве последнего свидетельства, вырвать из груди передатчик, и зашвырнуть в реку, чтобы оборвать последнюю связь с миром?

Рассел упал на песок и в неистовстве катался по нему, обхватив себя руками.

Неужели этому не будет конца? — вопрошал он себя. Неужели нет предела унижениям, сквозь которые должен пройти человек?

Все книги сходились на том, что Бог — добр и милосерден. Он хочет победить зло в людских душах, хочет приблизить их к себе. Эта дорога всегда открыта, всегда ясна и стоит лишь следовать ею, чтобы облечься в вечное сияние.

Но здесь, на этом острове, милосердием и не пахло. Путь не открывался, он сумел найти лишь нефрит в ржавых останках какого-то ящика — что это значит? Даже если находка и была устроена божественным вмешательством?

Но, спросил он себя, зачем Богу вмешиваться в его жизнь? Почему Бог должен беспокоиться о нем? К чему Господу один никчемный и бестолковый человечишко, когда у Него есть миллиарды

других? Почему же он, Рассел, так ожидает внимания к себе? Не есть ли подобное ожидание просто проявление гордыни, что и само по себе — грех?

Рассел взял в руку одну из пластинок и размахнулся для броска. Рыдания сотрясали его, лицо было мокрым от слез.

И тут он понял, что проиграл. Потому что от него требуют заплатить цену, на которую его плотская природа не согласится никогда.

36

Ночью Мона Кэмпбел уехала, на влажной траве не осталось даже следов от колес. Она не вернется, понял Фрост, исчезло пальто, которое постоянно висело на гвозде за дверью, не осталось и намека на то, что она когда-либо была здесь.

Дом пуст. Не потому, что в нем никого не осталось, а потому что он уже не предназначен для людей, он принадлежит прошлому. Людям такие дома уже не нужны, теперь они живут в гигантских сооружениях из бетона и стали, боятся одиночества и не переносят вида незастроенной земли. Впрочем, такой скоро и не останется вовсе, вся планета превратится в один единый дом, вмещающий в себя десятки миллиардов живых существ, но и этого будет мало. Люди станут жить в городах-спутниках, кружащих в космосе, отправятся к другим планетам и приспособят их для себя. Приберут к рукам последний клочок пространства. А что им остается? Мечта о перемещениях во времени умерла.

Фрост стоял на крыльце и смотрел на эту заброшенную землю. За изгородью высоко в небо

взметнули кроны деревья. Фрост их помнил — когда он был маленьким, они тоже были еще совсем молодыми. Изгородь покосилась, скоро развалится совсем, а чуть позже — трухой станут и дом, и сарай.

Мона Кэмпбел уехала, скоро и он уйдет отсюда. Не потому, что ему есть куда идти, а просто нет у него причин оставаться здесь. Он побредет куда глаза глядят, прочь отсюда. Как-нибудь он поладит со своей судьбой. Скорее всего, направится на юг, здесь через несколько месяцев похолодает и выпадет снег.

Или на юго-запад, подумал он. В пустыню, в горы — он часто думал о тех краях.

Мона Кэмпбел уехала, почему? Опасалась, что он выдаст ее, рассчитывая на прощение властей? Или поняла, что не должна была говорить ему о своей работе, а рассказав, почувствовала себя уязвимой?

Нет, она ушла не затем, чтобы уберечься, но чтобы спасти мир. Она пошла своим путем, потому что не могла допустить, чтобы человечество узнало, что два последних столетия занималось ерундой. И потому, что надежда, которую она нашла в математике, оказалась слишком хрупкой и слишком сложной для большинства,

привыкшего к простому устройству будущего мира, который человечество для себя сочинило.

Святые были правы, подумал Фрост, как было право человечество, в течение многих веков придерживаясь веры. Хотя, он был уверен, Святые отвергли бы доказательство Моны — нет в нем ни вечной славы, ни звука серебряной трубы архангела.

Оно не обещает ничего, кроме жизни, уходящей в вечность. Ни слова о том, какой эта жизнь будет, ни малейшего намека на то, кем там станет человек. Но это — доказательство, решил Фрост, и это лучше веры. Вера никогда ничего не могла противопоставить фактам.

Фрост сошел с крыльца и направился к покосившимся воротам. Собираться незачем, все что у него есть — одежда, одежда Хиклина, и планов строить не надо — какие планы, когда нет цели?

Он дошел до калитки, потянул на себя и тут из-за деревьев неожиданно вынырнула машина.

Фрост в изумлении замер, первое, что пришло в голову, — возвращается Мона Кэмпбел.

Но в машине было два человека, и оба — мужчины. Машина подъехала к калитке и остановилась.

Дверь открылась и один из них вышел.

— Привет, Дэн! — сказал Маркус Эплтон. — Как я рад увидеть тебя здесь! Вот уж не рассчитывал!

Он был приветлив и обходителен, словно увидел закадычного друга.

— Да, в самом деле, — согласился Фрост, — я не раз ожидал, что вы вот-вот выскочите из-за угла. Но, признаюсь, не сегодня.

— Ладно, чего там, — улыбнулся Эплтон. — Какая разница. Мне это как раз по душе. Не ожидал, что застукаю сразу вас обоих.

— Обоих? — изумился Фрост. — Кого еще, Маркус?

Водитель выбрался через другую дверь и подходил к ним. Это был немного косящий громила, за поясом у него торчал револьвер.

— Кларенс, — обратился к нему Эплтон. — Пойди-ка в дом и приведи сюда девицу Кэмпбел.

Фрост отступил в сторону, чтобы пропустить Кларенса. Он видел, как тот пересек двор, поднялся по ступенькам и скрылся в доме. Фрост обернулся к Эплтону.

— Маркус, кого вы хотите тут найти?

Эплтон ухмыльнулся.

— Не прикидывайся. Мону Кэмпбел, ты должен ее помнить.

— Да, конечно. Женщина из отдела исследова-

ний Времени. Та, что исчезла.

Эплтон кивнул.

— Парни со спасательной станции несколько недель назад засекли, что тут кто-то живет — летели по делам мимо. После, через неделю или около того, женщина, которую они здесь видели, привезла к ним человека, которого укусила змея. Она сказала, что нашла его на дороге. Было темно, как следует они ее не рассмотрели, но и этого достаточно.

— Увы, вы ошиблись. Никого, кроме меня, тут нет и не было.

— Дэн, — сказал Эплтон. — На тебе висит обвинение в убийстве. Если ты можешь нам что-то сообщить, то сообщай, и мы тебя не видели. Скатертью дорожка.

— И далеко я уйду! Так, чтобы стрелять было удобнее?

Эплтон покачал головой.

— Нет. Дело есть дело. Ты нам, конечно, нужен, но не так, как она.

— Мне нечего сказать, Маркус. А если бы было — я увел бы у вас это дельце из-под носа. Но ее тут не было.

— Кларенс вышел из дома и тяжело зашагал к калитке.

— Там пусто, Маркус, — сказал он разочарованно. — Никаких следов.

— Ну ладно, — кивнул Маркус. — Значит, где-то спряталась.

— Не в доме, — настаивал Кларенс.

— А как ты думаешь, — спросил Эплтон, — этот парень может что-то знать?

Кларенс взглянул на Фроста.

— Этот — может. Очень даже может.

— Беда в том, что он сегодня неразговорчив.

Кларенс резко взмахнул рукой, уклониться было невозможно. Фрост отлетел назад, ударился о забор и упал. Кларенс шагнул к нему, нагнулся, схватил за рубашку, рывком поднял и снова замахнулся.

Словно что-то взорвалось в голове у Фроста. Очнувшись, он обнаружил себя стоящим на четвереньках, во рту — солоноватый привкус крови.

К нему протянулись чьи-то руки, вновь рывком поставили на ноги. Фрост качался, стараясь держаться прямо.

— Погоди, — сказал Эплтон. — Не все сразу. Может, его настроение изменилось.

— Еще? — обратился он к Фросту.

— Черт вас дери, — ответил Фрост.

Его ударили снова, он опять свалился на землю и там, приходя в себя, почему-то пытался сообразить — зачем он сказал то, что сказал. Это было уж вовсе глупо, дерзить он не собирался, но вот, сказал, совершенно не подумав о последствиях.

Он сел и уставился на мучителей. Эплтон, казалось, перестал относиться к происходящему как к развлечению. Кларенс был готов продолжать.

Фрост поднял руку и вытер лицо. Рука окрасилась кровью.

— Дэн, не валяй дурака, — принялся увещевать Эплтон. — Все, что от тебя требуется, — сказать, где Кэмпбел. И катись на все четыре стороны. Мы тебя не видали.

Фрост покачал головой.

— Если не заговоришь, — внес ясность Эплтон, — то Кларенс уходит тебя до смерти. Он эту работенку любит. Управляется он быстро, а я вот что еще подумал — ребята со станции могут вовремя не поспеть. Знаешь, как иной раз бывает. Чуть-чуть опоздают. Ужасно, конечно, да что поделаешь.

Кларенс приблизился.

— Я серьезно, Дэн, — сказал Эплтон. — Шутки в сторону.

Фрост изо всех сил пытался встать на ноги. Кла-

ренс приблизился еще на шаг. Фрост кинулся на эти две, похожие на столбы, ноги, почувствовал, как врезается в них, и растянулся лицом вниз. Отскочил в сторону, встал на ноги и выпрямился.

Кларенс лежал на земле. Из раны на голове хлестала кровь — кажется, он ударился о забор.

Эплтон бросился на Фроста, Фрост попытался отступить, но Маркус ударил его головой в живот, и он рухнул. Эплтон оказался сверху, обхватил горло Фроста руками и стал душить. Фрост видел снизу сузившиеся глаза и ощерившийся рот.

Издалека, кажется, донесся раскат грома. Но у Фроста гудело в голове, и он не был уверен в этом. Руки на его горле сжимались как тиски. Он сумел высвободить руку и выбросил ее вперед, но в ударе не было силы. Он ударил еще и еще, но пальцы не разжимались.

Взявшийся ниоткуда ветер закружил в воздухе пыль и мелкие камешки. Фрост увидел, что Эплтон старается отвернуть лицо от ветра, потом он отнял руки от горла Фроста и куда-то пропал.

Фрост, пошатываясь, встал на ноги.

Рядом с машиной садился вертолет. Из кабины выскочили два вооруженных человека. Маркус Эплтон стоял, уронив руки вдоль тела. Кларенс по-прежнему лежал на земле.

Винты замерли и воцарилась тишина. «Служба спасения» — было написано на корпусе вертолета.

Один из мужчин направил оружие на Эплтона.

— Мистер Эплтон, — сказал он, — если вы вооружены, то бросьте оружие.

— У меня нет оружия, — ответил Эплтон. — Я его никогда не ношу.

Это сон, подумал Фрост. Слишком фантастично, чтобы оказаться явью.

— По чьему приказу, — не теряя хладнокровия, осведомился Эплтон, — вы меня арестовываете?

В его голосе прозвучала насмешка, он явно не верил в происходящее. Кто может арестовать Маркуса Эплтона?

— Это по моему приказу, Маркус, — раздался другой голос.

Фрост обернулся и увидел, что на трапе появился Б.Д.

— Как это вы рискнули покинуть свой кабинет, Б.Д.? — ехидно спросил Эплтон.

Б.Д. не ответил, он повернулся к Фросту.

— Как вы, Дэн?

Фрост поднял руку и вытер лицо.

— Я в порядке. Рад видеть вас, Б.Д.

Второй человек с револьвером наизготовку

подошел к Кларенсу, встряхнул его, поставил на ноги и обезоружил.

Кларенс нетвердо держался на ногах и прижимал руку к дырке в голове.

Б.Д. сошел вниз, в дверях вертолета возникла Энн Харрисон.

Фрост пошел к ней. Он был словно в тумане, ног не чувствовал и был немало удивлен, что вообще способен передвигаться. Но шел, да и чувствовал себя, в общем, неплохо.

— Энн, — спросил он, — что происходит?

Она подошла к нему.

— Что они с тобой сделали?

— Пока еще ничего. Но начали неплохо. Что все это означает?

— Бумага. Та самая бумага.

— Она была в том конверте?

Энн кивнула.

— Такая глупость. Там было всего-то: «Поместите 2468934 в список». Странно, я до сих пор помню все цифры. Вспомнили? Вы говорили, что прочли ее, но забыли.

— Да, что-то вносилось в список. Но о чем это?

— Очень просто, — пояснил подошедший к ним Б.Д., — число — это идентификационный номер тела в холодильнике. А список — в него

вносились люди, которые не будут оживлены. Все записи и сведения о них исчезали.

— Зачем?

— У них были слишком крупные вклады, — сказал Б.Д. — И эти деньги можно было перевести на другой счет. Перечислить и стереть запись. Вклад невозможно обнаружить в случае, если не оживить владельца.

— Лэйн! — сообразил Фрост.

— Ну конечно. Казначей. Он мог проделывать такие операции. А Маркус выискивал жертвы — тех, у кого нет близких родственников и друзей. Таких никто не хватится. Полная гарантия.

— Вы, конечно, понимаете, Б.Д., — хладнокровно сказал Эплтон, — что я возбужу против вас дело. Я пущу вас по миру. Заберу все, что у вас есть. Вы позволили себе клевету при свидетелях.

— Весьма сомневаюсь в успехе вашего начинания, — парировал Б. Д... — Дело в том, что мы имеем признание Лэйна. — Он кивнул конвойным. — Забирайте их. — Те стали подталкивать Кларенса и Эплтона вверх по трапу. — Вы возвращаетесь с нами, Дэн?

Фрост замешкался.

— Татуировки сводятся, Дэн, — стал объяснять Б.Д. — Дается официальное заявление о случив-

шемся. Вас ждет ваша работа. У нас есть доказательства того, что суд был незаконен. И я полагаю, что Нетленный Центр сможет возместить вам ущерб, а также достаточно вещественно выразит свою благодарность за то, что вы сделали для нас, перехватив эту бумагу…

— Но я не делал этого…

— Ну-ну, — укоряюще взглянул на него Б.Д., — не скромничайте. Мисс Харрисон нам все рассказала. Это она передала нам документ, да еще и выяснила, что там имелось в виду. Я бы сказал так, что Нетленный Центр просто в неоплатном долгу перед вами…

Он повернулся и пошел к вертолету.

— На самом деле, это вовсе не я, — смутилась Энн. — Но я не могла рассказать им, кто это сделал. Джордж Саттон — вот кто разобрался.

— Погодите, — сказал Фрост. — Джордж Саттон? Кто это?

— Тот человек, с которым вы однажды ночью беседовали о Библии. Помните? Святой. Высокий, седой старик.

— Дэн! — Б.Д. обернулся в их сторону, стоя на пороге кабины.

— Да, Б.Д.?

— Маркус приезжал сюда, чтобы найти Мону

Кэмпбел. Сказал, что у него есть сведения, будто она тут. Он говорил, что та скрывается в заброшенном фермерском доме. Не в этом ли?

— То же самое он говорил и мне, — спокойно ответил Фрост. — Похоже, он решил, что я о ней что-то знаю.

— Но?

— Ничего, — Фрост покачал головой.

— Ну ладно, — тяжело вздохнул Б.Д. — Когда-нибудь мы ее отыщем.

Он скрылся в кабине.

— Подумать только, — улыбнулась Энн. — Вы возвращаетесь. Я опять смогу приготовить вам ужин.

— А я выйду и куплю красные розы и свечи, — добавил Фрост.

Он вспомнил тепло и ощущение жизни, которые эта женщина сумела придать неуютной комнате. Вспомнил и о том, как пустота и горечь исчезли в ее присутствии, как возникло дружеское общение, которого он никогда прежде не знал.

Любовь? А как поймешь? В первой жизни едва ли есть место для любви. У него не хватило времени даже на то, чтобы понять — что же это такое. А наступит ли это время во второй жизни?

Времени там будет вдоволь, но не заполнит ли и его человек холодом своих расчетов? Не возьмет ли он за основу то, как жил в первой?

Энн повернулась к нему, и он увидел, что она плачет.

— Все станет по-прежнему, — прошептала она.

— Да, — кивнул он. — Все будет точно так же.

Хотя знал, что прежнего уже не вернуть. Земля уже никогда не станет такой же. Мона Кэмпбел открыла истину, о которой не сообщит никогда, но через несколько лет то же самое обнаружат и другие. Мир узнает все.

Рухнет привычная уверенность в жизни, Нетленный Центр обретет соперника, и мир опять примется балансировать между двух мнений и вер.

— Дэн, — сказала Энн. — Поцелуй меня, пожалуйста, и пойдем в вертолет. А то Б.Д., чего доброго, начнет волноваться.

37

Возле дороги сидел человек и глядел вдаль, но глаза его были пусты.

На нем были только брюки, обрезанные значительно выше колен. Длинные волосы свисали до плеч, спутанная борода была полна песка. Его кожа выгорела, он выглядел изможденным.

Мона Кэмпбел притормозила и вышла из машины. С минуту она рассматривала человека. Вряд ли он замечал ее: он выглядел совершенно потерянным и, казалось, жил только по привычке.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — спросила она.

Он вздрогнул и посмотрел в ее сторону.

— Что с вами? — спросила она. — Вам плохо?

— Плохо, — повторил он неожиданно резким голосом, — что значит — плохо? Вы умеете отличить, что плохо?

— Иногда, — сказала она. — Но не всегда, конечно.

— Если бы я остался, — вдруг запричитал он, — если бы молился усерднее, если бы выкопал такую яму, чтобы крест не падал…

Он затих и снова уставился в никуда.

Только теперь она заметила мешок, который валялся подле него на земле. Мешок, похоже, был сделан из материи, которую он оторвал от своих брюк. Внутри мешка в беспорядке были свалены кусочки нефрита.

— Вы голодны? — спросила она. — Вы здоровы? Вы уверены, что вам не требуется помощь?

Господи, подумала она, зачем надо было останавливаться…

Человек чуть заметно пошевелился, губы приоткрылись, словно он хотел что-то сказать, но передумал.

— Если вам не нужна помощь, то я поеду, — сказала она и повернулась, чтобы уйти.

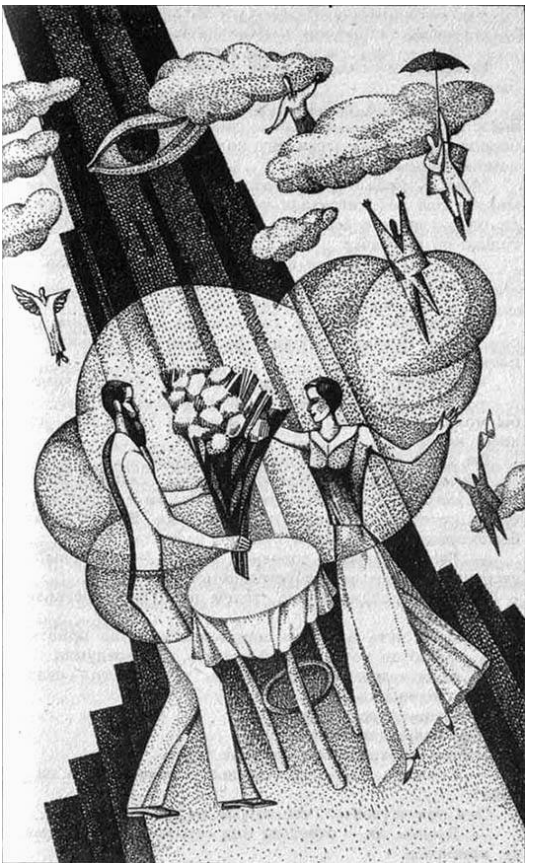
— Подождите, — сказал он.

Кэмпбел остановилась.

На нее смотрели воспаленные глаза.

— Скажите мне, — проговорил человек, — есть ли истина?

Она почувствовала, что вопрос не праздный.

— Думаю, да, — ответила она серьезно. — В математике, например.

— Я искал истину, — сказал он, — а нашел вот это. — Он толкнул мешок и пластины разлетелись по песку. — И что, так всегда? Вы ищете истину, а обнаруживаете идиотский приз. Но и эту подачку вы заберете, все лучше, чем ничего.

Она отвернулась. Он был безумен.

— Нефрит, — сказала она, — странно, один тут уже гонялся за нефритом…

— Вы не понимаете, — пробормотал он.

Она покачала головой, желая поскорее уехать.

— Вы сказали, что истина есть в математике. Что же, по-вашему, Бог — математик?

— Не знаю, — сказала она. — Я остановилась лишь затем, чтобы спросить, не нужна ли вам помощь.

— Куда вам кому-то помочь, — ухмыльнулся он, — вы и себе-то помочь не сможете. Нам всем помогали когда-то. А теперь — нет. С этим уже ничего не поделать. Я знаю, я пробовал.

— Почему же, — мягко произнесла она, — есть такое уравнение с одной забытой планеты…

Он приподнялся и пронзительно закричал:

— Нет пути, говорю вам! Нет! Существовал лишь один путь, а теперь и он не годится!

Она бросилась к машине. Там остановилась и посмотрела назад. Человек уже опустился на землю, но все еще глядел в ее сторону и в глазах его читался неописуемый ужас.

Она попыталась что-то сказать, но слова застряли в горле.

И через разделявшее их расстояние, он прошептал, словно это была тайна, которую он решился ей раскрыть:

— Мы покинуты, — прозвучал жуткий шепот. — Бог оставил нас.